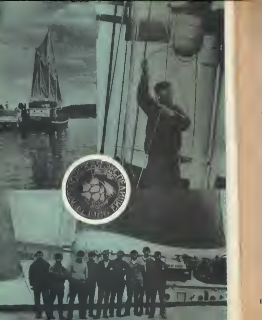
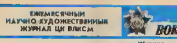

ВОКРУГ СВЕТА
5 1987

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Журнал основан в 1861 году

На XX съезде ВЛКСМ много говорилось о самодеятельных патриотических клубах и объединениях молодежи, получивших широкое распространение в наши дни. Один из них — петрозаводский научно-спортивный клуб «Полярный Одиссей», который уже 8 лет проводит исторические экспедиции в прибрежных водах Белого и Баренцева морей. Клуб пропагандирует историко-географические знания, собирает материалы по истории поморского судостроения и мореплавания.

В пятом номере журнала за 1987 год мы сообщили о Беломорской комсомольско-молодежной экспедиции журнала «Вокруг света», проведенной при активном участии Карельского обкома ВЛКСМ, Карельского отделения Северного филиала Географического общества СССР.

Продолжаем рассказ об этом плавании.

ГРИГОРИЙ ТЕМКИН
Фото автора, А. НИКОЛАЕВА
и Ю. ТРАНКВИЛИЦКОГО

ЗА КОРМОЙ — 2000 МИЛЬ

ИЗ ДНЕВНИКА УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

БЕЛОМОРСК. ОТПЛЫТИЕ

Багровое солнце висело над горизонтом и разливало по всему небу ровный свет. Было далеко за полночь. Серебрились туго натянутые попутным ветром паруса, волны вспыхивали на миг зеркалами, чтобы тут же разбиться о корпус шхуны, засыпая море за кормой сверкающими осколками. «Полярный Одиссей» шел полным ходом прямо на солнце, к Соловецким островам, и весь экипаж — вахтенные и те, кто имел полное право отдыхать и даже спать после долгого дня погрузки и предстартовой суеты — все делят ... участники экспедиции стояли на палубе, завороженные белой ночью на Белом море. Солнечная дорожка, которую полуночное солнце выстелило перед бушпритом, будто указывала курс нашей беломорской «кругосветке»...

СОЛОВКИ. ЗАГАДОЧНЫЕ ЛАБИРИНТЫ

Соловки изольются не утреннего тумана как мираж, только что вокруг виднелась влажная, холодная летняя дымка — и вдруг обозначились расплывчатые контуры берегов, будто на рейде вбирая крепостных башен. Еще немного и зыбкие силуэты становятся отчетливыми, и вот уже «Полярный Одиссей» стоит под белыми стенами Соловецкого монастыря — можно сказать, географического и исторического сердца Поморья.

Некогда могущественный монастырь, основанный в XV веке и имевший она откупал едва ли не весь русский Север, бывшая темница для смутьянов и бунтовщиков в мятежная обитель, сама бунтовавшая против царя, с 1974 года Соловки — художественный историко-архитектурный и природный музей заповедник. Тысячи туристов ежегодно приезжают на эти острова, чтобы познакомиться хотя бы с некоторыми из 170 различных памятников старины. И непременно — с каменными лабиринтами.

Лабиринт Большого Заяцкого острова, входящего в Соловецкий архипелаг, небросок — на бугристом усеянном валунами лугу мы, наверное, и не заметили бы его если бы не мурманский краевед Владимир Афанасьевич Евтушенко, наш живой экскурсовод.

— Вот он, родимый! — радостно, словно встретив близкого человека, засмеялся Владимир Афанасьевич, шагая по берегу. Недалеко от кромки воды, там, где студеный беломорский накат поглаживал берег, и трава над нелепо выложенными камнями спираль диаметром метров восемь, не более.

— И это все? — разочарованно протянул кто-то.

— То есть как «все»?! — возмутился Евтушенко. — Вон во — ни ни вел руин и стороны крепостных стен — XVIII XVII и лучшем случае — XVI век. А лабиринты — весят, I—II тысячелетия до нашей эры.— И он нежно погладил камни на спирали выложенных камней.

Владимир Афанасьевич занимается лабиринтами уже два десятилетия, и ему есть что рассказать о них.

В мире сейчас известно около трехсот лабиринтов, главным образом в северных странах. О них сложено множество легенд, но ни одна не объясняет их назначение. В Ирландии и Англии, например, бытовали предание о том, что по подобным спиральным лунными ночами танцуют феи. Норвежские саги рассказывают, что йотуны — могучие великаны — дробили мерзлые камни и из камней выкладывали лабиринты и шведских валунах лабиринтами отмечали входы в свои подземные дворцы великаны-двэрги. А на русском Севере вплоть до нашего столетия существовал обычай в память об особо важных событиях класть валунные... Этнографы описывали обряд, но смысла его никто объяснить уже не мог. Тайна лабиринтов остается не разгаданной.

— Пока! — заметил Евтушенко и упрямо наклонил голову.

Владимир Афанасьевич еще не знает что мы будем обследовать с ним каменные витки близ Кандалакши искать лабиринт под водой в Бабьем Море и на Кемлудском архипелаге, высматривать непонятные фигуры на Терском берегу, но так и не определим культовым ли было первоначальное предназначение этих странных каменных сооружений или, как предполагает его гипотеза, рыболовное. Впрочем, неудачи не убавят его энтузиазма. А сейчас Евтушенко с жаром доказывает:

— Вся вероятность, лишним беломорских лабиринтов стоит у самого моря. Почему? А вот почему. Представьте себе прилив три тысячи лет назад. Рыба разумеется, лосось не больше не заходит в лабиринт вместе с водой, набивается в эти коридоры и тупики. А в отлив древний охотник собирает улов...

Тишину острова нарушает шумная разноголосье туристов. Девочка лет восьми подходит к лабиринту и... принимается, что то напевая, прыгать с ветки на виток до центра и обратно.

— А это — иллюстрация к новой гипотезе Нонорной хозяйка,— нисколько не смущаясь, комментирует сценку нашу «лабиринтщик» — Некоторые полагают что «вавилоны» служили для праздничных обрядов и игрищ.

КУЗОВА. ПЛАТО СЕЙДОВ

В нескольких часах хода от Соловков лежит архипелаг Кузова. «Полярный Одиссей» бросил якорь у восточной оконечности острова Большой Немецкий Кузов.

Необитаемый остров. В прозрачных голубых бухтах лениво рыбу не пуганные выходили они с ... перед порхали отделяющиеся от гнезд ... рябчики. Почти час карабкались мы к вершине острова, обдирая ладони о скальный гранит, нащупывали в склоне трещины цепляясь за шершавый подвальный ягель. И когда добрались до вершины, ... Со всех сторон ... свистит ... ветер ... на ...

лесь, надвигаясь десятки рассерженных каменных богов. Мы не были готовы к мрачному великолепию капища, хотя и знали, что где-то меня на какие сейды.

Каменные идолы видимо — сейды — сделаны по одному образцу, похоже на булыжник, маленькая глыба-туловище, голова — голыш из мелких камней. Среди них встречаются низенькие из нескольких камней и совсем маленькие сейды, которые под силу перенести одному человеку. Увы, по-видимому туристы предельно это неразумно многие сейды разрушены. Сто сейдов Большого Кемлудского Куэва и почти девяти соседнего Рувного Куэва — уникальные святилища не имеющие аналогии в мире во до сих пор никто не взял на себя мало-мальски эффективную защиту. И словно наказывая людей за невнимание сейды уверенно исчезают без ответа вопросы уже. Были ли каменные идолы домашними божками лопарей-саамов? Или, поклоняясь им, люди испрашивали удачи? А может сейдам которым самым еще это нет вокруг приносили жертвы — рыбу, тюлений жир и кровь внутренности — они вселяете ли души погибших охотников в качестве помощи на охоте — чего тех кто не вернулся в времени? Загадки, загадки, загадки. Даже датировать сейды хотя бы в приблизительной точностью пока не удалось, поскольку на них нет следов ручной обработки.

— Посмотри, негромко позвал меня Вадим Бурлак. Присев на корточки, несколько наших экспедиции пристально вглядывался в средних размеров сейд. Я подошел. — Ничего не видишь? Я ничего не видел. — Ну же напрягай фантазию! Олень! — подсказал Вадим. И тут я увидел. Восемь камешков, поставленных в столбик не пытается глыбы, вобрали вырезали из ее поверхности странную тень в ней действительно угадывалась оленья голова, увенчанная раскидистыми рогами. Театр теней?! Мы перебежали к соседнему сейду, третьему, десятому — такой напоминающий силуэты животных или птиц не удалось усмотреть. Более того, вернувшись к оленьему сейду, мы уже не увидели и рогатой головы.

«Шутки воображения» — наконец решили мы, спускаясь с вершины острова.

И лишь когда Куэвы исчезли из виду, спохватились: а верной ли в понятии тень мы вдруг увидели мишень? А что если тень появляется только при определенном положении Солнца? Строго в определенный час. Или минуту?

КРАСНЫЙ СЕВЕРНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Человек встал на берегу с лодочным мотором, не отплывая ни на «Полярный Одиссей» вставший на якорь в кабельтове от острова, ни на катер, в котором мы двинулись в его сторону к кордону Красному — двум рубленым избушкам и дощатому амбару за краю леса.

По шатким деревянным сходням заваленного причала мы вытащили катер на берег. Человек — худой, в фуражке это был лесник — то прежнему не обращал на нас внимания всецело поглощенный своим стареньким «Ветерком». Подошли познакомились. Лесник пристально внимательно изучать наши бумаги и, когда мы уже потеряли надежду дождаться от него хоть слова протянул руку:

— Клоковский Юрий Сергеевич. Здравствуйте. Лесник улыбнулся и из угрюмого нелюдимого чернобородого тотчас вдруг превратился в общительного человека лет тридцати пяти с интеллигентной вкрадчивой речью.— Рад гостям. Я здесь тут один на все девять Кемлудских островов.

Юрий рассказал, что уже третий сезон живет на островах в связи с апреля и до ноября. Раньше работал на фермах в Кандалакше попал в аварию, два года маялся по больницам, думал, не жить и боле. А как дела не поправлялись пришлось идти в лесники — к природе ближе. Обратились в дирекцию заповедника — взяли. Определили вроде на Кемлуды.

— Не скучно ли? повторил Юрий наш вопрос — Да разве в таком хозяйстве заскучаешь, колько надо, чтобы объехать только. А главное — душе здесь радостно. Вот пойдемте покажу Красный.

Мы идем за лесником по тропке, едва заметной в густом кружевистом мху. Тропинка вьется по над берегом среди низкорослых кудрявых елей и чахлых берез, огибает вмороженные валуны, кружит их внизу полями — брусничными черничными, морошковыми. Воздух душист и сладок, кажется ни несталь полон ягодами которым что становится липкими губы. Но ягод пока нет — только начало цветения.

— Много ли в вашем ягоды, Юрий Сергеевич?

— Как не быть! И ягоды и грибы. Без них тут и загрустить можно, поди. Консервы сами — дефицит копеечку мешок были б вместо — тем и пожевать на молоко в за одной гриве и мешок надо ведь не очень грибы. Так что ждем не дождемся иных когда грибы ягоды пойдут.

— Кто ждет? — не понимаю вопроса мы.

— Как кто? Птицы ждут. Звери. Я. Да еще три десятка таких, как я!

Днем ранее когда «Полярный Одиссей» пересек на широте 66 33 линию Северного полярного круга, в прокладке в порт Кандалакшу директор Кандалакшского государственного заповедника Геннадий Трифонович Корнуков подтвердил слова лесника. Почти 60 тысяч гектаров заповеданной площади раскинувшейся на берегах Белого и Баренцева морей и сотнях больших и малых островов, охраняют всего тридцать пять лесничих и лесников. На гуты. И все же в деле охраны природы, как нигде, качество важнее количества. Лучше одни лесник не традиционный своему делу, как Юрий Клоковский, чем десятки случайных людей которые вдруг вознамерят себя полновластными хозяевами вверенной им территории. В этом мнении были единогласны все сотрудники Кандалакшского заповедника с которыми нам удалось поговорить,— считающие эти безза ветно влюбленные в свою работу энтузиасты. Именно благодаря им в этой северной заповеди Советского Союза вновь от полного уничтожения гаги — серый или горбоносый тюлень, гнездятся тяжелые широко

крылья гаги, пуха было в [illegible] потребно... из-за их легчайшего и исключительно теплого пуха рвет норм, что бы отложить туда одно-единственное яйцо, тупики — редкие забавные птицы с массивным, как у крупного попугая, клювом; гладят на птичьих базарах не пугающие человека с ружьем, десятки тысяч кайр [illegible] бакланы [illegible] и прочее...

«Полярный Одиссей» неча [illegible] из Карандашом вечером и после [illegible] нескольких часов хода [illegible] Виктор Дмитриев заводит шхуну в укромную бухточку, чтобы вареными почт. Но едва якорь, пригвоздив цепь в клюз, ложится на дно, из-за мыса вылетает катер и Митина в нем. В катере лесник, который сообщает, что мы зашли в заповедные воды, и не желая ничего слушать, решительно предлагает покинуть бухту. После непродолжительных и тщетных попыток вступить в переговоры снимаемся с якоря и уходим. Впрочем, эпизод этот скорее радует, чем огорчает: если и заповедная все [illegible] тихие, то браконьерам здесь особо не вольготно.

На ночлег останавливаемся в Пильской губе, укрывшись от ветра за продолговатым каменистым островком. Хотя уже третий час ночи, спать не хочется — полные, багрово-красное солнце шар раскаленного стекла на трубе стеклодува [illegible] изнова [illegible] то же вольна.

ЛЕВ НАВОЛОК «МОРЕ — НАШЕ ПОЛЕ»

От Умбы до тони Лев-Наволок добираемся на рыбацкой мотодоре вместе с Алексеем Татарским, врачом экспедиции, согласившимся подбросить пропавших рыбы. Идем час, другой, четверо бортовой взрывной вечен...

Наконец показывается тоня — небольшая бухточка между двух огромных валунов. Навстречу нам отчаливает карбас с тремя рыбаками в оранжевых робах. Перекинувшись с ними, один из них имеет приветствия громко кричит: «Все! Хватит! Еду в суд! И им скажу! Селедку губят!» Тогда-то Алексей — не принимает вморе деятельное участие в экологической программе экспедиции — не отличает от этого без внимания. Выясняем: кто губит селедку и как. Оказывается, тут было не тоже много вытаскивать ящиков. Когда сельди лежит [illegible] мало, для оборота [illegible] придет время [illegible] шипя [illegible] заберет [illegible] оставит. А море [illegible] рыба. Мигом все вникать [illegible] воти в волны как тонут и выбирать начали. Куда ты сдаешь добычу? Еще сутки и пропадет рыба [illegible] в отвале.

— А и тут при чем? — [illegible] приемщик.— У меня таких тоней знаешь сколько и до каждой — пятнадцать-двадцать километров. Почем мне знать, где идет рыба, а где не идет?

— Так рации, наверное, нужны? — робко вставляю я, и мужики смотрят на меня так, будто я предложил им настенте вета [illegible]. Это давно для всех двадцатый век, а у беломорских рыбаков как не было раций, так и нет и никогда не предвидится. Ни [illegible] все же [illegible]. Рыбаки успокаиваются, и мы идем на ту сторону залива к ставному неводу. Над нами с недовольными криками вьются чайки — признак богатого улова. Двенадцатые поплавки едва виднеются над водой.

— Килограммов шестьсот — [illegible] выдает на глаз бригадир.

Бригада выбирает сеть, тут же на [illegible] сортируя улов.

Для чаек начинается самый настоящий пир. В их возбужденно орущих голосах [illegible] вынимают рыбы ныряя, отяжелевшие на воду ни и тут продолжают собирать даровую добычу.

Возвращаемся в тоню, оставляем [illegible]

[illegible] рыбы на берегу и [illegible] в руки рыбаков — крупные широкие [illegible] суставные.

— Все [illegible] замечает мой взгляд бригадир. — [illegible] в выбираешь, [illegible]. А вот сельди. Ни [illegible] выдерживают. Вот в этом году у [illegible] молодой здоровый вирена [illegible] Сергей — по рукам [illegible]

На раскаленной плите в тоне появляется чайник, аппарат на свежей сельди: «Любите беломорку ту?» [illegible] нас в некоторые.

Затруднительный вопрос пробовать не доведилось. Только недавно на биостанции на мыс Картеш от бригада Олега Филипповича Ивановы узнали, что сельдь — самая важная промысловая рыба Белого моря. Испокон веков поморы говорили «Море — наша нива» и считали урожаем в этого года быть беломорам. И кормила она рыбаков в заработках давала гарантии [illegible] и даже вусад для охоты из нее делали. Чаринте на морю без отравления, сколько хватит [illegible]. Море держалось, пока не появились мощные промысловые суда и тралы [illegible] на рыбе [illegible] наряным [illegible] в нем [illegible] лучше. Бездумный промысел изрядно подкосил сельдяные запасы, а тут еще неизвестно отчего погибли морские травы зостера — лучшее природное нерестилище для беломорки. И не убыль сетью, да [illegible] стремительные, что поморы стали за [illegible]

С ослаблением промышленных за-

[illegible] тревогу обратились к ученым. С помощью науки начинается сельди остановить. Олег Филиппович со студентами [illegible] занимаются искусственным разведением беломорской сельди. Показал нам сетчатые субстраты-ясли, на которых икоти может гору оплодотворить развиться глубин температур технологических режимов, при которых выживает максимальное количество [illegible] лечинки, с литейки [illegible] выбранными на биостанции. И видимо, [illegible] личинки-зародыши, которые позволяют икру принять и сохранить, в отнерестившуюся рыбу вылавливать. Эти личинки — гордость его лаборатории. Малинии [illegible] довольно уверенно сельдяные мальки в Белом море восстанавливаются, а — кто знает? — может, в недалеком будущем посетители «Океана» будут недоверчиво присматриваться в новинке с этикеткой «Сельдь беломорская».

И все же не вопрос для живых рыбаков мы в дальнейшем нужно от печальных «Любимь!» И подсаживаемся к столу.

Приемщик оформляет квитанцию забирает ящики с уловом. Трогаемся в обратный путь. Погода портится, чем дальше от Лев-Наволока, тем сильнее ветер. Дору швыряет так, что удержаться на скамье можно, затем вцепившись в планширь под фанерным потолком кабины. Лицу девушки постепенно приобретает белый и затем желтый оттенок. Заметив это, признаваться я.

— Что, понравилась наше море-то?

4

5

ВАРЗУГА. СЕКРЕТ ДОЛГОЛЕТИЯ

В обмелевшее устье Варзуги «Полярный Одиссей» не вошел, и, чтобы добраться до деревни Варзуга, что в тридцати километрах выше по течению, пришлось на время превратиться в пассажиров стареньского трактора «пятика».

— Волнуюсь,— признался на подъезде к Варзуге наш боцман Александр Николаевич Оя — редактор Карельского телевидения, объездил почти весь Север, а вот в Варзуге еще не бывал.— Ведь в Поморье древнее села, пожалуй, и нет. Тысячу лет этому селу стукнуло, и здравствует. Чудеса! А ты слыхал про Успенскую церковь? В 1674 году ее варзужане построили без единого гвоздя. Пишут — шедевр деревянного зодчества, и вот увижу я его.

Из-за холма вынырнули отливающие серебром маковки, затем потянулся в небо стройный шатер, и вот на высоком берегу открылась вся церковь — ладная, высокая, с просторным нарядным крыльцом и изящными набегающими одна на другую кровлями.

— Нравится? — спросил встречающий нас председатель колхоза Петр Прокопьевич Заборщиков.— Понимаю. Сам иной раз иду по селу и глаз не могу оторвать. А ведь всю жизнь здесь.

Мы идем по звучащему деревянному тротуару за председателем и нет-нет да оглядываемся на церковь, оставшуюся на том берегу Варзуги. Присматриваемся к варзужским домам — как-то живет тысячелетняя деревня? Избы крепкие, основательные, со скотными сараями, огородами, палисадниками, на крышах торчат телевизионные антенны, во многих дворах стоят мотоциклы.

— Неплохо, вижу, живете, Петр Прокопьевич?

— Да вроде бы ничего,— отзывается Заборщиков,— хотя можно и лучше. Эх, наш колхоз наш не из последних.

Скромничает председатель. В Умбе, Терском райцентре, нам рассказывали, что «Восходы коммунизма» — одно из лучших хозяйств: колхоз-миллионер: и семгу ловит, и оленей выращивает и сдает на мясо, откармливает, и молоком весь район обеспечивает.

В клубе, понятно, еще никого нет: при ясной, мы должны встретиться с варзужанами, но пока никого нет.

— Народ пойдет через час, не раньше,— объясняет Петр Прокопьевич,— только работу кончили. Вы вот нам наших певиц послушайте. Варзужский народный женский хор.

У клуба уже собралось человек пятнадцать женщин в расшитых сарафанах, атласных передниках, кружевных шалях, приколотых брошью к кофте. Волосы убраны в повойник — старинный головной убор в виде чепца, круглой шапочки, вышитой жемчугом, перевитой красной лентой. У одних повойник расшит серебряными узорами, у других — речным жемчугом, которым с древности славилась река Варзуга.

С хором идем на «площадь» — высокую зеленую лужайку в конце села. Внизу переливается река, огибая острова, около лодочных мостков с восторгом плещутся ребятишки. На другом берегу — Успенская церковь в окружающей церковь избами в два ряда ... на горизонте. В безоблачном небе висит нежаркое северное солнце, и, кажется, ничто в мире не нарушит ... на крутом откосе выстраиваются варзужские женщины в поморских нарядах и сильными голосами заводят: «Не на я и не дышу...» И вот уже певицы пускаются в пляс, ведут «хороводы».

С организатором варзужского хора Александрой Капитоновной Мошниковой мы знакомимся только вечером в клубе — Александра Капитоновна последнее время мало выходит из дома. Годы. Прежде всего она интересуется, понравился ли нам хор, с хором, с поморскими песнями она всю жизнь. Под ее руководством хор, который в 1936 году впервые выступил, стал известен в Мурманской области, Ленинграде, Москве, получил звание народного, записал пластинку, удостоен золотой медали ВДНХ...

После беседы с вазужанами о нашем плавании — вдобе ... хаврей опасности, борьбе за мирное будущее, которую ведут люди доброй воли всей Земли миролюбивой политике Советского Союза — мы расстилаем на сцене клуба ... с воззванием в защиту мира. Не мы уже встречали наши подписи жителей горлин в сел, где прибывала «Полярной Одиссеи» рыбаки на тонях морских ... заповедных островов.

Первой воззвание подписывает Александра Константиновна. Следом за ней — присутствующие в зале старики, затем люди помоложе, вслед ним — дети. Гляжу, как на ватмане растут столбцы подписей, и вдруг замечаю, что чуть ли не треть всех фамилий — Заборщиковы.

— Нас и правда почти треть,— улыбается Петр Прокопьевич,— читали это Заборщиковы. Давно в Варзуге живем...

Заборщиков приглашает к себе на чашку чая. Сидим за большим основательным ... и ... в Варзуге прямоугольным столом и пьем из крутобокого самовара чай с морошкой, а вечи уютно потрескивают березовые дрова ... , а нам вещает долголетии Варзуги. Может место такое исключительное? Земли ... река кистям рыбная, лес вод ... бойны.

— Хорошее место — соглашается Петр Прокопьевич,— предки знали, где селиться. Только одного места мало. Сколько добрых мест и Поморье обезлюдело, потому что варвара не берегли. Гибли от ... и ... интереса. Кузомень-то видели?

Да мы уже видели Кузомень, стоящую в устье той же Варзуги. Доброе ... же уже мертвые избы, мертвая двухэтажная рубленая школа, мертвая улица, занесенная песком... Пески ... жизнь, ... живет теперь Кузомень — когда-то самая богатая ... Щедро ... всем поморам здешний ... брали от нее, не задумываясь, вырубали лес ... на ... и ... костры под железными ... в XVII XVIII

XIX веках — и погибла почва, веками ... через несколько поколений. Веревки, и самых ... настигал ... даже после смерти ... всеобщего запустения возвышается над Кузоменским кладбищем ... — ... трехметровые кресты где ..., где ... из-под ... людскими бездушием ... и ..., ... вопиют ... ...

— А Варзуга потому живо — ... Петр Прокопьевич,— что не обирали варзужане никогда будущие поколения. Что получали от отцев, то детям, не убавив, передавали. И лес, и землю, и реку. И повет. И память.

Мы распрощались с председателем, переправились на Успенский берег. Не удержались, и еще раз подошли к церкви. В темноте от времени рубленых ... шатер, желто поблескивали сосновые бревна.

Спасены вековые бревна. Построенные ... и ... заботливыми хозяйскими руками.

СВЯТОЙ НОС
ЗНАК НА ОСТРОВКЕ

Горло Белого моря, стиснутое Кольским полуостровом и Зимним Берегом, клокотало, плескало в борта ... маленькие ... за ... ... встречные, ... «Полярный Одиссей» густым серым туманом...

... у поморов дурной славой — каждый год с приливом ... тогда говорили «Горло их ... » ... любили поморы огибать ... Мезенский залив, там где Белое море соединяется с Баренцевым. Ходила легенда, что у мыса ... ... за проходящими судами ... буравя деревянные днища, ... моряки ... ... червей после этого мыс стали называть Святым Носом, ... до XIX века ... на мурманский берег ... не вокруг мыса, а волоком через узкий перешеек и его основании.

Увы, благоразумный путь поморских мореходов для «Полярного Одиссея» недоступен. Еще двое суток мы идем на север и сплошном тумане, ориентируясь по точкам к берегу ... Сииньец, Вязика, Орловский, Городецкий, Лумбовский... Святоносский!

Еще немного усилий и на скалистом острове ... мыса ... шест с памятной табличкой «Беломорская экспедиция журнала ЦК ВЛКСМ «Вокруг света» 1980 год. Мыс Святой Нос».

Впереди — вторая половина пути.

Окончание следует

ВИТАЛИЙ БАБЕНКО

Фото О. АЛИТЫ
и В. ЛИСТОВА

ПОПЕРЕК СЕРЕДИНЫ МИРА

— Не вообразите, — рассказывал Олег Владимирович, — я в Кито впервые не просто в Эквадоре. Впервые в Южной Америке, впервые в Южном полушарии, впервые почти на экваторе. «Почти» потому что Кито лежит чуть к югу от нулевой параллели. Сразу и не поймешь, то попал на самую «середину мира». Не жарко. Прохладный ветерок. Впрочем, все это вполне объяснимо: город расположен на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря. Четко разделимы две части — Новый Кито и Старый. Характерная черта Нового Кито: склоны холмов засажены эвкалиптами. Эти рощи служат защитой от эрозии и образуют противоселевой заслон. Над Старым Кито возвышается гора Панесильо — «Маленький хлебец». На вершине — памятник святой деве Марии. И вот я совершаю первый круг по городу: стою на площади Сан Франциско, верчу головой, стараясь вобрать в память сразу все — и дома и горы, и прозрачный воздух, которого чуть-чуть не хватает для дыхания, и замечательную церковь Ла Компанья, украшенную индейской резьбой по дереву, где фигуры людей сохраняют — вопреки испанской традиции — естественную пропорциональность. Ко мне подбегает мальчишка с тщательной пачкой газет в руках. К этому я впоследствии так и не смог привыкнуть — детский труд для меня был и остается дикостью. Так вот, разглядываю маленького продавца в огромной, набровь надвинутой кепке — язва у виска, здесь — и в клетчатой шапке и на верхней губе мальчишки вижу язвочку. Вот он, мой враг — лейшманиоз. И в очередной раз осознаю, что враг свой не побежден.

Здесь пора сделать паузу в беседе и объяснить, кто такой Олег Владимирович Алита и что такое лейшманиоз.

С доктором Алитой я познакомился в Москве — уже после того, как Олег Владимирович вернулся из командировки в Эквадор. Советских медиков немало в разных странах мира, но О. В. Алита был первым советским врачом по сотрудничеству в Эквадоре, и это вызывало определенный интерес. Специальность Олега Владимировича — кожные болезни, в частности — лейшманиоз. У этой болезни много имен — некоторые несомненно знакомы читателям по художественным произведениям, рассказывающим о недавнем прошлом Средней Азии: пендинская язва, ашхабадская язва, сартская, мургабская язва, годовик, болезнь Боровского. Не буду описывать признаки заболевания. Необходимо лишь отметить, что когда-то оно было широко распространено на юге нашей страны. Теперь же болезнь, имеющая эндемичный характер, локализована и встречается лишь в республиках Средней Азии, а также на юге Азербайджана.

Во всем мире от лейшманиоза страдает огромное количество людей — в Азии, Африке, Латинской Америке. Не случайно эта болезнь входит в число шести инфекционных заболеваний, которые взяты под особый контроль Всемирной организацией здравоохранения. В Эквадоре, Перу, Колумбии и других странах Южноамериканского континента ее называют болезнью дровосеков, в Мексике — язвой чиклеро (чиклеро — те же дровосеки). Причина появления такого имени понятна: заболевание передается при укусах москитов, которые любят сырые, тенистые места, заболоченные участки.

Олег Владимирович Алата — опытный врач-дерматолог. В Эквадор его командировали поделиться собственным опытом в эпидемиологии, изучить местные методы лечения.

Когда я впервые пришел в квартиру Олега Владимировича, мне открыл дверь невысокого роста плотный человек, в бороде и усах его пряталась добродушная улыбка. Знакомство наше началось с шутки. На улице было слякотно, и я захотел сменить обувь. Все, что мне могли предложить, — это тапочки великана 45-го размера. Шлепанцы, правда, пришлись впору не мне, и Олег Владимирович вдруг рассмеялся.

— Вспомнил, — сказал он, провожая меня в комнату, — размер моей ноги вызывал неизменный хохот в магазинах Кито. Видите ли, мне необходимо было ездить в джунгли, москитов там много, поэтому потребовалась крепкая обувь с высокой шнуровкой. Начал ходить по обувным магазинам — везде выносят им у них самый большой размер — сорок третий, вот и идите, мол, прито вовсе ничем не порадовать. Пришлось специально заказывать приемные ботинки. И костюм тоже заказал не случайно — из вельвета. Нет, не подумайте — не шику ради. Какая может быть защита от москитов? Резиновые да плотных тканей. Вельвет в этом смысле — очень практичный материал. Согласитесь, не брезент же носить под экваториальным солнцем!

В разговоре выяснилось, что Олег Владимирович заканчивал Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Мы часто встречаем упоминание об этом университете в газетах, слышим о нем по радио, но порой не задумываемся, какую роль играет это высшее учебное заведение в мировой системе образования, сколь важную помощь оказывает УДН развивающимся странам, готовя для них квалифицированные кадры. Десятки тысяч выпускников Университета дружбы народов — теоретики и практики естественных наук, инженеры, специалисты сельского хозяйства, врачи, экономисты, юристы, историки, филологи — работают в разных странах мира, отдавая соотечественникам полученные знания.

— Вообще выпускники УДН — это люди мира, — рассказывал доктор Алата. — Вот я по пути в Эквадор оказался в столице Перу Лиме. Еще в самолете гадал, как бы разумнее распорядиться временем — на осмотр города выкраивались всего лишь часы. Выхожу в холл гостиницы — батюшки! — знакомое лицо. Наш, из Университета дружбы народов, врач. Узнал, что прилетел советский медик, разыскал, приветил. С его помощью я теперь имею представление о Лиме. В Эквадоре мне много помогала Росита Миньо — тоже наша выпускница, мы с ней учились на одном курсе. Росита работает в госпитале национального страхования, а до этого год трудилась в сельской местности — в Эквадоре такой общий порядок для дипломированных врачей. Вообще в стране много выпускников нашего университета — инженеры, медики. Кто-то трудится на ниве образования, кто-то плавает на рыболовных судах. Агустин Палалинес, например, занимает важный пост: работает координатором по сотрудничеству между УДН и Центральным университетом Кито. Помните, я говорил, что склоны в Кито засажены эвкалиптами? Инициатор этих противоэрозионных посадок тоже наш выпускник, заслуживший гордый титул «отца зелени».

Около пятисот эквадорцев окончили советские вузы, и не только Университет дружбы народов. Они объединены в Ассоциацию выпускников советских вузов. Эта организация — коллективный член Общества эквадорско-советской дружбы, она издает свой журнал, в котором освещает экономические проблемы, культурную жизнь страны — среди членов Ассоциации есть выпускники ГИТИСа.

В Эквадоре хорошая дерматологическая школа. Заведующий кафедрой дерматологии Центрального университета Кито Ольгер Гереон познакомил Олега Владимировича с интереснейшей личностью — доктором Луи-

сом Леоном, ранее возглавлявшим кафедру тропикологии в университете. Луис Леон — крупнейший специалист в области тропической патологии, настоящий подвижник. Он буквально по крупицам собрал национальную библиографию по медицине, куда вошли и современные научные данные, и сведения о народной медицине, еще мало изученной.

— Я был прикомандирован к госпиталю «Гонсало Гонсалес», — продолжал рассказ Олег Владимирович. — Это государственный дерматологический госпиталь вместе с лепрозорием. Каждую субботу и воскресенье мы с директором госпиталя ездили в очаги лейшманиоза. Изучали эпидемиологическую обстановку, хо-

дили по дворам — выявляли больных. Дело осложнялось тем, что точной статистики по лейшманиозу в стране нет — только медики стараются скрыть истинные цифры. А бороться с кожным лейшманиозом весьма сложно. Переносят возбудителя, как известно, москиты. Но даже если истребить всех москитов какой-нибудь фантастической хлопушкой, проблема не будет решена. Дело в том, что лейшмании содержатся в природных «резервуарах» — грызунах, которым данные простейшие микроорганизмы не причиняют ни малейшего вреда. В Эквадоре такими резервуарами служат кролики, хлопковые крысы, агути — горбатые зай-

цы. И вот подделать грызунов практически невозможно — и в горах, и в джунглях никакие средства не эффективны...

В этом месте я позволил себе перебить доктора Алину и спросил о риске.

— Риск? Конечно, риск был, — прозвучал ответ. — Но любой профессиональный риск должен быть разумным. Например, известно, что пик активности москитов приходится на вторую половину дня, поэтому к шестнадцати часам и старался уезжать от очагов. Ведь никакой четкой профилактики нет. Все надежды, если говорить, на репелленты и плотную одежду. Так что командировки мои были частыми, но короткими: рано

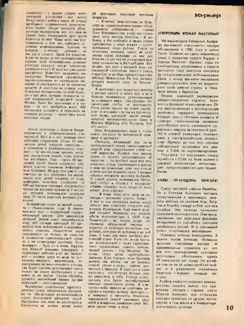
утром уехал к озеру, вернулся в Кито. Между прочим, этот природный в Эквадоре работает как метроном и задает режим работы.

Я прилетел в Кито в начале апреля. А в этот период в эквадорской столице дождь идет каждый день, причем строго по часам: начинается в четыре от часа до полутора с идет не больше пятнадцати-двадцати минут. В остальное время те же тропики. Часы можно было не брать. Как прошел дождь — значит, надо собираться домой. Тем более что после дождя москиты злеют.

Если говорить о риске, то уж и не знаю, что несет большую опасность — москиты или «бусеты». Это

междугородные автобусы, которые носятся по горным дорогам в Андах. Носятся в буквальном смысле! Бесшабашные водители, не признающие правил движения, могут и на серпантине развить скорость до сотни километров в час. «Бусеты» разрисованы яркими красками, украшены лампочками. Мчится навстречу такое фантастическое сверкающее чудо — и думаешь: пронесет мимо или сбросит в пропасть?

Но вот возвращаемся в Кито, принимаем душ, обедаем — нервы успокаиваются. Можно снова прийти в «Гонсало Гонсалес» и побеседовать с госпитальными падре. Мичелино Ратенеры были не только профессионалами типа. Гулки по интересн

госпитале — в здании старой колониальной постройки — мы много беседовали и вообще о мире, об острых проблемах современного политического бытия. Падре оказался убежденным пацифистом, так что нам не нужно было уговаривать друг друга бороться за мир. Чаще всего мы разговаривали о том, что победить на нашей планете инфекционные болезни — особенно детские — не так уж и сложно. Были бы средства. А где же взять их все развивающимся странам, если общемировые военные расходы съедают почти триллион долларов в год?! И ведь все уже давно рассчитано. Известно, например, что программа Всемирной организации здравоохранения по искоренению малярии не реализуется из-за нехватки средств. А расходы на полное освобождение человечества от этой болезни в три раза меньше стоимости одной американской подводной лодки. Можно было бы покончить и с корью — на это требуется всего 300 миллионов долларов, в пересчете на военные расходы — около трех часов мировых затрат.

После разговора с Олегом Владимировичем я заинтересовался статистикой ВОЗ и из его данных выбрал следующее. Более 16 миллионов детей умирает ежегодно — в основном в развивающихся странах — от недоедания, диареи, малярии, воспаления легких, кори, коклюша. Ныне лишь 40 процентов детей Земли получают прививки против основных инфекционных болезней. Между тем давно подсчитано, во что обошлась бы вакцинация всех детей планеты от кори, дифтерии, коклюша, столбняка — от 600 миллионов (столько человечество тратит на военные нужды за 5 часов) до четырех миллиардов долларов (или 35 часов мировых военных расходов).

Важнейшее сырье на нашей планете — обыкновенная вода. А чистая пресная вода — ценнейший и дефицитный ресурс. Два миллиарда жителей Земли пьют загрязненную воду, что служит причиной 80 процентов всех заболеваний в развивающихся странах. Недостаток воды сказывается не только на качестве и количестве приготовляемой пищи, но и на санитарных условиях. Если женщина — будь то в Азии, Африке или Южной Америке (например, в пустынных районах того же Эквадора) — должна идти за водой за десятки километров, то, вернувшись из многочасового похода, она будет тратить драгоценную влагу только на самое необходимое, а уж вовсе не на мытье. Таким образом, рушится важнейший барьер против инфекций — гигиенический.

Всемирная организация здравоохранения давно предложила программу по обеспечению развивающихся стран безопасной питьевой водой. Программа эта пока не реализуется. Стоимость ее, кстати, равна всего 18 суточным мировым военным затратам.

— Конечной моей поездки по Эквадору не назначено точным образом, — сказал Олег Владимирович, когда мы подводили итог нашим беседам. — Я побывал в Вилькабамбе и видел самых старых людей в мире — долгожителей этого района. Глядя на столетних жителей, никак не мог поверить сразу, сколько им лет. Ученые пока не установили причину долголетия в Вилькабамбе. Возможно, все дело в местной воде, ее составе. Здесь и радий, и серебро, и вообще присутствует вся таблица Менделеева. Не зря, видимо, японцы вывозят воду из Вилькабамбы.

Я несколько раз пересекал экватор в разных местах и видел там и тут небольшие памятники, установленные на «середине мира», как называют это место. Гигантский глобус на постаменте. Стоя около одного из таких «глобусов», я вспомнил строки из прочитанной перед поездкой книги американских путешественников Элен и Фрэнка Шрейдер «Ла Тортуга». Вот эти места.

Олег Владимирович взял с полки книгу, раскрыл на заложенной странице и прочитал:

«Эквадор, названный так из-за воображаемой линии, пересекающей землю, сам представляет собой парадокс. Климат там весьма далек от наших представлений об экваторе — по крайней мере, как нам показалось. Среди укутанных в плащи людей с широко раскинутыми полями шляп мы стояли в этом центре земного шара в полдень, озирая окрестную дорогу Кайямбе. У самой дороги возвышался бетонный глобус с надписью: «Линия экватора, ноль градусов, ноль минут, ноль секунд».

— Я тоже бывал на экваторе, — вспомнил доктор Алиев. — А меня все не оставляла мысль: вдруг удастся мне отыскать сокровища Руминьяуи. Был такой вождь индейцев, патриот Эквадора, его зверски убили завоеватели в 1535 году. Руминьяуи — на языке кечуа это означает «Каменный взгляд» — спрятал от испанцев несметные сокровища, которые не найдены и по сей день. А один раз меня пробрал настоящий страх. Было это возле часовни, несказанной с целью сохранения ноги чернокожего святого католической церкви — Сан Мартина. Часовня стоит возле глубочайшего каньона. Есть поверье: если бросишь монету так, чтобы она не коснулась стенки, упала в воду — значит вернешься в Эквадор. Я подошел и сразу свесился с площадки. Бездна сковала меня. Голова закружилась, сам будто вестибулярный аппарат отключился разом. Я решил нащупал в кармане монету, вытащил — и швырнул в пропасть. Напряженно черноволосый служитель смотрел мимо и направил движение руки. Монета упала точно в воду.

«ТИГРОВЫЙ» КОМАР НАСТУПАЕТ

На территории Северной Америки азиатского «тигрового» комара обнаружили в 1985 году в штате Техас. Скорее всего он здесь появился вместе с грузом покрышек в окрестностях Харрис с города Хьюстон. Однако, судя по сообщениям, полученным в последнее время Центром контроля за болезнями США, к этому времени насекомое распространилось уже на территорию семи штатов страны, а также в Бразилии.

Комар считается переносчиком опасных вирусов и отличается большей агрессивностью. От вирусов желтой лихорадки и энцефалита страдают значительно больше чем от обычных комаров. И наибольшую тревогу вызывает его способность переносить вирусы японского энцефалита. Правда, до сих пор случаи заболеваний, вызванных им, в США не зарегистрированы.

Предполагают, что «тигровый» комар попал в США из Азии вместе с партией подержанных автопокрышек, предназначенных для переработки.

АНДЫ — ПРАРОДИНА КЕНГУРУ!

Среди жителей района Кочабамба в Боливии бытовали легенды, повествующие о чудовищах, живших некогда на склонах Анд. Вступив в борьбу между собой, все они погибли. Эта легенда привлекла внимание палеонтологов. Они придумали, что находки окаменелых останков и костей. И в существование отправились экспедиции.

Надежды ученых оправдались. В одном месте обнаружили скопления костей. И удивительным показалось то, что они принадлежали сумчатым животным, обитавшим здесь 6Р миллионов лет назад. Не погибли ли они за междоусобной войне, а в результате стихийного бедствия — бурного селевого потока?

Разбор находки позволил сделать вывод, что прародина кенгуру — горные плато Южной Америки: все остальные виды сумчатых на других континентах, в том числе и в Австралии — значительно моложе.

Немолодого кубинского парня по имени Мигель с черными как смоль, слегка вьющимися волосами я приметил в первый же день. И вот почему. На губах у него часто блуждала застенчивая улыбка, а глаза оставались грустными. Понаблюдав за ним, я решил, что Мигель стесняется своей хромоты и поэтому на пляже уходит подальше от всех. Да и в маленькой гостиной столовой «Эксельсиора» он старался появляться попозже, когда там уже никого нет. Несмотря на громкое название, «Эксельсиор» был вовсе не шикарным отелем в скромном местечке на мексиканском побережье с двумя десятками гостей, в число которых вскоре присоединился мой знакомый, репортер Фернандо. Я мог только гадать, какими ветрами занесло в это тихое пристанище неугомонного мексиканца. Фернандо сам он лишь коротко сказал, что тоже приехал поработать. Впрочем, все выяснилось, когда он пришел обедать вместе с Мигелем. Причем, судя по их оживленной беседе, они хорошо знали друг друга.

Когда я поднялся из-за стола, у дверей меня догнал Фернандо.

— Если хочешь услышать кое-что интересное, в девять приходи ко мне в номер,— заговорщически прошептал он, хотя столовая была уже пуста.

Конечно же, я был у Фернандо минута в минуту: настолько заинтриговал он своим загадочным поведением.

А. МАКАРОВ

ТИРО ФИХО

— Это мой советский коллега Андрес,— представил он меня устроившемуся в плетеном кресле Мигелю.— При нем можете рассказывать безо всякой боязни.— И, видя, что я теряюсь в догадках, пояснил: — Мигель из Сальвадора. Солдат Фронта[1]. Лечился здесь после ранения.

Так вот откуда хромота! Правда, закрадывалось подозрение, что Мигель не мексиканец, а, похоже, из Центральной Америки, но определить по внешности, откуда именно, было сверх моих сил.

— Итак, Мигель, мы остановились на мартовском восстании восемьдесят второго года. После него ты ушел с партизанами в горы,— напомнил Фернандо.— Что было потом?

Как жаль, что я упустил возможность услышать от непосредственного участника о тех памятных событиях, когда отряды Фронта, переброшенные с горы Гуасапа, вели бои в самой столице Сан-Сальвадоре!

Мигель откашлялся, словно оратор перед выступлением, и хрипловатым голосом начал неторопливый рассказ.

— Тогда с партизанами ушли почти все члены университетской организации Союза коммунистической молодежи. Оставаться в городе было равносильно самоубийству. Солдаты национальной гвардии расстреливали подозрительных прямо на улицах. А тех, кто попадал в руки секретной полиции, перед смертью ждали пытки. Выйти же на волю после ареста было все равно что выпить всю воду озера Илопанго. Поэтому в подполье отбирали самых стойких и опытных. Я тоже просился, но не вышло. Оказался «чайником» в метком «искусстве»,— усмехнулся Мигель.— Хотя всего лишь занимался в университетском стрелковом клубе, пока его не закрыли, случалось, выступал на соревнованиях...

— Поэтому у партизан ты и получил имя «Тиро Фихо»[2]? — перебил Фернандо.

— Нет, это произошло гораздо позже, после одной операции. А сначала был просто неопытным новичком, над которым посмеивались старые компаньерос. Да и немудрено. Хотя в университете я активно работал в Союзе коммунистической молодежи — вел агитацию среди студентов и в рабочих кварталах, распространял партийную печать вместе с другими парнями, выступавших на митингах руководителей компартии,— для партизанской жизни этого оказалось слишком мало. Пришлось

[1] Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти.

[2] Меткий стрелок (исп.)

учиться буквально всему, даже такой простой вещи как ходить по тропинке. Дело в том, что местные крестьяне при ходьбе ставят ступни на одной линии и вытаптывают узкий желоб. Все привычки ни за что быстро не нему не преблизи — ноги заплетаются.

Разошлись мы за полночь, когда голос у Мигели окончательно сел. На следующее утро еще до завтрака я постучался в Фернандо и попросил дать прослушать пленку с записью рассказа Мигеля о бое, принесшем ему славу непревзойденного стрелка.

Несмотря на сравнительную молодость, Чонес Кортес успел заслужить мрачную славу своей чудовищной жестокостью. Там где действовал его «эскадрон смерти», потом находили изуродованные тела: язык вырезан, глаза выколоты, руки и ноги отрублены. На груди жертв аккуратная табличка «Такая участь постигнет всех бунтовщиков. Смерть всем врагам свободы!» Эта жестокость и помогла ему сделать карьеру. После того как Кортес прошел курс обучения «тактике борьбы с терроризмом» в специальном центре ЦРУ в Батон Руже, в штате Луизиана, он получил звание майора национальной гвардии. Ему поручили руководить операцией «Феникс» по образцу одноименной [illegible] террора, проводившейся ЦРУ в Южном Вьетнаме.

— Наши разведчики сообщили, что свой временный штаб Кортес устроил в деревне Пенья Бланка. Завтра в нему должен был прибыть американский советник. Обычно гринго отправляли без особой надобности не покидать столицы, где чувствовали себя более или менее в безопасности. Но тут был особый случай. Карателям удалось перехватить связную по имени Камила, шедшую в командование партизанской зоны. Отправлять ее в Сан Сальвадор чересчур опасно [illegible] сама могла пасть в засаду. В это время Фронт как раз начал большую операцию по блокированию дорог по всей стране. Поэтому ее решили выдавить из помощи гринго-специалиста по допросам американцев: его он может развязать язык даже немому. — Мигель старался быть бесстрастным, но голос нет-нет да выдавал его волнение.

— Наши бойцы давно охотились за Кортесом, но безрезультатно. Слишком он был осторожен. А тут представлялся подходящий момент, чтобы попытаться вызволить связную и заодно расквитаться с палачом.

На задание решили послать ударную группу из двадцати пяти наиболее опытных бойцов, которые показали себя в боях. Командиром назначили Иисинто — бывшего рабочего коммуниста, в него [illegible] Мигели. Он был в отряде с первых дней и за шесть лет так изучил [illegible] Гуавное это [illegible] рулей мог незаметно пройти [illegible] угодно. Меня включили [illegible] потому что в этому времени [illegible] себе внушительную винтовку.

Когда вечером у Фернандо [illegible] дошел до этого места, и [illegible] подумал, что ослышался [illegible] Нет все точно: на задание [illegible] двадцать пять [illegible] ФНОФМ хоть и деревня Пенья [illegible] находилось больше двухсот [illegible].

Группа вышла из лагеря на рассвете, когда ночной туман пополз вверх, затянув белой дымкой [illegible] очертания гор. Ориентировались [illegible] расщелина глубокими ущельями, миновали громаду [illegible]. Быстро миновали маленькие [illegible] горные — камешков в [illegible] кишащих не включали [illegible] дуэм и бобов, живая [illegible] партизан ступили на тропинку [illegible] выощенной вреди густого [illegible]. Когда заросли горные [illegible] сменились молочаем в предгорьях [illegible] цветов [illegible] прежде. Дальше лежала [illegible] земля. И вот чувство избегали [illegible] пределов границы партизанской зоны. Иисинто [illegible] вытал [illegible] Замысел предстоящей операции строился на внезапности. Если не случайно заметят [illegible] и будет сорвана. Да и горстке [illegible] придется туго.

Через [illegible] вернувшись [illegible] половины это путь свободно [illegible] строго выдерживая интервалы [illegible] не вод [illegible] изучили впереди партизаны начали вновь [illegible] лощину у подножия хребта [illegible] лежала Пенья Бланко.

Лощина встретила их сплошной стеной колючих кустов, но пользоваться мачете Иисинто запретил. Поэтому пока добрались их продвигались под огромной нависавшей скалой [illegible] до вечера. Зеленый грот связался настоящим [illegible] пришлось спрятаться [illegible] чтобы всем хватило места [illegible] желых ветвях. По лощине тянул ветер-смешник, кроша верхушки деревьев. Но вот к шелесту листвы добавилось чуть заметное шуршание, и на пятачке земли перед с [illegible] ной в глазах на [illegible] змеиной зеленым мотиной. Он о чем-то посоветовался с Иисинто, после чего командир махнул рукой и партизаны вслед за проводником вправо ли в узкую [illegible] вновь зарысили. Этим [illegible] представило едва ли не самым трудным — пробраться в деревню, чтобы, если можно, ценой наибольших жизней освободить связную. Впрочем бой есть бой. Всем придется смотреть

смерти в лицо. Никто не знает, кому суждено вернуться в лагерь, а кому нет.

Вечером, когда командир заявил [illegible] участвовать в плане операции, то первым назвал имя Мигеля. Ему поручалось выполнить [illegible] задание — снять из снайперской винтовки майора, когда тот будет встречать прибывающего гринго. Поскольку по сведениям разведки, американец [illegible] будет ни машине и ни на вертолете, [illegible] встреча вероятнее всего произойдет у дома занятого под штаб. После выстрела Мигеля командир начнется [illegible] которой и воспользуются [illegible] Херонимо, чтобы нейтрализовать охрану и освободить Камилу. Затем проводник отведет их в пятач

В ходе слушаний в [illegible] по иностранным делам конгресса США директор ЦРУ У. Колби подтвердил, что в ходе операции «Феникс» было брошено за решетку [illegible] более 47 тысяч человек, а 20 587 расстреляны на месте. В действительности число жертв во много раз превышало официальные данные.

[illegible] Мелинасом [illegible] — [illegible] кличка [illegible] национальной гвардии

...ку под самой Туле [illegible] спуститься Илмито и Мигель чтобы позвать вернуться в лагерь. Остальные постараются увести гучос за собой и горы запутают следы и оторвутся от преследователей.

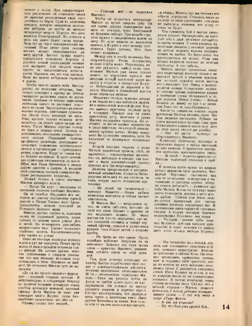
Все просто и одновременно невероятно трудно поскольку нельзя предусмотреть десятки случайностей которые могут возникнуть по ходу дела. Мигель будет зависеть от находчивости и быстроты действий. Главное — не теряться что бы ни случилось.

Услышав все это Мигель почуствовал укол ревности. Почему его включили в отвлекающую группу? Он будет прятаться а другие подставлять себя под пули. Разве это справедливо? Что он — трус? Но командир успокоил парня. Объяснил что никто не сомневается в его храбрости. Людей мало. Если интерес во своей которую поведет Илмито нарвется на противника кто лучше него пора выходить прикрыть отход?

Хотя стрелки на часах приближались только к двенадцати в трафе по всем расчетам мог прибыть не раньше двух Игнасио дал команду занять позиции на гребне хребта.

Мигель устроился рядом с командиром за небольшим плоским камнем. Он положил на него винтовку вынул из кармана хлеб и кусок и сыр. Деревня внизу была как на ладони. Вчера там праздновали «День креста» — День креста и перед многими домами стояли деревянные кресты обвитые белыми полотенцами и украшенные большими белыми цветами [illegible]. Обычно на следующий день после праздника к полудню от церкви текли длинные процессии с пением и зажженными свечами — тщательно отмытые для такого торжественного случая дети одетые в свои лучшие платья женщины дочерна загорелые мужчины в широкополых [illegible] шляпах. Но сегодня Пенья Бланко словно вымерла. Лишь увешанные оружием солдаты бесцельно слонялись по улицам.

Разведчики вообщали что штаб разместился в пятом доме от церкви и теперь Мигель сразу заметил его по двум часовым, мирающимся на сол...

позиция у входа. При двадцатикратном увеличении он отчетливо видел их оранжевые растерянные лица партизан из группы. Судя по делениям прицела, которые закрывали маленькие фигурки, до штаба не меньше четырехсот метров. Хорошо, что день выдался безветренный. Но попасть в цель все равно будет очень трудно. Ведь тут не тир с неподвижными мишенями. Пока летит пуля, человек вполне может передвинуться на метр-другой. Значит, нужно уметь предугадать поведение Кортеса и улучить самый подходящий момент для выстрела. Для второго может просто не представиться возможности. Впрочем, все это еще впереди. Пока же нужно набраться терпения и ждать.

Чтобы чем-то занять себя, Мигель достал из подсумка патроны, тщательно осмотрел и протер их. Потом аккуратно разложил рядом на куске ткани, прикрыв от пыли широкими листьями какого-то растения, похожего на салат. Через прицел не спеша изучил деревню, намечая ориентиры. После этого взглянул на часы. Увы, прошло только полчаса, хотя казалось, он лежит здесь целую вечность. Тогда Мигель опустил голову на руки и закрыл глаза. Почему-то вспомнилась последняя университетская лекция. Седенький толстяк профессор увлеченно рассуждает о средствах выражения эстетического начала в архитектуре — пропорциях, ритме, пластике. Вдруг за окном глухо бухают выстрелы. В одно мгновение аудитория оказывается на ногах. Шум, гам. Одни бросаются к окнам, другие давятся в дверях. А посреди этой сумятицы застыла одинокая фигура растерявшегося старичка...

Легкий толчок в плечо заставил Мигеля вскинуть голову.

— Вроде бы едут,— звенящим от волнения голосом сообщил Жасинто.

Он не ошибся. Надрывно воя мотором, по узкому серпантину горной дороги в Пенья Бланко полз бронетранспортер, издали похожий на большого зеленого жука.

Мигель дослал патрон, положил палец на спусковой крючок, повел прицел от церкви вдоль улицы. Вот и штаб. Он заставил себя расслабить напряженное тело. Сделал несколько глубоких вдохов. Бронетранспортер уже пылил по улице.

Один из часовых неспешно прошел в дом и тут же вернулся. Почти сразу вслед за ним в прицеле возникла чья-то фигура. Из-за темного дверного проема видна была лишь нижняя половина тела, остальное оставалось в тени. Неужели не выйдет? От отчаяния Мигель чуть не выругался.

«Да он же просто надевает фуражку!» — молнией озарила догадка. И действительно, в следующую минуту на залитой солнцем площадке перед штабом появился высокий плотный офицер. Хотя Мигель не знал, как выглядит майор Кортес, чутье безошибочно подсказало, что это он.

Офицер сделал шаг, второй...

— Стреляй же! — не выдержал Жасинто.

Чтобы не поддаться искушению, Мигель до крови закусил губу. Он все время держал перекрестие прицела не на груди, а на блестевшей кокарде фуражки майора. При подобной стрельбе нужно брать с опережением почти на метр. Но если нажать на спусковой крючок, а Кортес в этот момент остановится, будет промах. Нет, бить только наверняка.

Между тем к штабу подкатил бронетранспортер. Резко затормозив, поднял клубы пыли. Пережидая, пока она уляжется, майор тоже остановился. Мигель уже начал плавно давить на спусковой крючок, как шедший позади адъютант вдруг подался в сторону и заслонил Кортеса. Наблюдавший за деревней в бинокль Жасинто в бессильной ярости даже заскрипел зубами.

Медленно открылась тяжелая дверца, и на землю неловко выбрался мужчина в мешковатой зеленой форме. Кортес шагнул навстречу, поднося руку к козырьку. Прежде чем он успел пристукнуть ногой, винтовка в руках Мигеля взорвалась грохотом. Не отрывая от глаз окуляр, он видел перекрестие на груди карателя, на которой расплывалось кровавое пятно. Майор наверняка бы грохнулся навзничь, если бы адъютант не поддержал оседающее тело.

Второй выстрел отдался в ушах Мигеля радостным громом. «Ага, не нравится»,— торжествующе прошептал он, видя в прицеле, как адъютант и белый штатский прячутся за бронетранспортер.

Деревня превратилась в растревоженный муравейник. Солдаты бестолково метались во все стороны, не зная, откуда ждать нападения противника.

— Не давай им опомниться! — крикнул Жасинто.— Наши ребята услышали выстрелы и сейчас начнут действовать.

И Мигель бил по мечущимся фигуркам, не очень заботясь, находят ли цели его пули. Однако в деревне не все поддались панике. По звуку выстрелов кто-то определил, где засел одинокий снайпер, и теперь черный офицер, ругаясь и размахивая руками, гнал солдат цепью в сторону хребта.

— Не трать на них время. Пусть подойдут поближе. Встретим их из автоматов. Займемся ими тремя сразу,— приказал Жасинто, указывая следить сразу за левой цепью.

Тем, кого повел командир, по склону быстро карабкались трое солдат с длинноствольными автоматическими винтовками. «Американские М 16»,— машинально определил Мигель.— Если им удастся выйти во фланг на гребне, долго здесь не продержаться. Он поймал на мушку шедшего впереди и спустил курок. Словно споткнувшись, тот дернулся всем телом и покатился вниз. Двое других бросились за камни. Как только кто-то из них пытался приподнять голову, Мигель тут же посылал его обратно в укрытие. Стрелять вверх по склону, не видя противника, они даже не пытались, понимая, что толку от этого не будет.

Тем временем бой в центре разгорелся всерьез. Партизаны вели плотный огонь из двух десятков автоматов. Каратели отвечали беспорядочно. Незаметные расчеты у околицы деревни не давали поднять головы находящимся на гребне. Но бесконечно так продолжаться не могло. Рано или поздно каратели вызовут на помощь вертолеты. А это гибель.

Мигель окинул тоскливым взглядом изрезанную складками землю с немыми глыбами и ровными кустиками, которой, судя по всему, место бой. Внизу в нескольких метрах шли бесконечные заборы, черепичные крыши и каменные стены, за которыми в тот день деревня Пенья Бланко — Белый Камень. Да, видно, он и раньше знал, что это кладбищенское.

Какое-то движение внизу рядом заставило Мигеля вскинуть голову. Это был израненный командир. Рубаха на нем превратилась в лохмотья, одна рука безжизненно висела вдоль тела, зато на лице сияла радостная улыбка.

— Они уходят! — крикнул он, обращаясь к Жасинто.

Командир облегченно вздохнул и устало поднес к губам листвяной шестовик. В тишине раздалась пронзительная трель.

— За мной! — коротко приказал он Мигелю, и первым отползал в глубь леса...

В зеленом гроте прямо на камнях устало присели трое партизан. Четвертый, Херонимо, склонился над чем-то маленьким, завернутым в обрывки солдатской куртки. «Откуда взялся ребенок?» — удивился про себя Мигель. Когда он заглянул через плечо командира, волосы у него встали дыбом. Совсем еще юное лицо, по-детски пухлый рот, густые длинные ресницы опущенных век. И залитые кровью черные огромные глаза. А ладонь, которую бережно поддерживал Херонимо, уже холодная.

— Не надо! — сжимая зубы, выдавил Инесито, добавив крепкое ругательство в адрес наконец-то ... командира, свою месть майора Кортеса.

— Мы вытащились под яркой луной, как постепенно откатывались на горах, затихает перестрелка, — Херонимо рассказал о гибели Хосе. Он отходил последним, прикрывая остальных, и подорвал себя гранатой, когда из кустов на него внезапно вылезли чужие. С рассветом двинулись домой. Нести Камилу не могли, и мы по очереди несли ее на самодельных носилках. В лагере командир перед строем допросил меня. Сказал, что я меткий стрелок — Мигель помолчал, а потом добавил изменившимся тоном: — С тех пор меня и зовут «Тиро Фино».

— А как же ранение?

— Ну, это был уже другой бой...

КАРАВАН МИРА

Фото
Владимира КОМИССАРОВА

Вряд ли можно перечислить все антивоенные акции 1986 года, вошедшего в историю как Год мира. Всевозможных событий — встреч, форумов, конференций, митингов, манифестаций, шествий — было множество. Международный молодежный караван мира — одно из них.

Идея принадлежит активистам Международного бюро туризма и обмена молодежи (ВИТЕЖ). Более 300 человек из 12 стран Европы собрались в Будапеште, чтобы отправиться в автобусное путешествие по странам континента. Австрия, ФРГ, Франция, Люксембург, Бельгия, Нидерланды. Нет, участники Каравана мира не были праздными созерцателями. Во всех пунктах маршрута они выступали перед общественностью, организовывали дискуссии, давали концерты, собирали подписи. А темой всех встреч, дискуссий и концертов был одна — Мир. Караван продемонстрировал, что молодежь Европы — части света, на которой проживает почти пятая часть населения Земли,— полна решимости отстоять планету от ядерного пожара.

Караван завершил свое путешествие в Копенгагене, где проходил Всемирный конгресс мира, и это было еще одно важнейшее событие Года мира. Пожалуй, в прошлом году не было дня без отмеченного какой-либо акцией миролюбивых сил. И так должно быть всегда! Пусть все грядущие годы будут годами мира!

ЧТИТЬ

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ
Фото В. КОНДРАТЬЕВА

Мне исполнилось семнадцать лет, и исколесил Томск вдоль и поперек. Тогда уж у меня была работа — погрузить, а в нужном месте выгрузить кирпич или бумажные мешки, забитые цементом, иной раз фляги со сметаной или бочки с сухим молоком. Днем работал, а вечером слушал лекции в университете.

Фургоны я не любил — в них темно и сыро, как в подземелье, другое дело — бортовая машина. Заплатишь и морозы (они тогда были ого-го), зато столько разного увидишь.

А посмотреть было на что. Томск, куда я приехал учиться из Восточного Казахстана — город старинный, деревянный, дом в нем построен как по особому. Чего только нет — и дворцы с колоннами, и терема из лиственницы, и ведра с кружевными наличниками, мезонины, наличниками, лестницами и строения из необлицованного

ТРУДЫ И БОРЕНИЯ ...

красного кирпича, вытесненные узоры которых выложены под деревянную резьбу, в особняках из одномерных бревен на кирпичных цоколях.

А что за крыши у этих домов! На крыше и шатры — то островерхие с неуклюжими кронами, то круглые, похожие на купола. С одной гордыней устремился к небу шпиль, в другой — резной деревянный фонарь, в третьей — фантастические коньки и драконы. Неожиданно промелькнет затейливое слуховое окно или круглый играет в солнечной розеткой в углублении или темной жестяной отделкой водосточной трубы, каплей из диковинных цветов.

— Смотри, постигай, вникай!

И я постигал.

Уже через месяца два три я почувствовал, что более или менее изучил не только достопримечательности Томска, но и его рельеф, контрфорсы, взлобья и спуски, мечтательно тянутся и именуемые улицы в кусках названиями — Эуштинская, Тоянковская, Татарская, Басандайская, Обруб, первый и второй Кузнечные взвозы, Лагерный вал, Солдатов и Конец, Юртовый переулок, Каштак. В каждом тайна требующая разгадки.

Томск открывался мне то парадной, то будничной стороной. К парадной относились прежде всего вузовская часть. Здания здесь, как правило, величавые и вместе с тем выдержанные строгие, стремящиеся. Иное дело — примыкающие к ней районы. До революции в них жительствовало золотопромышленники, населявшие бывшую Миллионную улицу в Кутоды. Они тяготели к пышности и пятиэтажности, и поэтому дома ввели в зеркальные витрины магазины, торговые вывески в мастерские, конторы и постоялые дворы в каретниках старались вывести тех, чтобы поразить воображение витраж для. При всем несходстве эти две части Томска сливались воедино, образуя растянувшийся ансамбль.

А рядом сосуществовала еще одна сторона, возведенная в начале века ремесленниками, служащими и рабочим людом. Она не стала узорна и богата, но тоже по-своему интересна. Дома здесь рубленые, окна по-сибирски просторные, резьба проста, но выразительна. Одни плохи, многие в трещинах, другие освободились, крыши латаны перелицованы, сорванные пружины ставни в одном и том же доме покрашены в две, а то и три раза краски — по числу хозяев. О заборах и говорить нечего — покосились, стали щербатыми, того и гляди завалятся.

«Хозяев найти потому, наверное, и нет хозяйского догляда,— думал я, подергивая на месяцах в ценах том — Обадио Музей же...»

Однако вскоре я стал замечать, что в Томске началось наступление на ветхость. В разных концах города

Вид на Воскресенскую гору, где шла когда-то ...

Проспект В. И. Ленина

ности одновременно было снесено десятки три развалюх. Затем настала очередь заборов. К удивлению моему, вместе с неприглядными экземплярами рухнули многие и добротные, нередко железные решетки и даже резные ворота. К счастью, не все. Но и те, что остались, торчали теперь и вовсе обнажившимися, одиноко, сиротливо и неприютно.

Вот тогда я задумался о мирном, о том, что архитектура прошлого имеет свои законы, что ее так просто, лишь отсекая отжившее, мешающее взгляду и сегодняшнему времени не приспособишь. Те же заборы взять. Возводились они прежде всего с практической целью: охранить дом, отгородить его от внешнего мира. Но ведь была и другая надобность в них. Именно заборы скрывали неприглядность дворовых построек. Заборы же придавали улице завершенность, заставляли воспринимать линию кварталов как стены. А так как практически все сибирские города начинались с крепостей, то становилась понятной именно такая застройка.

Томский кремль поставлен был в начале семнадцатого века на высоком степенном холме при слиянии рек Ушайки и Томи. Конечно, ничего из построек того времени здесь не сохранилось, да и вряд ли могло сохраниться: даже смолистое дерево служит не более ста пятидесяти лет. К тому же трудно уберечь деревянный город от опустошительных пожаров. И все же крепость исчезла не бесследно. В областном краеведческом музее я увидел ее макет, созданный по архивным документам: ряды заостренных вверху бревен над обрубом (обрубленный и сделанный не ...), пять сторожевых башен, а также склады и жилые избы, встроенные в замкнутую стену, составленную из городен (двухэтажный сруб и две стены каждый длиною в четыре метра), посредине — трехшатровая деревянная церковь Бориса и Глеба.

Историю создания крепости я узнал сам же, в музее. Она оказалась весьма примечательной. В конце 1604 года князь татарского племени эуштя Тоян отправился в Москву к Борису Годунову просить защиты от степняков, разорявших его мирные юрты. Русский царь принял его приветливо и не где-нибудь, а в Грановитой палате, велел отрядить с ним разведчиков. Те и отыскали удобный для крепости холм на земле Тояна, сделали план местности и доставили его в приказ Казанского и Мещерского дворца. А по весне, как только сошел лед, из Тюмени, Сургута, Тобольска, Пелыма под началом казацкого головы Гавриила Писемского и письменного головы Василия Тырково прибыли на грузовых дощаниках к земле Тояна двести русских служилых людей. Всего за лето вместе с эуштинцами и людьми остяцкого князя Онжи Алачева они и возвели Томскую крепость.

Вскоре возле нее вырос посад, [illegible]. В 1623 году кузнец Федор Еремеев неподалеку от крепости (район Лагерного сада) нашел железную руду, выстроил домницу и начал выплавлять первосортное железо, делать из него пищали. Появились кузнечные и другие ремесленные ряды. Постепенно начал складываться «нижний» город, главным занятием которого на долгое время стали извоз и торговля. И неудивительно, что его облик многое взял от стиля давшей ему жизнь крепости.

Даже на самых неказистых окраинных улицах Томска, на деревенских переулках, поросших лопухами и крапивой, загроможденных штабелями дров или кучами золы и заметенных снегом, ощущался незримый дух той далекой первоначальной архитектуры. Они давали о себе знать то окружающими хаты ... в черемуховом окне, то верхними наличниками, деревянными ..., то стрехами без труб, сложенными наподобие городен.

Удивительное дело: без сибирские улицы многое потеряли бы, если б стали ... разворошенными. И теперь я смотрел на них с жалостью и сочувствием.

Однажды машина наша заехала на Большой Подгорный как раз под семнадцатый переулок на Воскресенской горе, переименованной вскоре в Октябрьскую.

Чтобы скоротать время, пока водитель будет чинить мотор, я от праздности начал присматриваться к строениям вокруг. Мое внимание привлек трехэтажный дом кремового цвета, в кладке задней стенки первого этажа сложенного из кирпичей и хорошо ... натурального. В верхние этажи с двух сторон вели крытые лестничные пролеты с перилами и тесовыми тамбурами. Но самым интересным было во дворе — деревянная беседка на шести столбах с выгнутыми скатами кровли и шпилем.

Ноги сами устремились к дому.

— Кого ищешь, сынок? — низким голосом окликнул меня по-домашнему одетый человек преклонных лет с ведром угля в руке.

— Никого, — помялся я. — Смотрю, и все... А что у вас это на крыше? Как наблюдательная вышка.

— Можно сказать, и вышка. А вообще-то веранда.

— Разве веранды на крыше бывают? — усомнился я.

— А чего ж не бывать? Вот гляди.

Слово за слово, и вот уже иду за ним и несу по скрипучей лестнице ведро угля на третий этаж. Затем мы поднимаемся на веранду. Взгляду открываются неожиданно широкие панорамы. Неподалеку на улице Розы Люксембург мимо желтого ... единых с круглой башней ... проходит трамвай. Дальше зубчатыми линиями тянутся Ленинский проспект, улица Карла Маркса, набережная Томи.

Немало увидел я с той веранды, еще больше узнал.

— Это хорошо, сынок, что ты не только под ноги, но и поверх заглядываешь, — сказал мне на прощанье новый знакомый. — Так и знай: Интересное под ногами не валяется — его надо ... . Будет время, на улицу Карла Маркса зайди еще. Там раньше ломбард был. А на ломбарде герб Томска есть. Он один в городе и сохранился. Посмотри — не пожалеешь.

Водитель мой еще возился с мотором, и я не мешкая отправился к зданию областного архива, благо находится рядом.

Разгоряченный быстрой ходьбой, с нетерпением остановился под мощными стенами бывшего ломбарда, стал искать глазами герб, но что за чертовщина? — его нигде не было. Потолкавшись туда-сюда, догадался наконец перейти на противоположную сторону. И сразу заметил под крышей выразительную лепнину: вздыбленный конь на гербовом щите.

К тому времени мне уже приходилось видеть гербы различных сибирских городов, и вот что я подметил: на гербах Кузнецка, Красноярска и некоторых других я видел ... тот же сюжет. Только там он занимал важную часть рисунка, а здесь — весь щит.

«Маленький конь — отражение большого» — подумалось мне.

Еще подумалось, что скакун, изображенный на гербе старинного Томска, очень похож на мифического Пегаса. Правда, крыльев у него не было, зато гриве развевались крылато, вдохновенно. Именно таким, по моему разумению, и должен быть герб города, давным-давно снискавшего славу Сибирских Афин.

Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что конь на щите Томска символизирует вовсе не творческое вдохновение, не знание и мудрость, а всего-навсего... торговый извоз.

«Но что мешает тебе считать этого скакуна Пегасом?» — задал я себе резонный вопрос.

Не знаю, как сложились бы мои сегодняшние и все так длинные странствия по Томску. Юность любознательная, ей почти всегда нужно подсказать, куда и как смотреть. Бесспорно, такой подсказкой стали для меня не только сами достопримечательности Томска, но и встречи с сотрудниками и знакомства с библиотечными ... всем ведающими. От них-то я и узнал, что в Научной библиотеке университета имеются издания уникальные. Часть из них собраны в отделе редких книг. Чего только там нет... Полный комплект газеты Великой французской революции «Монитер универсаль», псалтырь времен Бориса Годунова, альбом видов Египта, принадлежавший Наполеону Бонапарту, первоиздания прославленных античных, европейских, русских авторов, в том числе библиотека самого Василия Андреевича Жуковского, насчитывающая более четырех с половиной тысяч томов, книги с памятными надписями Гоголя, Герцена, Чернышевского,

Библиотека университета. Отдел редких книг

В реставрационной мастерской

Балкисово. Не менее интересен фонд имени Гавриила Константиновича Тюменцева, бывшего директора Томского реального училища. Всю жизнь собирал он сочинения по истории, географии, этнографии, экономике, издательскому делу Сибири и после Октябрьской революции передал их университету всего около десяти тысяч изданий, в том числе карты, летописи, собрания первых сибирских газет и журналов, более трехсот «Сборников статей о Сибири и прилегающих к ней странах».

Помню, как страстно захотелось тогда увидеть сокровища Научной библиотеки самому. Но тут же пришло сомнение: а возможно ли это? Кто я такой, чтобы передо мной вот так, за здорово живешь, раскрылись книжные тайники? Мучаясь сомне-

ником решил обратиться к первому встречному работнику Научной библиотеки.

А встретилась мне Муза Павловна Серебрякова, как узнал потом, библиотекарь очень добрый и отзывчивый человек. (В ту пору она работала заместителем директора библиотеки, ныне — директор, заслуженный работник культуры РСФСР.) Молча выслушав мои сбивчивые расспросы, Муза Павловна, по-видимому, решила, для чего бы быть, потом сделала знак следовать за ней. Ничего не понимая, я проходил за ней в книгохранилище, взошел на второй этаж по узкой винтовой лестнице и тут внезапно догадался, что нахожусь в отделе редких книг.

Трудно передать чувство, которое я испытал. Еще бы! Томск, как-то вдруг открылись мне сокровенные, в бы связал лучший второй… Ведь должен же быть у города с такими душевными ценностями душа и душа особая. Оттого-то, что собирая, изучая, оберегая лучшее в этих изданиях разными ветрами Томска и сам постоянно создавал. Создавал научные школы, рождал идеи, растил кадры — я не говорю хороших специалистов, но непременно людей большой культуры и широких интересов. Многие из прославленных ныне людей учились или работали в Томске, впитывая его традиции, приобщаясь к его неповторимой судьбе, вергали ее в многообразное богатство.

Так или примерно так думал я, разглядывая страницы нот, расписанные золотом и киноварью, с цифрами вместо нотных знаков, склонившись над витринами с рукописными свитками, пожелтевшими от времени и ничуть не потерявшимися.

В отличие от многих редких книг издания из фонда Тюменцева можно было выписать в читальный зал. И я книги в студенческом зале изучал, — так мы на свой лад называли Научную библиотеку. Немало интересного и поучительного узнал я за ее стенами. Например, о заслугах сибирского купечества в культурном и научном пробуждении Зауралья. Во все времена в различных слоях общества были свои интеллигенции, известные наибольшими заслугами. Отличаясь чувствующих внутреннее беспокойство от социального неравенства и потому готовые направить свои силы и состояние на просвещение, здравоохранение, другие всевозможные и полезные дела. Суровый климат, удаленность от российских центров подсказали лучшим из местных предпринимателей пути служения своему краю.

В 1803 году был известен уральского промышленника Григория Демидова. Павел пожертвовал на открытие университетов в Киеве и Сибири сто тысяч рублей с правом … «Н…» принимать право «бренна» …ских последних, сроку дабы … капитал … был в государственном месте с тем, чтобы общещим своим возрастал в пользу тех университетов…» Время Киевского университета «пришло» через тридцать один год. Решение о строительстве Томского университета было принято лишь в 1878 году. Вот тут-то и пригодился Демидовский фонд, возросший до 150 тысяч рублей. 210 тысяч пожертвовали иркутский купец, известный винокуренный исследователь А. М. Сибиряков и томский купец, городской голова З. М. Цибульский. Еще 125 тысяч рублей собрали люди малоимущие. На эти деньги для Томского университета была приобретена книжная сокровищница в 97 тысяч томов. Те же купцы направили в Томск «для научных упражнений» минералы с приисков и рудников Урала, Алтая, Восточной Сибири.

Примечательны… в судьбе томского купца Петра Ивановича Макушина. Вот выходец из семьи служителя Петербургской духовной академии, учитель православной миссии на Алтае, смотритель духовного училища в Томске. Однако со временем идея земного просвещения возобладала. Макушин основал платную библиотеку, доходы от которой употреблял исключительно на ее расширение. Потом выговорил у одного из томских купцов пять тысяч рублей, нанял подводы и наведался да и отправился в Москву за книгами. Открытый в 1873 году первый в Сибири книжный магазин скоро стал центром и…вестителем первых шагов …ныне в страну тьмы и бездорожья… современные прочие книги … несло свой свет … в знание…»

С именем Макушина связаны и другие памятные события: рождение бесплатной библиотеки и народного театра, Общества попечения о начальном образовании в Народного университета, «Сибирской газеты» и сменившей ее «Сибирской жизни». Сибирский социал-демократ П. Н. Лепешинский писал об этой газете так: «В «Сибирской жизни» мы чувствовали себя почти его хозяевами газеты. Удивительно прелюдие в редакции … в те времена эти вольнодумства газетах наряду с фельетонным вздором вроде … какого-нибудь томского пращателя… или частные и нередко … «урагов университетского вира».

«Сибирскую жизнь» регулярно получал в приложении к Шушенском Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

В типографии Макушина издавались произведения многих сибирских писателей, а также открытки с видами Томска. Открытки эти позволяют нам вернуться в начало века, пройтись по неизменным разъезженным …

Томск — город [illegible]

Гр

улицам с торговыми вывесками на Университетской роще взглянуть на каменно-деревянный Томск с Воскресенской горы, побывать в магазинах и храмах, увидеть величавые корпуса первых в Сибири медицинского и технологического институтов, что уверенно утверждали рядом с первым сибирским университетом. На одной из снимков фотограф запечатлел знаменитый Минах доктора В. С. Пирусского, создавшего третье в России Общество содействия физическому развитию, а на другом — «Центральные номера», в которых нашли приют первые сибирские профессора, общественные деятели, в том числе знаменитый путешественник Г. Н. Потанин, немало сделавший для открытия в Томске университетского центра. Ныне в этом здании расположен Научно-исследовательский институт курортологии, известный далеко за пределами Сибири.

Даже по открыткам видно, что старый Томск — город, в котором богатство уживалось с нищетой, истинная красота — с кичливостью, вкус — с безвкусицей. Вот и купцах, о которых шла речь, воплощены противоположные стихии. Условия труда в типографии того же Макушина были очень тяжелы, они сказались на рабочих за неоплачиваемые выступления против хозяина. Не знать о них он, разумеется, не мог. В то же время нет причин не верить девизу Макушина, который он вручил переводом к следующим строкам: «Для жизни поставившей себе целью служения какому-либо общественному идеалу, материальный предмет требуется немного. И только такая жизнь имеет цену. Жизнь, призванная хоть бы в роскоши и довольстве, ведет пустоту, скуку и неудовольствие».

После революции Макушин безвозмездно передал все, что нажил, народу. Будучи уже глубоким стариком, Петр Иванович продолжал формировать книжные фонды для сельских и рабочих библиотек. Умер он от воспаления легких, разбирая в холодном помещении книги, ящик для сельских врачей.

Ныне каждый томич знает Дом науки имени П. И. Макушина, тот самый, где он когда-то создал первый в Сибири Народный университет. Возле этого здания — памятник Петру Ивановичу: прямоугольная каменная глыба с рельсом, символизирующим путь к знаниям, и бессонная электрическая лампочка, которая горит над этим рельсом и ночью и днем.

Таков этот купец-просветитель, сумевший перебраться по рельсам знаний из одной социальной эпохи в другую, далекий от революционных идей и в то же время немало сделавший для их распространения.

Конечно, судьба Макушина была необычна для людей того сословия, к которому он принадлежал. Но ведь история движется не только в з типических судеб. Она многообразна, как сама жизнь...

Многие из первых томских профессоров были консервативны во взглядах на общественное устройство. Однако благодаря своему таланту и патриотическому отношению к просвещению немало сделали для развития духовной жизни города. Зерна марксизма упали на почву, подготовленную деятельностью именно рачителей просвещения. А бросили эти зерна политические ссыльные и студенты. Их стараниями в Томске была создана Сибирская группа революционных социал-демократов, первый за Уралом комитет РСДРП. Революционную университеты Томска прошли С. М. Киров (его имя носит политехнический институт и один из главных проспектов города), В. В. Куйбышев (его именем назван университет, где он учился), видный большевик М. М. Владимирский, Ф. М. Лыткин, ныне в воспоминании один из легендарных комиссаров Центросибири, К. Н. Бирявский, ставший известным ученым-географом, и многие другие.

В истории нет мелочей, в ней все взаимосвязано — судьбы архитекторов, зданий, ученых, купцов, творческих работников, революционных деятелей.

Облик Томска создавался стараниями многих творцов — именитых и безымянных. Среди них декабрист Г. С. Батеньков, прекрасный педагог, литератор, архитектор, ученый. Он считал, что всякое заведение в Сибири умственное добро не должно быть ни для кого в тягость. (Одна из томских площадей носит имя Батенькова, здесь поставлен его бюст.)

Поначалу Сибирь застраивалась по проектам, присланным из Петербурга. Но архитекторы губернского Томска А. П. Деев, П. Ф. Федоровский, А. А. Арефьев и другие решили поспорить с ними. Основываясь на достижениях европейской школы, они творчески развили, приспособили к условиям сибирской жизни и укладу жизни и вкусам ее жителей наиболее плодотворные архитектурные идеи и достижения. Их поиски продолжили К. К. Лыгин (он первый среди сибирских зодчих отказался от наружной штукатурки и стал проектировать терем-ные строения из красного кирпича с желтого песчаника), А. Д. Крячков, П. П. Федоровский, В. Ф. Оржешко. И уже их проекты рассылались в Барнаул, Бийск, Ишим, Курган, Петропавловск, Кузнецк, Омск, Новониколаевск (Новосибирск) и Красноярск и даже в Иркутск. Так что не Томск походил на другие города, как мне представлялось раньше, а другие

Герб города — Томска

сибирские города во многом похожи на Томск.

Чем больше я узнавал, тем больше мне хотелось узнать — и в студенчестве, и потом, когда стал работать в газете. Эта работа значительно расширила круг моих встреч и знакомств. Я побывал в музеях различных предприятий Томска, сдружился с краеведами, увидел многие неизвестные мне прежде коллекции, познакомился с интереснейшими архивными документами.

Между тем город жил своими повседневными заботами. Начиналось освоение мощных нефтяных месторождений Томского Приобья. Он превращался в областной центр. Через непроходимые некогда болота легли нефте- и газопроводы, возникли новые города и поселки, сам Томск стал городом, из которого улетают на трудовую вахту нефтедобытчики. Возле Томска были построены мощные химические заводы. Родились наукоград и Научный центр Академии медицинских наук, созданы были крупные строительные предприятия, появились новые жилые микрорайоны, новые дороги, общественные здания современных форм и конструкций.

Всего за четверть века традиционно вузовский, не очень-то и прежде благоустроенный Томск превратился в крупный индустриальный центр. Для старинных городов такие ускорения нередко оборачиваются невосполнимыми потерями. Не избежал таких потерь и Томск, но, к счастью, они не затронули существенно основной части его неповторимого ансамбля. Это по-прежнему сибирские Афины, с которых начинается взрослая жизнь многих тысяч его воспитанников, таких, каким в свое время был и я.

Не знаю, как кому, а мне в Томске нравятся прежде всего деревянные строения. Может быть, потому что лес и Родина для русского человека неотделимы.

Деревянная сказка Томска, которую читаешь по прядям кружев, обрамляющих окна, угловых и лобовых досок, безыскусственна и увлекательна, полна символики и реальных подробностей. По ней можно представить, как жили, чему поклонялись, что ценили и чтили наши близкие и далекие предки.

А поклонялись они солнцу, земле, труду. Изображение солнца — наиболее частый элемент резных декоров, однако нетрудно заметить, что в разных композициях элемент этот имеет свой смысл и толкование. В одних случаях это колесо жизни, олицетворение тепла и света, в других — глаз всевидящий, в третьих — золотой плод из райского сада, в четвертых — мореплаватель, держащий ежедневный путь с восходом и заходом и верующий солнце под дома зиме.

Не меньше любили резчики громовой знак, пришедший еще со времен язычества — круг с шестью радиусами внутри, будто бы охраняющий от грома и молний небесных. Охотно вешали на домах перильные [illegible], драконов, водяных змеев с шести лет. Украшали окна наличниками, напоминающими белое полотенце, наброшенное на икону...

И все же самое интересное их куда больше. Как вдохновенно вырезали они зверей, птиц, деревья, цветы! Как увлеченно вписывали в свои занятия — охоту (лук и стрелы), мирный труд (скрещенные копья и древки знамен), местные промыслы (удила, вожжи, колокольчики, плетеные корзины). До нашего времени солнце и труд — главные мотивы сказок. Во все времена.

Люблю бродить по Томску, по его зеленым тенистым улицам, где все доступно взгляду и сердцу. И каждый раз открываю для себя что-то новое, незамеченное ранее.

Сколько раз бывал я в Сухоозерном переулке, любовался двухэтажным особняком, каждый этаж которого словно не окончен, и верхний отделан из дерева и украшен узорами. В отличие от порушенных кружев на других теремах эти еще и в шестидесятые годы смотрелись так, будто недавно были сделаны.

Теперь-то я знаю, в чем секрет... До революции особняк принадлежал одному из томских рыботорговцев. После здесь размещались различные учреждения. Областному управлению хлебопродуктов дом достался в плачевном состоянии. Случилось это в конце пятидесятых годов. Руководители управления рассудили здраво и по-хозяйски: мало отремонтировать особняк, следует его отреставрировать. Конечно, в планы и сметы художественные работы включены не были. Одна [illegible] делом. Отыскали за триста верст от Томска умельца-резчика, недавнего фронтовика. По состоянию здоровья приехать в Томск он не мог, и тогда [illegible] снимали [illegible] и отправили [illegible] образец мастеру. Тот охотно [illegible]. Нашлись и мастера-жестянщики и кровельщики, и маляры, и плотники и штукатуры. Одним [illegible] простоял старый дом. Это был, пожалуй, первый, хоть и стихийный, опыт реставрационных работ в Томске. Но пример заразителен. [illegible] после [illegible]. Иные [illegible] не только восстанавливать утраченную резьбу, но и новую делать, недаром [illegible] прежним умельцам.

Весной 1976 года по инициативе партийных и советских организаций в Томске была создана специализированная мастерская Томскреставрация. Она-то и положила начало широким работам по сохранению архитектурного своеобразия города. Томск буквально оделся в реставрационные леса. На многих домах появились желтые, еще блестящие смолой кружева на месте утраченных узоров. Надо было видеть, с какой надеждой и заинтересованностью останавливались возле старых домов горожане, как легко вступали в разговор не знакомые друг другу люди и радовались происходящим переменам.

Да и как не радоваться, если в твоих глазах оживает прошлое, если работа безымянных зодчих становится близкой и понятной, поучительной, если мастера неизвестные обретают имена, становятся реальными людьми? Вон как молодо и самоотверженно работают резчики Анатолий Жданов, Сергей Воронцов, Андрей Ильиных, жестянщики Геннадий Аникин, Сергей Желтоухов и многие многие другие.

Засияли золотом купола Воскресенской церкви, возведенной в 1789—1807 годах мещанином Иваном Кармановым [illegible] товарищами. [illegible] стал планетарием, здание римско-католического костела — бывший [illegible] церкви, превращенный в [illegible] и концертный зал филармонии, зазвучал орган. В старинном особняке, украшающем центр города, естественно, разместился художественный музей. Преобразились многие деревянные и каменные терема.

За минувшее десятилетие объемы реставрационных работ выросли в городе в пять раз. Но для Томска и этого мало: ведь под государственной охраной здесь находятся более [illegible] археологических, архитектурных, исторических [illegible] памятников. Кроме того, сотни зданий имеют интереснейшие декоративные детали, также достойные сохранения. Без них рисунок города, своеобразная его композиция многое утратили бы.

На первых порах реставраторы действовали самозабвенно, но [illegible] без надежной производственно-технической базы. Со временем стали очевидны [illegible] организации дела. И в 1981 году в городе был создан Сибирский филиал [illegible] института «Спецпроектреставрация». Его задача — придать реставрационным работам комплексность, сохранить не отдельные заметные здания, а целые районы.

Уже разработано несколько интересных проектов музейного комплекса «Старый Томск». Первая его очередь охватит [illegible]. Со временем здесь разместятся филиалы областного краеведческого музея, кафе, магазины, клубы по интересам. Это позволит создать музей под открытым небом, живые кварталы [illegible] будет [illegible] с современными нуждами крупного индустриального города.

Трудно перечислить все то новое в городе, что появилось в уважительном единстве с достижениями прошлых веков. И эти характерные черты Томска — чтить труды и боренья предшественников.

Мы вглядываемся в Томск, не наглядимся и нас...

Ночи циклопа

ЖЕРАР ВЬЕН,
ГИ ВЬЕН

Однажды, пристроив к наблюдению за львами, мы поняли, что почти ничего не знаем об их нравах. Авторы множества трудов ученые единодушны в том, что лишь ночью лев становится самим собой. Бывало, что львов наблюдали при лунном свете, но все же ночная повадка хищника детально в регулярно никто не наблюдал. Тогда и пришла в голову мысль использовать дорогостоящую технику — подсвечивать работу прожектором ночной мрак и таким образом приподнять завесу над тайной.

Дело еще и в том, что львы и другие хищники после короткой адаптации перестают обращать внимание на свет и занимаются своими делами.

Техника давно перестала быть для нас проблемой: за два года съемок фильма «Коготь и клык» мы накопили солидный опыт. Освоили новую специальную аппаратуру и отработали новые обращения с ней более года. Массу хлопот причинил прожектор: объекты отслеживали благовали. Дизель-генератор у нас был сверхмощный, но очень шумный. Изолировали звук, но резко ухудшилась вентиляция. В итоге вес комплекса сконструированного нами приспособления достиг чуть ли не трех тонн!

Когда готовились к экспедиции в места втрое дальше, чем Руанда,
в неизвестными климатическими и дорожными условиями, вес оборудования — проблема волнующая.

В конце концов изготовили по нашему заказу прожектор с учетом самых последних научно-технических достижений: мощный луч «глаза циклопа» способен был разрезать мрак и высветить все тайны ночной саванны. Узкий направленный луч позволял вести съемку в радиусе более ста метров при общей надежности... две тысячи метров.

Итак, для съемки и слежения за львами у нас имелись легкие автомобили, генератор, прожектор, затушенный мир и аппаратура для видеосъемки в воздухе. По сравнению с прежней установкой выигрыш в весе выражался в тоннах. Снятые с помощью всего этого оборудования материалы составили несколько телевизионных фильмов.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

требовал особых условий.

Ясная погода и почти полное отсутствие ветра позволили нам однажды вечером реализовать широкомасштабный замысел: снять ночную охоту одновременно с автомобиля и из корзины воздушного шара. Дело за львами — они должны «согласиться» сотрудничать с нами! Мы заклинаем их не просто охотиться, но выбрать для охоты место, видимое с воздушного шара, лучше всего в открытой саванне.

Мартина и Бруно, уехавшие на лагерь два часа назад, пытаются поймать удачу, освещая равнину лучом прожектора и вызывая на свя-

Из книги «Коготь» французских кинодокументалистов Ж. и Г. Вьенов, известных съемками документальных фильмов о заповедниках Руанды, Танзании, Уганды, Чада, Кении.

дение хищников, которым этот шум нисколько уже известен. Между тем в лагере на платформу машины устанавливают корзину, укладывают мешок с оболочкой шара, баллоны с пропаном и летное снаряжение. Все в порядке, команда в лагере готова.

Радиосообщения приходят поздно ночью. Бруно лаконичен — прием удался, хищники выбрались на равнину.

До начала охоты надо надуть шар и подготовиться к взлету. Из-за огромной величины оболочки шара, когда она развернута на земле, приходится работать в отдалении от машины. Прожектор мечется взад вперед, под его лучом в травах ярко вспыхивает шелковистая ткань, столь нереальная в саванне. Корзина лежит на земле, в ней приготовлены четыре баллона с пропаном, над ними — жесткая рама с горелками. Прочные канаты соединяют ее с оживающим многоцветным шаром. Вентилятор гонит воздух в колышущуюся в высокотравье нижнюю его часть. Франк Беже проверяет каждую операцию. Как только объем шара достигает нужной величины, он включает горелки и мощные голубые языки пламени на несколько метров внутрь оболочки. Воздух в шаре расширяется, и вот над землей повисает громадная капля — диаметр ее 16 метров, объем две тысячи кубометров. Даже звери кажутся залюбовавшимися грандиозным зрелищем и как и мы замирают, глядя в небо.

Шар, привязанный к одному из грузовиков, висит метрах в тридцати над головами. Гильермо на борту корзины с камерой рассматривает группы животных с неба. Крикливый свист горелок отпугивает животных, и включать их можно только в последний момент. Но звери скоро привыкают к странному поведению людей и начинают играть перед снимающей из корзины.

При охоте члены экспедиции из корзины воздушного шара снимали французские кинодокументалисты с воздуха животных в долине реки Кагера.

Для [illegible] у [illegible] съемки шар [illegible] табилизировать у земли, как м[illegible] ниже шмеля этот требует ловкости и координации усилий. Радиосвязь «корзина — земля» позволяет постоянно контролировать высоту полета. Малейший инцидент может превратить отличные съемки в трагедию. «Глаз циклопа» по-прежнему рассекает ночь. Хищники рассеиваются по равнине. Львы, львицы и львята перемещаются в радиусе двухсот метров по нескольку животных бродят возле машины. [illegible] утоляет любопытство, но не голод, и жестокая необходимость отправляет их на охоту...

В каждом прайде есть по крайней мере один зверь, на которого [illegible] гонит жертву. [illegible] животные, [illegible] всегда выберут жертвой [illegible] невозможно. [illegible] наблюдений за охотой мы убедились, что в каждом отдельном случае [illegible] охотятся только за одним [illegible]. Этой ночью львы выбрали жертв[illegible] и [illegible] животные [illegible]

[illegible] видно, [illegible] тщательно [illegible] процессия [illegible] окружают [illegible] как львица бросается на шею животного. Лев — [illegible] опытный охотник. Но в зависимости от прошлого опыта [illegible] каждая охота проходит по-своему. В [illegible] некоторые животные теряют ловкость, их действия бесцельны и безуспешны. Стало ясно, что [illegible] две убийцы не могут достигнуть [illegible]. В ту ночь мы [illegible] несколько неудачных попыток. Неопытные и [illegible] звери [illegible] упускают возможную победу и [illegible] теряют силы в бессмысленных пробежках.

И вот мы закончили работу. Перед [illegible] поставить корзину на платформу машины. Обычное дело, которое мы привыкли выполнять без всяких затруднений. Но мы не учли усталости и некоторых недостатков [illegible] используемого [illegible]. Корзина [illegible] шар чуть-чуть поднимается вверх, попадает в [illegible] и [illegible] уходит [illegible] выше [illegible]. Мы [illegible] видим, [illegible] Гильермо висит на веревке под корзиной, захваченный врасплох, он решил весом своего тела остановить [illegible]. Отпустить веревку нельзя — высота смертельна. К тому же [illegible] он прямо над львами, [illegible]

Франк, наклонившись над бортом корзины, видит, что [illegible] в воздух неожиданного [illegible] уговаривать Гильермо [illegible] не разбиться при приземлении шара. Пропан в баллонах [illegible] горелок [illegible]. Если шар резко снизится, Гильермо разобьется о землю. Франк осторожно идет на снижение, [illegible] чтобы [illegible] забрать на борт [illegible] кинооператора. Гильермо [illegible] шар, [illegible] и [illegible] широкой улыбкой [illegible]. Команда успокоилась. Остается [illegible] опустить шар, [illegible] его на землю, [illegible] в

Две цилиндра с записью звука ... неподвижные львы подбираются к добыче на дороге

...кинуть в прежний медок. И все это в присутствии львов, которые затеяли игру в нескольких шагах от нашего жилища стадом.

ОДНА ИЗ НАШИХ ЦЕЛЕЙ

— изучить поведение хищников, услышавших магнитофонную запись голосов саванны. Чтобы сделать опыт более «чистым», мы хотели провести эксперимент ночью. Ночью меньше посторонних шумов. Цель этой затеи вполне практическая: разработать новый метод подсчета хищников. Жвачных можно пересчитать днем с помощью аэрофотосъемки или методом непосредственного наблюдения. Но для подсчета куда меньшей популяции хищников, не имеющих определенной территории и обычно хорошо прячущихся, эти способы малопригодны.

Поэтому мы и решили собрать в одном месте всех хищников определенного района. Крик травоядной жертвы, переданный через усилитель, мог послужить сигналом «сбора».

Случай позволил нам воплотить идею в практику. Мы ехали по равнине и вдруг нам навстречу показалось небольшой стаи гиен... нас остановиться. Приблизившись, поняли, что гиены ... на Оказии ... экстренную помощь, одновременно записали их крики ... с прихлебыванием, стоя на магнитофон и решили опробовать запись, не откладывая дела в долгий ящик.

Для начала решили проиграть пленку в разгар дня. Сонные сытые львы лениво играли и гонялись не ...рядность машинами. В эти часы в нецелый ... пары... тьмы. Безучастно разглядывают посетителей, развалившись в своих четырехколесных клетках. Надо сказать, что мы потратили несколько недель на то, чтобы львы привыкли к нам. При том они оставались совершенно дикими, но терпимыми к нашему присутствию никак не сближались... их естественном поведении. Мы постепенно приучили их к цвету наших машин, к жестам, к звукам голосов в машине. Такое взаимное привыкание облегчало серьезную работу, не нарушающую жизни парка. Это было особенно важно в предстоящем опыте.

Установленный на машине громкоговоритель передал крик раненой импалы. Львы синхронно насторожили уши, приподнялись... на ноги. Все головы повернулись в сторону громкоговорителя. Тела и хвосты в движениях, в взглядах вспыхнули. Хищники сразу определили источник звука и подошли вплотную к грузовику, пытаясь найти животное, которое... примых следов его присутствия не было. Удовлетворенные пробой, мы выключили звук. Но возбуждение у львов не проходило, и они, похоже, не собирались возвращаться к отдыху. Было около четырех часов пополудни, а мы знали, что обычно эта группа отправляется на охоту спустя лишь после заката солнца. Мы спровоцировали львов на изменение режима, и в этот день они отправились за добычей раньше обычного.

Выяснилось еще вот что. Если заставить слишком долго, львы ... звук побуждает их напасть импалу, но ... не ... сведения они теряют интерес к звукам. Мы получили доказательство, что возможно провоцировать хищников на определенные поступки, но для закрепления их реакции следовало искусственно воссоздать естественную обстановку, объединив звук, запах и вид добычи.

Новый случай помог нам улучшить условия опыта, когда Брунс ... вал ... заметил в траве ... импалы. Она даже не ... пыталась при его приближении. У нее были повреждены обе задних ноги.

Снимаем антилопу. Франц и Ги укладывают ее в кузов грузовика. Ветеринар осматривает животное. Антилопа явно стала жертвой браконьера: проволочная петля сколько ... не ... животного перерезала сухожилия. Навсегда ... и врач может лишь облегчить участь бедного животного. Получив ... дозу снотворного, оно уже не проснется.

Метрах в пятидесяти от лагеря растет дерево, облюбованное леопардом, который навещает лагерь, — тоже ... мы... ... Привязываем антилопу к одной из низких ветвей, надеясь ... реакцией леопарда. Работающий на батареях прожектор освещает сцену. С помощью веревки можно ... импалу, чтобы она казалась живой. Крики, транслируемые через громкоговоритель — он закреплен над тушей, — должны созвать хищников всей округи.

К нашему удивлению зебры вскарабкаются львы — в немало! За весь мы схватили шесть штук! Про шло и гибли они осторожно держат ся на почтительном расстоянии — побоявшиеся львов. Не встревожены кобылы слышат как они саркастически похохатывают.

Самая отважная львица влезает по почти вертикальному столбу и пры гает на шею муляжа чтобы задушить ее. Львица висит в воздухе раскачиваясь вместе с жертвой, но не отпускает ее, пока не вырывает тут мясо и вместе с ним падает на землю. Юный лев, заинтригованный громкоговорителем, проделывает чудеса эквилибристики: стоя на задних лапах, перед ним ошибает устройство не только Джиппиус продолжает вопить, возбуждая львят. Они высыпались в про воду и, отрезвившие их, прекращают опыт.

На вскаде вече осевают послед ние львы — он не удается опустить добыту на землю. Зацепившийся в ветвях леопард спасается от душе когда мы оставим это место.

В итоге опыта замечено двадцать шесть львов, один леопард и шесть пятнистых гиен. Понесены убытки — повреждён громкоговоритель, перед сумен в двадцати двух местах пятисантиметровый электрический кабель, есть следы зубов и когтей на переднем и микрофоне, снаряжение цело.

Однако результаты нового метода подсчета хищников — в тысячи с пятнистых гиен — весьма убедительны. Леопардов и мелких хищников, впрочем, трудно застать, поскольку свет ночью пугает их.

ОПЫТ РЕШЕНО ПОВТОРИТЬ

тое чтобы животные оставались в других условиях. Адаптация львов в необычной ситуации ещё не всем была убедительной. Следует создать совершенно иную обстановку.

На этот раз опыт ставили с тушей несвежей зебры. Привязали её в гуще ветвей, переставили поближе к льву, электролебёдкой подвели зайцев тело и закрепили на толстой

ветке акации так, что передние конечности зебры зависли метрах в полутора над землей.

Часа в две ночи по тревоге мы занимаем свои места. Вначале мы замечаем силуэт Рыжего одного из львов-доминантов, занимающего вторую ступень иерархической лестницы прайда. Он явился из разведки — осматривает место, оценивает ситуацию, прикасается к тушам, но зебру не ведит... Странно. Его поведение заставляет старших львов воздержаться от вмешательства, и оцене чтобы не подвергнуть себя риску. Следует заметить, что старший не всегда так поступает в любой ситуации, где не чувствует себя в том ином положении. Подчиненный должен подтверждать свое право на место в иерархии. Создается двусмысленная ситуация: претендент пользуется своеводительностью. Старшего и следовательно в праве шествия своего положения, но с другой стороны ему буквально на пятки наступает молодежь, которому терять нечего.

Лишь два льва из семи обнаруживают зебру висящую у них над головой. При виде туши они в замешательстве отступают, принюхиваются и наблюдают. Понемногу к ним приближаются остальные. Возникает конфликтная ситуация — Рыжий, сознательно игнорируя добычу, рвется утвердить свое право. Он оспаривает свою власть над юными самцами, которые постоянно ощупывают его слабые места. Самый требовательный из них Шрам бунтует, но его тут же ставят на место. В данном случае два «первых» — Старший и Рыжий — объединились против претендента на власть. Остальные в свиты и самки демонстрируя покорность прижимаются к земле. Грива у Рыжего поднимается торчком, зверь замирает в воинственной позе. Юный самец, наказанный несколькими мгновенными ранее, утверждается оставляя на траве лучше метки.

Потом упорный конец переходит к делу. Добыча висит над головой и это не соответствует тому, чему львят учит во время охоты. Удаляет в пассивность жертвы. Но постепенно самоуверенность молодого нарастает: опершись передними лапами на одного из братьев, он хватает зебру за горло чтобы задушить в соответствии с классическими приемами охоты. Ясно, что львы быстро адаптируются в новой ситуации. Чем уже ранее доминирует лев, тем естественнее становится его движение хищника почувствовал эти условия охоты стали нормальными. Но вероятно мешает долго стать на задние тела утомительно да и пожирать добычу в такой стойке неудобно.

Вначале участие в трапезе принимают только два самца, так молодые самки держатся поодаль, отбегая испуганно потом отваживаются на хитрый маневр — пытаются вскарабкаться на дерево. Рыжий и по установившемуся ритуалу еще раз швовые

кает оставшуюся молодняку в своей пасти и завершает заправление [illegible] руководящего места [illegible] матку.

Этот опыт вызвал соотношения, которые объединяют двух самых крупных типов прайда. «Ночи зебр» стали проверкой «табели о рангах» прайда. И впервые удалось взять [illegible] бывшие типы поведения типов, которых мы до сих пор лишь могли видеть.

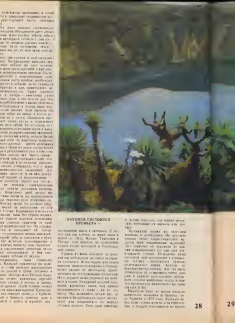
Львы приступают к долгожданной трапезе. По-прежнему висящая вертикально добыча не дает возможности всем сразу приняться за еду. [illegible] и иерархические уступки быстро перерастают в демонстрацию силы. Остальные члены прайда, возбужденные запахом добычи, не сумев ее подобраться к еде, испытывают неудовлетворенность. Карул оживляет рядом в лагере — несколько львов ринулись туда в это опасно для тех, кто беззаботно спит в своих палатках.

Пробравшиеся в лагерь львы грызут все вокруг. Вначале мы волокли зебру по земле и потом погрузили ее в кузов. Хищников привлекают запах крови и отрезанные задние ноги зебры. Ее оставили, чтобы проверить влияние трупа и предотвратить распространение эпидемий. (Если, несмотря на это, найдем белый костный мозг, то животное здоровое, если желтый — почти наверняка больное.) Один из львов встречает в кузове и устраивается там и, чтобы, в кабине никого нет. Через громкоговоритель предупреждаем всех, что бы не выходили из палаток, успокаиваем людей, утверждая, что у львов нет [illegible] намерений. Две группы [illegible] и из них дежурные наблюдают за посетителями.

А те резвятся: грызут все, что попадает на веревки — электрические провода, кабели, растяжки палаток, шины. Невольно думаешь: а если мы наверняка научили их перекусывать провода; [illegible] не прошел даром. Костер вроде бы должен удерживать зверей на расстоянии, но [illegible]. Привыкнув к [illegible] в джунглях, львы без страха переворачивают лапами красные головешки.

Юная самочка ухватила за край желтый пластиковый таз. Он упрямо [illegible] и закрывает ей голову. Видно от удивления львица еще крепче сжимает зубы и пускается в путь. Этот бег вслепую заканчивается в груде пустых канистр; они обрушиваются с ужасающим грохотом около палатки, [illegible] и без того клацающих зубами от страха.

Натешившись, львы покидают лагерь. Каждый прихватил по сувениру, и один мазатей [illegible] всех он уносит в зубах «табличку» с надписью: «Осторожно! Позади одного льва может прятаться другой!» Табличка стояла у въезда в лагерь, и мы не думали, сколь точным может стать это предупреждение! Представим, как отвисает челюсть у туриста, который в бинокль заметит льва с табличкой в зубах и прочтет надпись.

НАКОНЕЦ СОСТОИТСЯ ПРЕМЬЕРА —

посвящение львов в охотники. С тех пор как мы кочуем за ними днем и ночью по Чаду, Кении, Танзании и Руанде, нам никогда не приходилось видеть столь жестокой и беспощадной сцены.

Группа из семи «бродяг», за которой мы наблюдали, не очень охотно [illegible]. И мы видим, как самка [illegible] из стороны в сторону явно уводит от охотников, прово[illegible] растерянными взглядами. Но и неудача не подогревает их интерес к охоте. Уходящий жаркий день видно притомил зверей, они лениво укладываются в траву — ну и эту охоту. Мы выжидаем целый час, но лень и беззаботность львят застают нас при отправиться на поиски объекта съемки. Есть одно местечко в устье верховья, где можно встретить [illegible] варвала или [illegible] тару.

Прожектор шарит по зарослям молочая и кустарника. На вершине акации четко вырисовываются силуэты трех венценосных журавлей. Луч заметил их прежнюю на них, [illegible] его как свет восходящего солнца. Поведение птиц меняется: они приступают к утреннему туалету — вытягивают крылья, [illegible] перья. Кстати, по [illegible] воздуху [illegible] мало отличается от солнечного света; нам уже и прежде приходилось наблюдать сходное поведение, когда ночью луч прожектора выхватывал из тьмы спящих птиц.

Подобное было во время полного солнечного затмения на берегах озера Туркана в 1973 году. Каждый вечер, едва солнце исчезало за горизонтом, в воздухе появлялись на крылья

ния потоков розовых фламинго. Птицы улетали в строго определенном направлении и в сумерках вновь возвращались на берег озера на место взлета. В день солнечного затмения примерно в 14 часов, когда наступила полная темнота, фламинго легли на привычный курс, а спустя несколько минут, как только забрезжил свет, вернулись, приземлились и принялись за утренние дела.

Наши журавли топчутся на верхушке дерева, и мы снимаем в ракурсе ночи некоторые подробности их утреннего туалета. Луи выезжает дальше в поисках удобной дороги и тут замечает силуэт львицы. Она не замечает нас, высматривая в степи добычу. Останавливаем грузовик и принимаемся за дело: камеры и телеобъективы на месте. Бруно медленно наводит луч на львицу, в нескольких метрах в двадцати одинокого самца импалы — он осторожно вод... ил голову. Хищница, очень расчетливо двигаясь, ползет под защитой кустарника и пожухлой травы. Чувствуется тяжелый опыт матерей-охотниц, мышцы напряжены, взгляд устремлен на жертву. Антилопа обеспокоена, хотя пока не видит хищника. Она обречена: позади кустарник, бегство невозможно. Вот львица уже в нескольких метрах от жертвы.

Самец импалы слишком поздно заметил опасность. В высоченном прыжке он пытается перескочить через львицу, но та изворачивается и хватает антилопу за задние ноги, не дав ей коснуться земли. Животное падает на бок, его голова зажата в пасти громадной кошки. Но к нашему великому удивлению, львица выпускает жертву.

В поле зрения появляется четверка четырехмесячных львят, играющих в траве. Один из них, подражая матери, бросается на голову импалы и пытается ее задушить своими острыми зубками. Два других кусают антилопу за заднюю ногу. Антилопа жива — глаза блестят — хотя лежит неподвижно, не реагируя на этих львят, за которыми следит бдительный взгляд мамаши.

Вдруг импала вскакивает, прыгает, сбрасывая с себя неопытных помощников. Она отбивается в траву, но львица настигает добычу дальше и точным ударом лапы повергает на землю. Львята снова бросаются вперед, пытаются ее задушить. И тогда животное больше не двигается, не замечает острых зубов, глубоко вонзившихся в зад... Глаза антилопы блестят ... дрожи стебля, защитные эффектное.

Прошло двадцать минут с момента первой атаки.

Казалось, с импалой покончено, когда вдруг последние силы снова вскакивает. Львица начинает ... наносит удар милосердия. Наступает пиршество. Семейство обгладывает добычу до костей.

Реакция съемочной группы на жестокие сцены неодинакова: у каждого в зависимости от темперамента и воспитания. Большинство пытаются превратить страдания животного. В этот день все возвращаются в лагерь грустными. Видеть некоторые сцены своими глазами куда тяжелей, чем смотреть отобранные кадры. Порой в самых неприемлемых ситуациях оператор прекращает съемку и при монтаже мы выбрасываем слишком кровавые сцены.

Однако наш подход к съемкам фильма о животных: придерживаться истины; мы не режиссеры, не в нашем праве по своему усмотрению инсценировать сцены охоты. Держаться ... в невмешательстве в дела. Наша ... зоологическую истину.

Чтобы выжить, хищники должны питаться мясом. Для продолжения вида он должны научить своих потомков убивать жертву, и обучение не может проходить без страданий и пролития крови. Лев нападает на природную жертву не из садизма: он не удовлетворяет свои низменные инстинкты. Животное не знает, что такое жестокость.

Описание развенчает некоторые ... Царя зверей: знаем, что лев, глава прайда, предпочитает экспроприировать силой убитую добычу у своих собратьев, вместо того чтобы охотиться самому. Когда тот же лев в конце своей жизни будет изгнан из прайда и покинет свой дом, в одиночестве питаясь падалью и мелкой живностью. Таков безжалостный закон мира животных.

Наш «Слон-циклоп» приоткрыл завесу над жизнью львов, и мы теперь знаем, как они проводят большую часть своей жизни — в новой охоте.

Окончание следует.

Перевод с французского
Аркадий ГРИГОРЬЕВ

1917–1987

ВАЛЕНТИН АККУРАТОВ
заслуженный штурман СССР

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Не думал я, что полвека лет спустя снова заново жить по памяти не совершить полет на Северный полюс, заново пережить в подробностях и деталях высадку папанинской четверки, вернуться к [illegible] нашей первой высокоширотной экспедиции, вспомнить товарищей молодыми крепкими парнями, отчаянно преданными идее освоения арктического Севера...

В тот год весна была ранняя, и мы с тоской смотрели, как под горячими лучами солнца исчезал снег. На Центральном аэродроме, откуда мы должны были улетать, появились лужицы, а кое-где уже зачернела от [illegible] теплая земля. Вся Москва радовалась теплу и солнцу, но только не мы: стало ясно, что на лыжах из Москвы нам уже не взлететь. Пришлось срочно переставить машины на колеса, огромные [illegible] пятиметровые [illegible] и лыжи отправить поездом в Архангельск, где весной еще не [illegible].

В составе экспедиции было пять самолетов. Три из них — машины Михаила Водопьянова, Василия Молокова и Анатолия Алексеева — оборудованные специально для [illegible] на полюс через остров Рудольфа. Четвертый, наш тяжелый самолет, вспомогательный, должен был следовать только до острова Рудольфа. Но впоследствии ситуация изменилась. Наш экипаж: командир — Илья Мазурук, второй пилот — Яков Мошковский (потом на Рудольфе он перешел на самолет Алексеева, а его место занял Матвей Козлов), первый бортмеханик Диомид Шекуров, второй — Дмитрий Тимофеев и, наконец, штурман корабля — автор этих воспоминаний.

Пятый двухмоторный самолет Павла Головина должен был использоваться как разведчик погоды.

На флагманском водопьяновском корабле шли четверо зимовщиков папанинской научно-дрейфующей станции «Северный полюс» (потом она стала именоваться просто СП-1) — не раз зимовавший на полярных станциях Иван Дмитриевич Папанин, гидробиолог и врач Петр Петрович Ширшов, астроном и магнитолог — самый молодой из всей четверки — Евгений Константинович Федоров и радист Эрнст Теодорович Кренкель, известный коротковолновик, летавший в 1931 году в Арктику на дирижабле в совместной экспедиции с немцами. Здесь же на флагмане находились начальник высокоширотной экспедиции Отто Юльевич Шмидт и начальник полярной авиации Марк Иванович Шевелев, журналисты Лазарь Бронтман, Эрзя Виленский и кинооператор Марк Трояновский.

Для обеспечения работы на СП-1 нам предстояло доставить на льдину десять тонн груза — оборудование, снаряжение, продовольствие, топливо. Расчет был таков, что примерно за год эту льдину вынесет в Гренландское море и там зимовщиков смогут снять ледокольные суда.

В Холмогорах снова «переобув» свои самолеты в лыжи, мы подняли их в воздух и взяли курс на остров Рудольфа.

Перелет до Маточкина Шара прошел нормально. Но уже на этом отрезке стало ясно, что из-за погоды задуманный в Москве полет строем в условиях Арктики невозможен. Кроме того, при взлете промежуток времени между выруливанием на старт первым самолетом и последним доходил до часа. Задержки происходили оттого, что [illegible] самолеты надо было поочередно [illegible] на взлетную дорожку. Тогда на аэродроме было всего по одному трактору, и снег обычно лежал глубокий. Взлетевший первым самолет, чтобы не тратить зря горючее, ложился на курс, не дожидаясь остальных. А в небе догнать, встретить друг друга [illegible], как правило, [illegible] и отсутствие соответствующего навигационного оборудования.

Обычно большую [illegible] в полете нам оказывал радиополукомпас, но уже от Нарьян-Мара мы начинали замечать, что чувствительность его стала падать (надо сказать, это были первые у нас в авиации экспериментальные приборы). Еще в Москве при их установке штурманы настаивали на том, чтобы в запасе были взяты и радиокомпасы «Фейрчайлд», испытанные [illegible] в условиях полетов.

На Маточкином Шаре, одной из лучших полярных станций на Новой Земле, из-за погоды мы задержались на пять дней. Используя это время, мы с Мазуруком поставили себе [illegible] радиокомпас «Фейрчайлд» [illegible] чтобы довести

Валентин Иванович Аккуратов не собирал специально фотографии, за многие годы [illegible] себой. Те фотографии, которые мы публикуем, [illegible]

его проверку до конца. То же самое позже, уже на острове Рудольфа, когда наши радиокорреспонденты [illegible] тельно откидали, сделали и остальные три самолета. Из запасных ракет [illegible] было всего четыре, и [illegible]. Тогда-то Шмидт и распорядился снять «Фейерверк» с нижнего [illegible] ла и отдать его самолету — разведчику погоды.

Здесь, на Митчинском Шаре, нас заклали едва не лишился возможности принимать участие и дальнейшем полете. Зато и господствующем направлении жесткого ветра «бора», достигавшего ураганной силы, все экипажи [illegible] свои самолеты [illegible] ных стоянках [illegible] и предполагаемому направлению ветра, крепили их [illegible] и бревны, вмерзлыми в лед пролива. Но Анатолий Алексеев рассудил по-своему и поставил свой самолет хвостом к ветру, решив, что сила ветра благодаря обратному углу атаки будет прижимать самолет к земле и тем самым ослаблять напряжение тросов крепления.

Теоретически Алексеев был прав. Обладая большим авторитетом среди летного состава, он нашел даже последователей, но, к счастью, [illegible] дними обрушившийся ураган не [illegible] велил переставить самолеты по его способу. «Бора» задул с такой силой, что самолеты, стоя не принесли под[illegible] прыгивали на месте, и вместо медленно [illegible] ветряной мельницы, [illegible] поворачивались. Чтобы добраться от [illegible] с ветряной стихией пришлось ползти вдоль натянутого троса.

Кажется, все было в порядке, ветер уже стал затихать, но вдруг [illegible] компанию [illegible] бортмеханик Сугробов, мрачно оглянув [illegible] сосульки льда с бровей, проговорил: «Чертова теория — оторвало хвост — и тяжело опустился прямо на пол. Быстро одевшись, все бросились к самолету Алексеева. Сквозь тучи [illegible] игл, швыряемых порывами ветра, было смутно видно [illegible] его место машины [illegible] да. Был сломан баллер рули. Ошибка Алексеева заключалась в том, что не учел изменения поворота ветра. Боковой ветер и сломал руль.

Неспокойнее всех чувствовали себя мы. Наш самолет был запасным, и мы понимали, что если руль нельзя будет исправить, то снимут наш и поставят на самолет Алексеева, и нас оставят на Митчинском Шаре.

Не меньше нас переживал и сам Алексеев. Он был обескуражен своими расчетами. Опытнейший полярный летчик, это он в 1928 году спасал итальянскую экспедицию, когда погиб дирижабль при возвращении с полюса, отыскал в хаосе дрейфующих льдин несчастную группу Мальмгрена... Но когда приходит беда в Арктике, люди все вместе. Золотые руки наших бортмехаников [illegible]. Баллер был восстановлен, и на рассвете 19 апреля все корабли поднялись в небо. Набирая высоту, мы направились вдоль берегов Новой Земли, чтобы перевалить через горы и потом взять курс на остров Рудольфа — исходную точку для штурма полюса.

Стояло чудесное арктическое утро. Впервые воздушные корабли летели на виду друг у друга. Почти прямо на севере [illegible] солнце [illegible] Медленно поднимаясь, заливая [illegible] потоками света белоснежные горы. Помню, [illegible] мне в рубку вошел [illegible] и удивленно показывая рукой на солнце, проговорил:

— Что случилось? Почему изменили курс? Должны идти на север, а идем куда-то на восток.

— Идем верно. Не обращайте внимания, — сказал я. — Скоро [illegible] не будет замечать. Эти арктические широты здесь не то еще увидишь.

Спустя три часа после старта на фоне темно-голубого неба начали отчетливо вырисовываться ледяные вершины островов архипелага Земля Франца-Иосифа. Не заходя в [illegible] нам в [illegible] бухту Тихую, где и мне в 1936 году мы из двух самолетов собирали один, [illegible] самолет [illegible] прямо на остров Рудольфа.

В те времена карты [illegible] были очень неточными. Конфигурация островов и их высоты часто не совпадали с фактическими данными. Составленные еще австрийской экспедицией Пайера в 1873 году и в 1896 году английским исследователем Джексоном, они мало соответствовали действительности [illegible] положение.

Вот показался самый северный остров архипелага. Как купол [illegible] четко рисовались его [illegible] льдом [illegible]. Подойдя [illegible] осматривали и изучали выбранный [illegible] в прошлом году во время разведывательного рейса [illegible] для прыжка первой советской экспедиции на Северный полюс.

У подножия острова, в западной стороне, между бухтой Теплиц и мысом Столбовым, в 1936 году была построена зимовка и временная база для воздушного отряда. Несколько жилых домов без складов,

радиостанция, радиомачты. Все это расположено на голой, безжизненной равнине, покрытой зимой двухметровым пластом снега. С самолета был отчетливо виден маленький [illegible] домик на берегу, где зимовал в 1933 году Евгений Константинович Федоров, рядом — цистерны [illegible] остатки базы американской и итальянской экспедиций Циглера и герцога Абруццкого в 1899—1905 годах.

Один за другим садятся самолеты на [illegible] полосу аэродрома, расположенного на куполе острова, и заруливают [illegible] до трубы домика.

Сразу же после посадки мы, штурманы, начали определять девиацию магнитных компасов, пользуясь тем, что трактор на ходу. Крутили трактором самолеты на земле, определяя отклонение магнитной стрелки. На зимовку с купола спустились поздно. У входа в жилой дом [illegible] специально для нас [illegible] на задние лапы тушу замороженного белого медведя с большим ключом на блюде, [illegible] полотенцем с надписью: «Ключ от Северного полюса».

Но увы, [illegible] американца Ситуэда Майера [illegible], как трудно этим ключом воспользоваться. [illegible] в бездне океана [illegible] итальянского лейтенанта Кверини, и где-то здесь, на одном из заснеженных мысов южной части острова [illegible] последнее пристанище начальник первой русской экспедиции на Северный полюс лейтенант Георгий Седов.

Но мы были уверены, что достигнем полюса не только для того, чтобы установить на нем флаг Родины, а чтобы оставить людей там и начать изучать тайны точки, где сходятся все меридианы, где курс — только южный, где полгода нескончаемая ночь и полгода светит холодное арктическое солнце. Сесть на льдину во что бы то ни стало, обжить, выяснить [illegible] вдоль берегов Евразии [illegible], где зарождаются циклоны. Вся эта работа ложится на четверых [illegible].

В большой теплой [illegible] за длинным столом было шумно [illegible]. Зимовщики засыпали нас вопросами [illegible]. Разошлись по своим [illegible] солнечной [illegible] до утра.

На следующий день началась работа [illegible] к последнему этапу перелета — прыжку на льды полюса. [illegible] и солнечные и пуржистые дни [illegible] с напряжением труда откапывали самолеты из-под сугробов после пург, [illegible] на вершину острова, очищали самолеты — [illegible] все время [illegible] льда [illegible] на высоте 300 метров и постоянной облачности, висевшей над островом. Казалось, все готово. Дело за пого

дой. Присутствующий в нашей кабине Борис Дзердзиевский, многозначительно улыбаясь, сдерживал наш пыл, говоря, что погоды для полюса еще не пришли. Наши разведывательные самолеты, зимовавшие на Рудольфе, часто летавшие в высокие широты, из воздушной [illegible] возвращались без вести.

Пятнадцать суток мы просидели на берегу моря в ожидании погоды.

На море и невозможность из-за [illegible] полюс втроем как ходит на парад, в свободное от парадов время занят на перекомпенсированием [illegible] компаса и периодическим, более чувствительным к воздействию слабого магнитного поля земли высоких широт в надежде, что он будет работать до полюса. Для нашего самолета это было очень важно: не имея радиокомпаса «Фейрчайльд» при полете в одиночку, мы решили обеспечить себя надежно работающим магнитным компасом. Но, увы, как потом выяснилось, уже на восемьдесят пятой широте все магнитные компасы показывали скорее цену на дрова, нежели курс самолета к полюсу, ибо горизонтальная составляющая сила земного магнетизма в высоких широтах настолько мала, что она не в состоянии удерживать картушку в плоскости меридиана.

5 мая самолет-разведчик ушел в глубокую разведку. Он дошел до 87° и по радио нам сообщил, что идет дальше, чтобы узнать погоду на самом полюсе. Стали собираться. Неожиданно погода испортилась. Что с ними? Мы напряженно ждали. А они уже кружили над нами, низкие тучи закрыли аэродром на куполе. Связавшись, наконец, с экипажем, мы узнали, что горючее у самолета на исходе. Стали готовить посадку внизу у зимовки, где была рабочая видимость. Перед самым аэродромом у них вышел из строя радиокомпас. Мы включили радиомаяк, но очевидно вокруг острова образовались ложные радиозоны, и самолет, находясь в облаках, начал плутать где-то вблизи. И вдруг мы услышали шум моторов, тут же сообщили, что самолет только что прошел над нами. Бортрадист Стромилов принял наш сигнал и передал, что радиокомпас заработал. Видимость ухудшалась с каждой минутой, теперь туман наполз и на нижнюю площадку. Минуты тянулись мучительно долго. Сначала мы услышали приближающийся рев моторов с севера, а потом из облаков вынырнул самолет и в [illegible] сел на узкую короткую полосу. Бросаемся к нему. Из кабины выходят возбужденные и счастливые Павел Головин, Виктор Волков, Николай Стромилов и бортмеханики Николай Кекушев и Валентин Терентьев. Как оказалось, это были первые советские люди, пролетевшие над полюсом.

На следующий день была создана комиссия в составе Спирина, Шевелева, Папанина, Федорова и автора этих строк для разбора этого полета на полюс. Головин доложил, что радиокомпас был хорошо слышен до самого полюса, но магнитные компасы вели себя очень плохо: картушки их гуляли при курсе на север от 280° до 80° и вообще не отказывали при крене самолета. В разрывах облаков видели большие ледяные поля, где вполне возможно выбрать место для посадки тяжелых самолетов.

Опыт разведочного полета был нам учтен, но для проверки того радиомаяка был послан самолет с летчиком Леонардом Крузе. На борт был взят и синоптик Дзердзиевский. Но и на этот раз Арктика показала свои зубы. Самолет попал в пургу и, потеряв ориентировку, сделал вынужденную посадку на льдах океана примерно на широте 82°33' и долготе 54°41'. Связавшись с нами по радио, они сообщили, что все в порядке, и запросили сбросить на парашюте горючее.

Как только затихла у нас шальная пурга, был послан самолет. Только через три дня они смогли вернуться на остров Рудольфа.

В ожидании летной погоды между пургами и туманами, мы, [illegible] в который раз, [illegible] самолеты [illegible].

Так мы ждали погоду в течение месяца. [illegible] мы добирались до Рудольфа. [illegible]

Где же знаменитая Арктика? Солнце, голубая лазурь, легкий ветерок. Это же Гагры!

Случилось, что в первые дни пребывания на Рудольфе надо было проверить точность направления зон радиомаяка. Для этого решили на легком самолете Н-36 слетать в район действия одной из зон маяка и прослушать с земли работу маяка. Выполнить эту операцию взялись Спирин, Федоров и бортрадист Иванов.

Вылетели утром: они должны были вернуться через два-три часа. Но прошли двенадцать часов, а их все нет. Стали снаряжать на поиски самолет. На Н-36 рации не было, и они не могли сообщить, что случилось. К концу вторых суток мы вдруг услышали характерное потрескивание мотора и самолет сел прямо у зимовки.

По дороге в кают-компанию Спирин, обросший, с обмороженными [illegible], повторял:

— Нашел [illegible] Арктику! Есть, она существует — Арктика!

Оказалось, что в пятидесяти километрах от Рудольфа они выбрали льдину и сели.

Федоров быстро определил координаты секстантом, а Спирин и Иванов стали прослушивать сигналы радиомаяка. Но когда работа была закончена и люди уселись в самолет, мотор не завелся. Целые сутки они до усталости крутили винт, но мотор был мертв. Мороз [illegible] начало пуржить. Ни спальных мешков, ни продуктов с собой не было. Обнявшись, в тесной открытой кабине они согревали друг друга.

Только на вторые сутки потеплело и мотор, подогретый крепительной бензиновой лампой, удалось запустить.

Были и другие происшествия, но, к счастью, все они кончались благополучно.

После полета разведчика на полюс план высадки экспедиции был пересмотрен. Командование приняло решение, что на полюс вначале пойдет один флагманский корабль. Это вызвало большие споры: остальным участникам экспедиции казалось, что такой план слишком рискован и что если посылать одиночный самолет для поиска и подготовки льдины для всех остальных, то надо посылать не флагманский корабль со всем командованием и зимовщиков четверкой, а какой-либо другой. Но решение командования было непреклонным.

20 мая синоптик Дзердзеевский на утро уверенно сообщил, что погода в районе полюса хорошая и надо вылетать. В 04 часа 50 минут флагман под командованием Водопьянова, имея на борту 13 человек, в том числе начальника во главе со Шмидтом, стартовал на полюс.

Наступили тревожные часы. Что с самолетом? Не случилось ли чего при посадке? Единственно Москва запрашивала нас, но мы ничего не могли ответить, так как не знали, что они вполне благополучны, но не могут сообщить об этом: самолетная рация у них вышла из строя. И только через сутки, когда Кренкель смог собрать свою рацию, Водопьянов сообщил: «Сели благополучно на льдине. Широта 89°25' долгота 78°40' западная. 21 мая 1937 года».

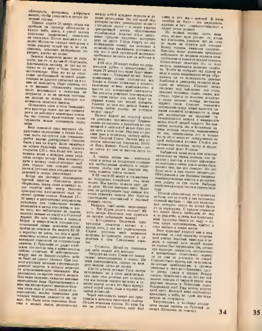
Теперь мы имели свой передатчик на полюсе свою метеостанцию и выбрать погоду для старта остальных трех машин было нетрудно. В ночь на 25 мая Кренкель сообщил, что погода в районе полюса ясная, тихая и что, чтобы нас принять. Мы получили от Папанина наказ захватить с собой его трубку.

25 мая на Рудольфе стояла облачная погода и температурой минус 19 градусов.

Стали собираться, и вдруг в радиостанции метеоролог по телефону сообщает, что погода на куполе, на аэродроме будет быстро портиться, необходимо торопиться, иначе взлетную полосу затянет туманом.

Когда молоковский самолет — теперь он стал нашим флагманом — пошел на взлет, я тракторы подтягивали на полосу алексеевскую машину, в это уже наступал туман. Но через 12 минут и второй самолет был в воздухе. Настала наша очередь. Но когда вытягивали со стоянки из глубокой снежной траншеи наш самолет, лопнул стальной трос. Только спустя сорок минут нам удалось выбраться на старт. Туман уже затянул южную часть острова. Взлетали прямо в пасть, над стометровым обрывом ледника.

Согласно плану экспедиции после вылета самолеты должны были идти на север в зоне радиомаяка и на широте 83°, где, по сообщению Крузе,

облачность кончалась, и забраться вместе, чтобы следовать к лагерю Папанина строем.

Однако спустя 28 минут, когда мы прибыли на границу облачности и чистого неба, здесь, в узкой полосе излучения радиомаяка, самолетов не оказалось. Потом выяснилось: самолет Молокова ожидал неподалеку и точно в районе целый час и, не дождавшись, опасаясь израсходовать горючего, улетел на полюс.

Экипаж Алексеева шел на горизонте, где-то за кромкой облачности, флагманскую машину не тут же потерял ее из виду и тоже пошел самостоятельно. Нам же из-за отсутствия необходимой мощной радиостанции не удалось связаться ни с одним из самолетов. Надо сказать, что в те времена обязанности радиста часто возлагались в экипажах на штурмана, и он не всегда основными делами не всегда находил возможность заняться связью.

Оставшись одни в этом безбрежном просторе льдов, где нет привычных ориентиров и не работает магнитный компас, мы полностью представляли, какие трудности встали перед нами.

Весь основной груз научного оборудования экспедиции и тяжелая большая часть продуктов для открываемой научной дрейфующей станции были у нас на борту. Если вернуться на остров Рудольфа значит сорвать открытие СП-1, тем более что месту полюса весна с каждым днем ухудшала летную погоду. Нам оставалось лететь в полюсу самостоятельно, выбрать годную для посадки льдину и после уточнения координат перелететь в лагерь папанинцев...

Когда мы достигли восемьдесят третьей широты, облачность резко оборвалась, перед нами возникли ясное голубое небо, внизу тонулись пространства изломанного льда в лучах ясного солнца. Каждые 15—30 минут я рассчитывал координаты, используя для привязки полуденных, радиомаяка и метод счисления, а в промежутках вел наблюдения за льдами, нанося данные на карту и в бортовой журнал. На мои запросы к ключу Мерзе и микрофоном ультракоротковолновой рации самолеты нашей тройки не отвечали. На широте 88°30' я перестал их звать, так как в приближении полюса пришлось все свое внимание перенести на штурманские расчеты. С Рудольфа по радио сообщали, что погода там, в приполюсном районе, отличная. И действительно, вокруг нас на бледно-голубом небе не было ни одного облачка. При подходе к полюсу, начиная с восемьдесят девятой широты, я всецело перешел на астрономическую навигацию. Мы находились на высоте тысячи метров. Под нами тонули тяжелые многолетние льды. Присмотревшись к ним, мы неоднократно замечали большие поля льда в ровной, гладкой поверхности, вполне пригодные для посадки тяжелых самолетов на лыжах. Это были поля сплошных больших и малых льдов, разделенных между собой грядами торосов и узкими разводьями. На огромной территории сначала происходили великие торошения льдов — и здесь в вечном грохоте ломающейся массы образовывались вздыбленные ледяные горы, широким грядами медленно ползущие друг на друга. Глядя вниз на эту безбрежную ломаную, мы невольно с величайшим уважением вспоминали тех, кто ценой гигантских подвигов пробивался на полюс или на льдах к полюсу.

В 04 часа 30 минут пришел из штурманской рубки, и предупредил, что через 29 минут под нами будет заветная точка — Северный полюс. Астрономические линии положения все ближе и ближе сходились у полюса, включенное питание приближалось и вышло его измеряемой секстантом. Эти расчеты уверенно подтверждали, что скоро вниз под нами будет северный конец оси нашей планеты. Удастся ли нам как можно ближе к полюсу найти льдину, на которую можно сесть?

Полюс! Какой же дорогой ценой он достался человечеству! Трагическими поисками и кратерами на славной и латинской полюс была усеян путь в этой точке. Первым из русских шел к заветному полюсу лейтенант Георгий Седов. Погибли вслед за ним знаменитые Амундсен, Нобиле, Берд, Биннет, Ризер-Ларсен — люди науки, но они не смогли сесть на льды.

А теперь летим мы — советские люди и летим на неведомую станцию все необходимые приборы и снаряжение, чтобы при их помощи изучить, вызнать тайны полюса.

В 05 часов 09 минут я торжественно поздравил товарищей: под нами полюс! Мы крепко пожали друг другу руки. Молча смотрим вниз, будто там, на дрейфующем льду, видна эта точка, отмеченная знаком. Нет. Кругом простирались заснеженный и ледяной ландшафт полюса.

Мазурук озабоченно спрашивает:

— Что будем делать дальше? Искать лагерь Папанина или садиться на первую найденную льдину?

— Координаты Папанина трехсуточной давности — вызвал и — время того, у них нет радиокомпаса. Сядем, уточним свой меридиан, получим координаты лагеря и перелетим к ним. Сэкономим горючее.

— Согласен. Давай-ка поищем для себя льдину для посадки.

Мазурук наклонил. Глиссандо внимательно всматриваемся в океан. Ни тени растерянности, словно на каждую неделю летал на полюс.

Где-то рядом должен быть лагерь папанинцев, но в этом нагромождении льда нам десятки раз казалось, что мы видели черную нитку и самолет рядом, но все это было причудливой игрой света, льда и черных теней разводий.

Через пятнадцать минут мы приступили к поискам пригодной льдины. Пошли ломаным курсом. Но куда бы мы ни летели от полюса, курс был один и тот же — южный. В этом ошибки не было — все меридианы, идущие с юга, сосредоточивались в одной точке полюса.

На верхний штурвал сесть, нашлось, можно куда угодно, но, когда мы снизились, увидели, что ни одна из льдин не годится для посадки. Всюду торосы, высокие заструги. Наконец наше внимание привлекла небольшая, но мощная ледяная поверхность, окаймленная высокой грядой торосов. Внимательно осмотрев ее со всех сторон, принимаем решение садиться. Чтобы не потерять эту льдину из виду и знать направление ветра, сбрасываем на ее поверхность дымовые бомбочки и, оценив ее размеры, идем на посадку. Самолет низко скользит над вытянутыми, как горы, грядами соседних льдин, сияние, как стекло, торосы на изломах искрятся в лучах низкого солнца, заставляя щурить глаза. Самолет перелетает последнюю гряду, мягко касается лыжами снежной поверхности и, рывками подпрыгивая на застругах, останавливается метрах в пятидесяти перед новой грядой торосов. Не выключая моторов, мы с Козловым и штурманом вторым пилотом выпрыгиваем на лед, осматриваем его и только после этого самолет зарулили на край выбранной поляны. Сразу же прикрепляем мачту и поднимаем алый флаг Родины.

Выбранное нами поле при осмотре оказалось не таким ровным, как казалось с высоты, и только единственное пригодное место для стоянки было именно там, где сел самолет. Но его было мало и для взлета непригодно. Обнаружили и две большие трещины, замаскированные снегом и разделявшие льдину на три части. Выбрали наиболее крепкую часть и перерулили туда.

Начали обживаться, но в суматохе забыли, что на борту у нас находился семьмой внутри — пес для полюса, цел, которого никто не хотел брать из-за перегрузки. С трудом отыскали его среди тюков, вытащили на лед, и он радостно, в лаем, как вумасшедший, бросился бегать по льду и потом, вдруг ощетинившись, притих и стал жаться к нашим ногам.

Этот чудесный ездовой пес и меднеет за свой характер получил кличку Веселый, но в первый день нашей жизни на льдине был неузнаваем. Он, словно чуя вертную опасность, недоверчиво и внимательно осматривал льдину и на ни на шаг не отходил от людей. Странно было видеть, как он пытливо-волчьи приближался к границе разводья и весь настороженный, рычал, глядя в черную бездну океана. Чувствовал ли он, что его тысячью зашиты от твердой земли или мертвая тишина и безмолвие льдов будоражили его? Уже потом, спустя дней пять, Веселый стал постоянно находиться в небе, ни один желания ни на шаг не отлучался.

Уютрившись, я сообщил координаты нашей льдины на Рудольф, но лагерь Папанина не отвечал.

Вот что я писал тогда в своем дневнике:

«26 мая. Всю ночь не спал. Брал высоты солнца для уточнения координат и монтировал радиостанцию для работы на земле, так как наша может работать только во время полета от ветрянки, движимой винтом. «Вали», наверное, не предвидели...

Мы сидим в точке: широта 89°30', долгота 100° западная. Каждые первые десять минут каждого часа на волне 72,7 метра слушаю Диксон, Рудольф и лагерь зимовщиков. Сообщил свои координаты, но не слышу их. Организовали метеорологическую станцию, ведем наблюдения.

Сегодня тепло, минус — 7°, слабый ветерок. В лагере тишина, все товарищи спят. Бодрствуем вдвоем с Веселым, который все время внимательно настороженно слушает, и мне кажется, с упреком смотрит на меня. Возможно, он чует зверя. Не верится, что здесь есть жизнь.

27 мая. Пробую наладить питание мощного приемника через ветряной моторчик. Для этого снял динамо-ветрянку с крыла самолета и спарил с бензиновым моторчиком. Теперь у нас есть электроэнергия. Все остальные товарищи целый день расчищали взлетную дорожку. Тяжелый, утомительный труд. В изнеможении и перерывы между ветрами.

28 мая. С Диксоном установил наконец-то двухстороннюю связь. Передаю и получаю даже частную корреспонденцию. «Правда» запросила статью — отправил. Но лагерь до сих пор молчит — очевидно, находится в «мертвой» зоне, так как мы работаем на коротких волнах. Связь проходит очень плохо. Вечером коротковолновый передатчик испорчен.

29 мая. Связался на длинных волнах с Диксоном и через него с лагерем папанинцев. Вначале переговаривались через посредника, и сейчас связь прямая. Шевелев предлагает перелететь к ним. То же желание и у нас, но мы пока аэродром не готов. С ними ведем переговоры по радиотелефону, но нерегулярно — вследствие мотора.

30 мая. Длинноволновый передатчик «Баяна» вышел из строя. Кажется, на этот раз совсем — сгорела деталь напряжения. Всю ночь с бортмехаником Шекуровым сидели за конструированием рации. Наконец с немыслимой схемой коротковолновой. Станция вновь действует.

Удалось в разрывах низкой облачности поймать солнце. Наше новое место: широта 89°25', долгота западная 96°00'. Координаты лагеря папанинцев: широта 89°10', долгота западная 38°. Следовательно, между нами 95 километров.

Связь с лагерем держим через микрофон ручной радиостанции «Норд», которую крутит Мазурук и Козлов. Из лагеря сообщили, что вылетит к нам на помощь самолет с людьми, чтобы помочь расчистить аэродром и разгрузить нашу машину. Взлетную дорожку уже как коридор между торосов. Эти тут в лагерь папанинцев. Лед необычайно крепок и упруг, и снег настолько плотен, что железная лопата не берет его.

Солнце редко появляется из низкой серой облачности. Ночью где-то вдали были сильные торошения, и у нас спокойно, штиль.

31 мая. Радиосвязь с лагерем нормальная. Пишу в перерывах между вахтами. Кругом мертвая белая пустыня, циклопические нагромождения. Говорил по радиотелефону со Шмидтом. Лагерь папанинцев несет на юг по меридиану 36° западному, а нас относит ломаным курсом, и тоже на юг. Сегодня весь экипаж отбирался, провел себя в порядок. Борьба с торосами не ослабевает. У Козлова появились первые признаки снежной слепоты, глаза красные, воспаленные. Все носили светофильтры, но в них работать очень тяжело, приходится часто протирать.

1 июня. Продолжаем строительство аэродрома. Живем в пыльных двойных палатках. Тихая угодина. Питаемся прекрасно. Козлов замечательный повар. Спим в спальных мешках, раздеваемся до белья. Экипаж бодр, все веселы, шутят. Вчера вырубили 47 торосов.

Устаем здорово. Но как хороши минуты перед сном и чаепитие с гудящим примусом!

2 июня. Сплошная облачность, морось, температура +1°, ветер северо-восточный. Аэродром готов, но при таком ветре нам не взлететь, необходимо, чтобы он дул вдоль дорожки. К вечеру сильный туман и снегопад. Солнце нет уже два дня. Дрейфуем, но куда — определить не можем.

3 июня. В 24 часа 30 минут говорил по Шмидтом через микрофон. Он сообщил, что первой погодой вылетит к нам самолет, чтобы взять часть груза. Просил, что бы то ни стало поддерживать связь. В этот же день к нам вылетели Молоков со Спириным, флагманским штурманом. Но они нас не нашли, попали в туман и вернулись обратно в лагерь.

Все спят после восемнадцатичасовой работы на аэродроме. На радиовахте мы вдвоем с Мазуруком.

4 июня. В 01 час 00 минут наладили связь через ручную радиостанцию. Очень возможны здесь прохождения радиоволн. Диксон слышит за 1700 километров, а лагерь не слышит за 100...»

Только к 5 июня стало солнечно и ясно. Сообщил в лагерь, чтобы дали свою погоду, так как мы уже собирались лететь к ним.

Обсудили с Мазуруком схему поисков лагеря. Это очень сложный вопрос. Сближение меридианов, высокое магнитное склонение и главное — отсутствие радиомаяков делают эту задачу чрезвычайно трудной. Решаем идти по гирополукомпасу или первоначальный курс рассчитанный по солнцу.

В два часа стали свертывать лагерь. Чувствую, что мы готовимся к отлету. Веселый носился, метался от одного к другому. Лед, просохли и самолет. Когда все было готово, я сообщил в лагерь папанинцев, чтобы они следили за мной на волне 72,7 метра. Усаживаемся в машину, дает полный газ моторам, но самолет не двигается с места. Лыжи крепко примерзли ко льду. Подкапывали снег, набили, пятком лыж двадцатипятикилограммовой кувалдой. Сумеет ли Мазурук поднять тяжелый корабль со столь неподходящего аэродрома? Полный газ. В самом конце площадки самолет отрывается и, еле одолев гряду торосов, повисает в воздухе.

Нервы напряжены до предела. Верны ли мои расчеты? Что если я ошибся? Тем более перед стартом экипаж недоверчиво спрашивал, верно ли я определил направление на лагерь. Пугала близость полюса: солнце круглые сутки имеет одну высоту и всюду юг. Нет, ошибки не может быть. Сотни раз днем и ночью, когда все спали после изнурительного труда на аэродроме, я проверял свои данные. Чутье обманчиво, но математика — верный союзник. Через 47 минут мы должны быть в лагере наших товарищей.

В 06 часов 15 минут ложимся на курс. Даю все необходимые данные для Мазурука и бегу в хвост самолета, чтобы сообщить в лагерь о вылете. Лагерь сразу ответил. Теперь связь отличная. Динамо, закрепленное в крыле, вращаясь от встречного потока воздуха, дает достаточное количество энергии.

Вскоре нагнали и снегопад, но лагерь сообщает, что у них погода отличная. Настроение напряженное, но радостное. Через каждые 16 минут даю лагерю необходимость снижения и гирополукомпас, контролирую курс астрономическими методами. Курс на лагерь держим близкое 276°.

В 05 часов 52 минуты я внезапно услышал: «Мы вас видим. Видите ли вы нас?» Сообщаю по радио: «Следите за нами, вас еще не видим».

Внизу лед и редкие разводья. Нигде никаких признаков ни самолетов, ни палатки. Сообщаю экипажу, что нас видят. Товарищи радостно жмут мне руки и обнимают. Через несколько минут мы увидели огромный костер, три оранжевых самолета и множество палаток. Тяжело опускаюсь в кресло. Моя задача выполнена.

Ровно в 07 часов 02 минуты Мазурук и Козлов мягко сажают самолет на аэродром папанинцев.

Нас встречают Шмидт, Папанин, Кренкель, Молоков, Водопьянов, вытаскивают из самолета, обнимают, радостно трясут руки, поздравляют с благополучным прилетом. Быстро разгружаем машину и торжественно вручаем Папанину Веселого.

15 июня все корабли ушли в Москву. По указанию правительства наш самолет с экипажем остался на Рудольфе для обеспечения безопасности дрейфа папанинцев.

Наша вахта продолжалась весь период дрейфа. Это время навсегда останется в моей памяти как лучшее воспоминание о величественной и огромной земле на краю света.

3*

ЛИДИЯ ЧЕШКОВА
наш спец. корр.

СКРИПАЧ И ВОДЯНОЙ

Падал густой снег, раскачивались на снегу ветки рябины. А в мастерской было тихо и уютно. Большая облицованная зеленым и голубым кафелем печь дышала теплом.

Мы сидели за круглым столом, заваленным гравюрами, рисунками, книгами. Со стены на нас смотрела Девочка, разговаривающая со Змеем. На голове его сияла корона.

Хозяин мастерской — художник и писатель Мерчин Новак [illegible] Мертин Нейман,— доставал с полок все новые листы, осторожно раскладывая их на столе. Сказочные многоцветные рассеяли сумеречный свет зимнего дня: по зеленому небу над красно-коричневой землей летал дракон, среди красочного переплетения стеблей и корней распускались белые волшебные цветы, в гости к крестьянину шли гномы в синих колпаках. Мерчин Новак тихо ходил по мастерской, мягко улыбаясь. В бархатной куртке и домашних тапочках он сам казался частью того мира, что создал своей кистью.

Мирко Хендрик — это он привел меня в гости к художнику — рассматривал картины, радовался, узнавая:

— Это Крабат? Да? А это Змеиный Король? А это Водяной?

— Мирко, — смеялся художник, — ты что, не помнишь сказок, которые тебе рассказывали в детстве? Это ведь так недавно было.

Чем дольше всматриваешься в ти

ОВА

Й

постижимый и озорной мир Мерчика Новака тем более кажется ирреальным: колодец-журавель на зеленой земле, избы, сложенные из потемневших бревен, серп в руках жницы, расшитая праздничная одежда девушки на Чечене, внутреннее убранство деревенской избы — с печью, горшками, одеждой. Нечто похожее я только что видела в музее в Баутцене. Пожалуй, по картинам Новака можно было изучать культуру и быт его народа — лужицких сербов, или лужичан, или по-немецки — сорбов.

Лужичане живут на юго-востоке ГДР в округах Дрезден и Котбус, в бассейне реки Шпрее. Сейчас лужичан примерно сто тысяч: это небольшая часть населения республики. Около трехсот городов и селений страны признаны двуязычными. Но малочисленность лужичан была причиной того, что о них до недавнего времени было известно немного. Почти тысячелетие назад они утратили свою независимость. Века социального и политического угнетения, казалось, должны были окончательно предать эту народность забвению.

С историей лужичан я начала знакомиться в Баутцене, или по-лужицки — Будишине, в просторном зале «Сербского дома». Юрий Гросс и Марьян Кендзих — первый секретарь и работник отдела пропаганды Центрального руководства «Домовины» — говорили между собой по-лужицки, а я время от времени угадывала знакомые слова: «хлеб» — «хлеб», «заутроба» — «вараця», «дзевчинка» — «девица»... И все же без переводчика было не обойтись.

Юрий Гросс делит историю своего народа на две части: первая насчитывает много столетий, начиная с VI—VII веков нашей эры (два трагических рубежа были отмечены в X—XI века, когда лужичане потеряли независимость), вторая — четыре с половиной десятилетия. Граница — год 1945.

— Старики у нас еще помнят, молодые читали, хоть им и поверить в это трудно, — Гросс повернулся к Марьяну Кендзиху, — но так было: лужичан не считали за людей, а рабочей скотиной. Вспомни... Что ж говорить про годы фашизма! В 1937 году были запрещены наш язык, наши газеты, закрыта «Домовина» — народная организация лужичан. Перед концом войны отступающая армия Шернера должна была перестрелять всех... Спасли лужичан советские воины —

Юрий Гросс немолчал и твердым голосом продолжил — 10 мая 1945 года «Домовина» возобновила свою жизнь. Конституция страны узаконила наше существование,— и он показал на плакат, висевший на стене.

Плакат гласил: «Граждане ГДР лужицкой (сорбской) национальности имеют право развивать свой язык и свою культуру. Осуществление этого права поддерживается государством. Статья 40. Конституция ГДР».

В разговор вступил Марко Хендрик. Он рассказал, что созданы и работают Фольклорный центр, лужицкий народный театр, издательство «Домовина», чьи книги всегда помечены рисунком-символом — тремя листами липы, на языке лужичан издаются девять газет и журналов, есть своя редакция на радио и группа «Сорбский фильм» при ДЕФА. Язык лужичан — оба наречия, верхне- и нижнелужицкое,— преподается в школах. Педагогический институт готовит учителей для лужичан. В Баутцене работает Институт этнографии, языковедения и истории АН ГДР. Издавший трудиинститута — четырехтомник по истории лужичан. Примерно раз в пять лет проводятся фестивали национальной культуры...

— Создается и музей,— заметил Марко.— Приглашаю.

Мы вышли на улицу. Город был весь засыпан рождественским снегом. Иные улочки были так узки, что казалось, высокому и широкоплечему Марко тесно между домов.

Над островерхими черепичными крышами парила вертикаль старинной башни.

— Это Башня Богатых,— сказал Марко.— Построена в конце XV века как завершение Улицы Богатых. Башня можно реч города, нарастание тень, давно так же как и городская стена, потеряла свое оборонное значение и осталась теперь как памятник истории.

Марко говорил по-русски. Говорил хорошо, как человек, долгое время живший среди русских. Он и вправду учился в Москве, получил специальность химика, работал неподалеку от Баутцена на химическом предприятии, но потом резко переменил профессию.

— Вы спросите почему? — Марко задумчиво улыбнулся.— Не знаю, сумею ли объяснить... Может, меня подтолкнула к этому наша история. А может... В нашем институте училась работать самые разные национальностей и из разных стран. Жили мы дружно. Каждый рассказывал о своем народе. Мне кажется, тогда я и понял, где я, лужичанин, могу быть особенно полезен...

Марко на ходу раскланивался со знакомыми, иногда останавливаясь, чтобы перекинуться с ними парой фраз то по-немецки, то по-лужицки. Родной его очень показались мне приятными и мелодичным.

— А вы знаете,— сказал Марко,— было время, когда за нашу речь на городской улице карали смертной казнью. Это было, к примеру, в Дрездене еще в XVIII веке.

Я невольно замедлила шаг, всматриваясь в тесно прижавшиеся друг к другу дома.

Снег кружил в желтоватом свете зажженных с утра фонарей. Витрины магазинов сияли огнями и елочной мишурой. Дети катались на санках на площадях. Девушки в валенках, в шубках и непокрытыми головами пробегали по улицам. Из дверей кафе вырывался на улицу терпкий запах свежего кофе и недорогих сигар. Таким устоявшимся мирным бытом, праздничным уютом веяло от города, что вся давняя и трагическая история лужичан казалась нереальной.

Но она вновь обрела вполне конкретный облик, когда в музее я увидела лицо скорбящей женщины — фотографию барельефа, высеченного на памятнике, а фотографию памятника, поставленного неподалеку от Баутцена в честь освободителей — воинов 2-го Украинского фронта.

Собственно, мучить меня не было, была только мечтала расстаться с прошлой и нынешней жизни лужичан. «Через несколько лет — сказал руководитель выставки Хенка Фичи — будет начинающий Музей лужицкой культуры и истории. Сейчас мы заняты поисками и сбором вас интереса, все что уже ...

Я перешла из зала в зал, рассматривая одежду богатое руканые посуду, яркие раскрашенные прялки, скамьи — они напоминали мне народные весенние утро и энергичности Сновир и чтонагнч в ряд у стен церкви плетеные корзинки и печальными звездами нанизанных раскрасок...

— Вам, наверное, стоит познакомиться с работами Мерчина Ни-

нека, — голос Мирко вернул меня в Бауцен. — Это наш знаменитый художник, я бы сказал, наш чародей.

— Кто-кто? Скрибач?

Мирко не ответил, предложил:

— Давайте заглянем в гости к Мерчину, это недалеко, под Бауценом.

За окном уже разлился вечер, и мы в нашей беседе в мастерской Мерчина Нинека ище и чемом

разговор Мерчин так говорит что руки чая выучил язык еще в начале 20 в годов.

— Я ведь ровесник века — тихо роняет художник.

Он родился в этой сорбской деревне вечно нищей и чаленной. Первым его заметил и поддержал учитель — дает был школьный учитель. Потом были учеба в Лейпциге и Дрездене. Мерчин прилежно следовал академическим канонам, но больше рисовал то, что помнил, что писал, то, рисовал народной деревенский избы, домашних и гномов, добрых волшебника Крабата. Уже тогда он четко осознал, что хочет стать художником своего народа и рассказать о нем. В тогдашней Германии это было невозможно. Он уехал учиться в Чехию,

ла и Прагу, потом в Варшаву. В 1929 году Мерчин вернулся на родину. Его родная обрела злая борьба за существование лужичан на культуры. Художник публикует общественный девичий Мерчин Новак включится в эту борьбу. В годы фашизма он был арестован.

К искусству Нинек смог вернуться только после войны. Он понимал, что в те годы чтобы пробудить самосознание своего народа надо чем-то просветителем. Мерчин Новак издает газету «Нова доба» — «Новое время», организует общество лужицких художников и скульпторов «Рябиновый круг», много ездит по Советскому Союзу и рассказывает нашей стране лужичанам.

Наиболее сказы и сказки обращены в фольклору, создает небольшие по формату и простые по исполнению картины, изображения на те,

его любят писать крестьяне на стенах горниц. Тут была ли честь стать «этнографическим» художником, ведь косяками чужичан на танцы так живучими.

— Нет — сказал Мерчин Нинек, — я не хотел быть рисовальщиком национальных костюмов. Мне хотелось выразить душу своего народа. Тогда-то я и начал книгу «Крабат — добрый лужицкий колдун». Ведь Крабат — неустрашимый, находчивый, веселый, щедрый на выдумку, простой и мудрый — и есть наша душа.

Крабат Земли лужичан. Единственная книга о лужичанах, которую я читала перед приездом в этот край, была книга Юрия Брезана «Крабат, или Преображение мира». Она начинается так:

«Как речь в самом центре нашего континента — многие в наших краях ошибочно полагают, что значит и в центре мира, — берет свое начало речка Сеткуль, весело журчащая мимо семи деревень, чтобы чуть же за ними вырастить и большую речь. Ни такой, ни море недаль не ведает об этой речке, но море было бы другим, не впадя оно в тебя, и Сечулу.

Все семь деревень в ее долине уютные и опрятные, однако населены не слишком густо, — правда, и люди здесь живут не меньшем таких как везде, до и в мировой истории они не оставили сколько-нибудь заметных следов, хотя история их не обделяла, их малыми и большими войнами, грозными битвами, злонесными чумными эпидемиями, великими страхами и чтоже же великими надеждами, и перебрасывала деревеньки из одних господских рук в другие, не случае чего на каком нибудь холме за пределами под речною берегу реки конный раз стоял лица...

Войны битвы и чумы пересели былые... частные костяки ... в сырой земле, холмы несельских были ... обычными пригорками и ничем не отличались от прочих. Так что мировая история и не знала бы о деревеньках на реке Сеткуле, если бы не жил тут Крабат.

Правда, рождения его когда не отмечено, да и умереть ни вряд ли мог...»

Мирко Хендрих долго перебирал разложенные на столе картины. Не вспомню наш то, что искал, и показал видно мне. Картина называлась «Скрипач и Водяной».

Добродушный Водяной свесил с зеленых ногу, с улыбкой внимал игре молодого Скрипача. За их спинами голубела река...

— Я вам сказал, что Мерчин — скрипач, помните? — улыбнулся Мирко. — У нас очень много сказок про Водяного. Да и как им не быть, когда здесь столько воды, что речкой, во время разливов люди добираются от деревни к селению на лодках. Своей игрой Скрипач веселит Водяного, рядом нас живущий этих мест, и заставляет помнить, что мы — лужичане.

Рисунки и картины Мерчина Новака, выполненные в разные годы, позволяют познакомиться с лужицким эпосом, с чертами быта и реальными событиями. Дома в небесах за спиной Скрипача и Водяного, или в нарядную девушку в маршевой «Зимний Король» или в одежды чимбушки на празднике встреча весны ... многие детали жизни лужичан прекрасно отражены.

АЛЕКСАНДР МИНЕЕВ
корр ТАСС — специально для «Вокруг света»

Аромат Фукуока

[illegible]

(См. 3-ю стр. обл.)

МАКСИМ КУЗНЕЦОВ

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ПОЛЕТ "ВОЯДЖЕРА"

14 декабря 1986 года самолет странной конструкции медленно набирал скорость, по взлетно-посадочной полосе аэродрома военно-воздушной базы США Эдвардс, расположенной в калифорнийской пустыне Мохаве. Среди сотен провожавших его людей скептиков было намного больше, чем тех, кто верил в успех предприятия. И ничего удивительного. Самолету предстояло в течение десяти суток (и это в лучшем случае) облететь земной шар без посадки и дозаправки горючим и приземлиться на этом же аэродроме. До сего дня подобный перелет никто даже и не пытался осуществить. Идея облета пришла братьям Берту и Дику Рутанам, живущим в провинциальном городке Мохаве. Свой самолет они назвали «Вояджер», в переводе — «Путешественник».

Дик Рутан [illegible] самолетостроительные [illegible] в ВВС США двадцать лет. Уволившись в чине подполковника, Дик Рутан становится ведущим летчиком-испытателем [illegible] брата в Мохаве. В 1980 году [illegible] тился с Джиной Йегер. А спустя год после их знакомства появилась идея совершить кругосветный перелет, [illegible] Дика была [illegible] что «от нее [illegible]».

[illegible] и родился необычайно хрупкий на вид и вызывающий ку летательный аппарат своеобразное длинное и узкое крыло размахом в 33 метра, называемое ютинным носом» вал бы противовес пертинообразной фюзеляжи, на котором расположены — справа и слева — два двигателя. На передней части фюзеляжа крепится еще одно небольшое крыло — для стабилизации. При постройке самолета была применена специальная бумага, пропитанная эпоксидной смолой, а композитные графитоволокнистые материалы. Такой стойкий материал легче алюминия, зато в семь раз его прочнее. Но главная особенность «Вояджера» — в его 17 топливных баков можно залить почти 3200 килограммов горючего, тогда сам он весит всего лишь 937 килограммов. По признанию Берта Рутана, сконструированный ими самолет — это «летающий бочка с горючим». Но топлива для запланированного полета должно было хватить лишь при условии, что большую часть пути будет работать только один двигатель.

Вести «Вояджер» предстояло экипажу из двух человек: одному из братьев Рутанов — Дику и женщине-пилоту Джине Йегер. К моменту старта экипаж совершил 65 испытательных полетов, во время которых самолет налетал десятки тысяч [illegible]. Уже тогда летчики поняли, что [illegible] значительно затруднит [illegible] удобная кабина с [illegible] весьма напоминающая [illegible] будку лежащую на боку.

И вот же воскресным [illegible] днем, после нескольких [illegible] вызванных неблагоприятной погодой, «Вояджер» взмыл в воздух. При взлете его переполненные топливом крылья несколько раз прогнулись, [illegible] поверхность [illegible] несколько [illegible] и слегка [illegible] края плоскостей. Описав круг над аэродромом, самолет взял курс в Гавайским островам. Начался первый день кругосветной «одиссеи».

«[illegible] над Тихим океаном, который на этот раз вполне оправдывал свое название, прошли спокойно. Благоприятные погодные условия и попутный ветер помогли «Вояджеру», а утром 16 декабря он приближался к Гавайям. Здесь экипажу с[illegible] пришлось отключить передний двигатель [illegible]. Но тут [illegible] предупреждение о надвигающемся тайфуне «Марджи», который обрушился на самолет у Филиппинских островов. Экипаж решил [illegible] направить машину... прямо в центр тайфуна, чтобы не тратить [illegible] драгоценное топливо.

Штормовая полоса почти в тысячу километров, сильнейший ветер до 120 километров в час вынудили Дика Рутана маневрировать у северной границы шторма. Когда самолет уже прошел мимо тайфуна, мощные потоки воздуха заставили его развернуться на 180 градусов — некоторое время экипаж был вынужден лететь в обратном направлении...

Ранним утром 18 декабря пролетая над побережьем Шри Ланки пилоты получили сообщение о том, что в борьбе с тайфуном израсходовано слишком много топлива, до цели его может и не хватить. Сам экипаж о количестве горючего в баках не знал, потому что раньше упомянутые баки «Вояджера» не был оснащен соответствующими датчиками. Однако немного спустя специалисты произвели более точные расчеты и через ... что у самолета есть шансы завершить полет благополучно.

«Как бы то ни было — заявил в тот момент журналистам к Минеаполису один из руководителей полетов — Дик Херрен — мы ни в коем случае не станем подвергать экипаж опасности, если останутся хоть какие-нибудь сомнения в том, что самолет дотянет до калифорнийского побережья мы заставим летчиков посадить «Вояджер» в безопасном месте».

Рано утром 19 декабря самолет пересек африканское побережье у Сомали, и летчикам вновь пришлось вступить в изнурительную борьбу с суровой африканской стихией. «Вояджер» летел со скоростью самолетов времен первой мировой войны — 193 километра в час, но и она была для него максимальной.

Чтобы избежать сильнейших гроз в районе озера Виктория, экипажу пришлось поднять самолет на высоту 6000 метров и надеть кислородные маски. Только ... снизились до 4000 метров. Когда же утром следующего дня «Вояджер» пересек береговую линию Габона, завершив полет над Африканским континентом, ... и попутный ветер «разгонял» машину ...

[illegible]

Утром 21 декабря в небесах «Вояджера» внезапно загорелась аварийная лампочка, указывающая что один из двух двигателей вышел из строя, — резко падает давление масла. На Джину и Дика сигнал аварийной лампочки подействовал как удар. В течение некоторого времени они пребывали буквально в шоке. И все же усилием воли сумели взять себя в руки и попытались выяснить причину неисправности. Им установили через несколько минут: утомленные борьбой с африканскими грозами, пилоты забыли долить масло в один из двигателей. Но какого нервного напряжения стоила им эта оплошность! Они могли загубить не только все предприятие, но и закончиться гибелью для всего экипажа. Джина Йегер и Дик Рутан теперь уже с неизменным вниманием следили за приборами. «Я хочу благополучно долететь до дома и там уже заснуть» — передал тогда на землю Дик Рутан.

Однако и дальше пилотов поджидала новая неожиданность. И тоже неприятная. Из-за непогоды над побережьем Кубы и в районе Техаса «Вояджеру» предстояло лететь по новому маршруту — вдоль побережья Мексики. Но ... изменилось, и в этом случае экипаж не миновал встречного ветра и увеличения расхода топлива. Скорость самолета упала до 105 километров в час.

До Мохаве оставалось совсем немного, когда самолет попал в противный атмосферный фронт, пролегавший над Латинской Америкой. Сколько раз уже вступал «Вояджер» в борьбу с ветрами, которые ... даже самому мощному «Боингу», и пилоты всегда выходили победителями. Но теперь у врачей стало вызывать серьезное беспокойство состояние здоровья членов экипажа.

Постоянное изменение воздушных течений, резкие перепады температуры и необходимость часто менять высоту полета не могли не оказать определенного воздействия на физическое состояние людей. «Бывали минуты, когда они переставали передавать информацию на землю или сообщали ... и не представляющие интереса факты» — признавался потом Берт Рутан, который за время полета почти не покидал ... службы, стараясь всеми силами помочь экипажу.

«Вояджер», преодолевая силу встречного ветра, летел вдоль Тихоокеанского побережья Северной Америки. Вечером 22 декабря он находился в нескольких сотнях километров от Мохаве.

На аэродроме уже готовились к встрече экипажа. Вдоль полосы собиралась многотысячная толпа. Сотни журналистов готовили фотоаппараты и магнитофоны. В небо поднимались десятки вертолетов любителей, желающих приветствовать героев в воздухе. Это могло создать серьезную опасность случайного столкновения. Поэтому, рискуя потерять связь с «Вояджером», диспетчерская служба была вынуждена время от времени прекращать переговоры с Диком и Джиной, чтобы их не смогли засечь любители. Но больше всего тревожило другое: «Вояджер» не был оборудован устройством для посадки в ночное время. И если он прилетит в позднее время суток, то ему предстоит кружить над аэродромом до рассвета. Но как раз это он сделать был не в состоянии — горючее могло кончиться в любой момент.

Тем не менее волнения оказались напрасными. Ранним утром 23 декабря, описав круг над взлетной полосой, «Вояджер» благополучно совершил посадку. Открывать кабину самолета, в которой пилоты находились в течение почти девяти суток ... Обессиленные многодневной болтанкой в воздухе, летчики не могли выбраться из кабины без посторонней помощи. Дик Рутан, приветствуя собравшихся, лишь выбросил шляпу. Карета «Скорой помощи» отвезла пилотов в госпиталь. Самолет, преодолевший расстояние почти в 42 000 километров, отбуксировали в ангар, где и выяснилось, что горючего в его баках осталось ...

Итак, первый кругосветный полет самолета без посадки и дозаправки был завершен. Но тут вокруг участников полета начала свою одиссею американская реклама. Незамедлительно со всех сторон стали поступать предложения от кино- и телефирм. Компания «Мобил ойл», ... постоянно для двигателей «Вояджера» масло, ... изображения самолета на рекламе своей продукции. Дик и Джина летели в своем самолете в специально сшитой для них форме, на которой были фирменные знаки ... «Мобил ойл», «Кинг» и других. Вскоре они ... маркой «Ролекс». Вовсю идет сейчас распродажа различных сувениров, значков, игрушек и футболок с изображением «Вояджера» и его пилотов. Приобрела громкую известность и сама маленькая фирма Рутанов — «Вояджер эйркрафт инкорпорейтед», родившаяся пять лет назад одновременно с мечтой о кругосветном перелете.

Но если отбросить элемент сенсационности, без которой немыслимо что-либо значимое в Соединенных Штатах, то, по единодушному мнению специалистов, наибольший интерес представляет сама конструкция «Вояджера», которую очевидно можно использовать в качестве превосходного летающего средства для тушения лесных пожаров ...

Однако конструкцией «Вояджера» заинтересовались в Пентагоне. Казалось бы, какая связь между сим ... экспериментальным хрупким ... самолетом и военным ведомством Соединенных Штатов? Оказывается, по мнению Пентагона, самолет типа «Вояджер» может быть неуязвимым для радаров противника, а отключив на время полета двигатели, он превращается в планер, который на низкой высоте практически неуязвим. Как говорится, кому что...

По материалам иностранной печати

СОЛНЕЧНЫЕ ПТИЦЫ

Повесть

Я бросил взгляд вверх по течению, откуда пришли мы рыбы. Там настенно горели два красных огня. Глаза. Кто-то наблюдает за нами.

— Смотри какие огоньки! — прошептал сын.

Огоньки мерцали и цвет их менялся на раскаленную угольную красноту синими вспыхивали изумрудная зелень. Видно зверь вертел головой, рассматривая нас под разными углами.

Мы медленно двинулись вперед, стараясь не хрустеть галькой. Огоньки подпустили нас метров на шесть, вокруг них уже стало угадываться темное тело. Еще два-три шага. Но огоньки мгновенными резкими метнулись в сторону и исчезли. Огоньки чуть позже вспыхнули снова, только дальше.

Мы вышли. И опять, когда до зверя оставалось руку подать, они свернули в сторону и сразу раздался негромкий всплеск. Через минуту мы стояли на берегу широкой ямы. Колыхалась черная с проблесками вода, в сетку ручья медленно проплывали вереница воздушных пузырьков. Дальше ледяная кромка опускалась вниз и лежала на воде.

— Удирает уже — разочарованно протянул сын.

— Длинный синий зверек — сказала жена. — Как горностай, только темный и раза в два больше.

— Такое прыгучее! — восхитился сын. — Видели как — в воду.

— Все. Пошли назад.

— Жалко, ничего не поймали, — сказал сын уже под дверью. — Совсем никакого везения.

— И не надо сетовать — сказала жена. — А то и смотреть будет нечего, и никаких для детей приключений. Вот мы видели кречета...

— Зимнего — добавил сын.

— Да. Зимнего Кречета. Теперь видели очень интересного зверя... Какого?

— Водяного Красноглазика.

— Вот. Темный и раза в два больше горностая, ловко бегает по суше и прекрасно ныряет. Что за зверь?

— Норка или выдра, — сказал я. — Но выдры гораздо крупнее и норки подходят. Ее давно выпустили в колымских местах. И на Анадыре. Тут совсем рядом начинаются заповедные соседних притоков Анадыря. — Ну вылезаем. Надо прикрыть дыру не залезет зверь и главное — тепло не будет уходить. А лед проваливался именно с тропой тут кусочком. Это синяя теплая точка, на которой ставили воду осенью. Крепкий лед не успел образоваться. Видите, отсюда во все стороны утолщается. Мороз работал, вода постепенно оседала. Правильно. Индейцы предупреждали не ходить по льду. Полыньи и туманы всегда заметишь, а такие пустоты над пустотами — трудно. Если идешь вниз с провалишься, как бы пусти два метра вниз к выезду и еще и ямы с водой позади.

Мы нарезали прутьев, прикрыли отверстие и заложили плитками снега. Пусть фантастические подледные гроты спокойно хранят свои тайны. Пусть царит там тишина и покой и обитатели его живут подальше до появления голубого клочка, открывающего внутри царства дивного, теплого и горячего солнечного луча.

В воздухе возникли гудение, унылое и далекое как от звука диного блуждавшего и горах зон. Только они же прерывалось, а звучало на одной протяжной ноте. Потом в ушах появилось тонкое прерывистое взвизгивание. Один раз, второй. На третий я остановился.

— Что? — спросила жена.

— Ничего не слышишь?

— Гудение. Точно где-то по краешку земли самолет летит.

— Это ветер начинается в горах. А больше ничего?

— Н не-т.

— Какое-то тихое... визгливое. Не пойму.

— Наверное снег под полозьями, — сказал сын. — Мне тоже чудится.

Мы пошли дальше. Я стал слушать внимательнее снег под полозьями нарт, под ногами в собачьих лапках. Нет оно не похоже на поскрипывание лыжами. Ни верное, тишина играет шутки. Бывает едешь в зимней тундре и вокруг тебя шелестят человеческие голоса, смех, вскрики.

— Сейчас бы пельменчиков — мечтательно сказал сын.

— А? — Я огляделся: ни всех оконцах догорел малиновый закат, поблескивая его стекло по темным склонам, и пронзительная глубина синего над головой холодила небо. — Пельменчиков? Да, пожалуй.

Мы выбрали пимет под метровым лайдяным уступом, выбрались с него и поставили палатку. По уступу широко и густо торчали заледенелые кусты кустов, с тем никто без треска и заяц не подойдет даже самый ленивый зверь.

После ужина сын вдруг удивленно посмотрел на меня.

— А почему мне ноги в воде не замерзли?

— Хм. Действительно. Ведь как там ни тепло, а температура минусовая. Ну, и пусть себе бежит и на плесе почти неподвижна. Подожди, подожди...

Так ведь Номкин с фермы — Теплая! Тут наверное, есть горячие источники. Вот вам и тайна полыньи и тумана. И подледных гротов. Ясно? А теперь давайте спать.

На улице заскулили Шушка. Женя откинула полог.

— Запуталась, бедная. Сейчас выйду. Ой да вы посмотрите, что творится! Луна то, луна!

Мы выскочили на улицу.

Луна огромным диском застыла над горами. От ее нижнего края в долину падал широкий желтый столб света. А по бокам висели многоцветные дуги. Каждая состояла из сливающихся на стыках полос. Ближние фиолетовые, радужные окружали луну и нижними концами упирались в горы. К ним примыкали яркие красные полосы. Потом следовали оранжевые и желтые. И каждая, чем дальше от луны, тем тоньше по цвету и шире. Полу-чилось цветные треугольники, обращенные вершинами к основанию и луне. Не виделись и стороны и безмерное пространство, исчезали желтые минусы. Призрачный свет заполнил небо и долину, залил горы и снега. Все разбухли в оранжево-желтых потоках. Тени мы еще не видели.

— О-ей! — прошептал сын. — Что теперь будет?

— Я могу сказать только одно — еще и погода изменится. Ничего уже не колдовство, а далекий признак. Ветер Науки. Или будет сильный мороз или ветер...

Мы легли спать за окон через два-три тихо подсветили от пронзительного ужасом шага. Огурца. На сей раз

рычал и Пуфик, только менее весом. Я вышел. Над тундрой плыли волчьи голоса. Луна поднялась высоко и уменьшилась, словно отдалилась от Земли. Гал растаял. Чистые потоки лунного света серебрили темные снега под тонути в черных зарослях кустарника. Иди разгадай что-нибудь в них!

Волки разговаривали высоко в горах. Вначале звучал длинный низкий и могучий голос. По очереди ему отвечали из разных мест голоса и жиже. Некоторые надрывали, и в них явственно чувствовались вопросы. «Наговорив» две три минуты, стая умолкала ненадолго. Затем снова раздавался властный и могучий голос. Все это напоминало последнюю пересдачу уточнения заданий перед вечерней работой.

— Так. Давайте осмотрим полыньи: оставим рядом нарты в сорока метрах, чтобы окончательно убедиться. За Желтой должна быть сопочка с камнем.

— А еще голова в шерсти — напомнил сын.

Против полыньи мы привязали собак и осторожно пошли к воде. Она журчала широкой полосой на мелком перекате. Сквозь светлые волны рябили галечники. Вода медленно выплывала из-под затянутого льдом плеса выше переката, освобожденная отплясывала длинный и веселый танец и вновь возвращалась под ледяные своды.

В метре от переката лед начал потрескивать.

— Стой! Ниже нельзя.

Я пошел вокруг полыньи. Перед перекатом, на плесе, лед был гораздо толще. Можно стоять на самом краю

Расстояние до животного по звуку определить трудно, особенно в горах. И Пуфик и Дуремар постепенно успокоились, и голоса вроде бы отдалились. Я вернулся в чум.

Утро встретило теплом и серой мглой. Под ней в летучей дымке таяли ночные тени. Оранжевым частоколом горели зубья гор на севере востока. Тонкими полупятнами звезд мерцало чистое небо. Мгла не мешала игре красок. Казалось, смотришь вокруг через чуть запыленное стекло.

— Немного не доехали — сказала жена. — Вот она, Желтая сопка.

Пологий чистый скат на правом берегу, ведущий к плоской верхушке, начинался метрах в трехстах от кочевки. И под ним посреди речки Неманки тягуче клубился пар. Полынья.

— И увиделось сопке Желтая на краю земли, за туманами.

Цветные стайки рыб показались прямо из-под ног и вновь исчезали. Я понаблюдал прозрачные брызги, потом пошел дальше и увидел окурок «Беломора». За ним торчали вмороженные в лед тряпки, заледенелые обрывки газеты, валялось еще множество окурков, рваный желтый пустой пакет, горелые спички. Среди этой грязи с десяток уже замерзших лунок. В сторону, в снежный береговой навис, уходила утоптанная, присыпанная ночной порошей тропинка. Я пошел по ней и в ста метрах от берега, среди кустов, увидел брошенную стоянку. Рубчатые тракторные следы перемешались гладкими полозьями балка, вокруг пестрели насечки буранных гусениц. На месте стоянки были кучи угольной золы, цветной ворох стреляных папковых гильз, консервные банки, бочки из-под солярки, жирные мотки мазута. Кустарник в радиусе тридцати метров выломан и втоптан в снег. След трактора с балком приходил из «соседнюю» полиму с нижней речки Неманки и рядом, в десятке метров, уходил обратно. Два разных рыка. Неужели не могла хоть что-то по нашему следу? Растает снег — исчезнут отпечатки траков,

не прогалы в пустом так и остаются. Оледенение очень хрупок, особенно зимой. На морозе он вообще не гнется и ломается при легком нажиме. Поэтому природа и укрывает его очень заботливо снежными одеялами.

Тундровые «тайбаке» тропы, что не удовлетворяются высокими северными заработками, и ещё торгуют по принижим награбленными «шарами» породы. Варвары. Вода, мороз и ветер сразу ушватятся за эти прогалы и года через два сдерут покрытие из лишайников и травы, проточат промоины потом овраги...

Раньше, когда было много птицы и зайцев, охотники разбредались в стороны от балка, облюбовывали укромные местечки, сооружали шалашики-скрадки, где и сидели, поджидая или просто выслеживая зверя и птицы. На месте таких скрадков оставались кучки блестящих, несколько в зависимости от удачи, стреляных гильз.

Теперь, когда птицы и зайцев практически не стало, изменилось и поведение охотника. Чего без толку мерзнуть в скрадке или шастать по пустым кустам? Куда получите удовольствие, не отходя далеко от теплого мягкого вездеходного закутка с накрытым столом. Прекрасный сервис, бесплатно получаемый за счет государства, его техники и горючего.

Опорожнив посуду, вооруженная пятизарядками компания выставляет ее на кочку или вон как тут вешает на ветки кустарника и открывает огонь прямо с порога. Поэтому и гильзы остаются не по скрадкам, а большой общей кучей на месте стоянки балка. А летом на стекляшку наступит олень и получит страшную болезнь — копытку. И погибнет от истощения в нерадивых мучениях. Да разве только олень...

Значит, те огни, что мы заметили в первый вечер звездными, принадлежали побывавшей и здесь компании на бытчиков. Да, много их бродит по Чукотке все дальше и дальше лезут в глубины гор и везде оставляют вот такие стойбища «значки» неразбитых. Добрались и сюда, а потом уже в алмазендым...

Пуфик весело бежал впереди, а мы шагали следом по вечернему насту на свете совка Желтой. В нескольких местах я пытался пробить его прикладом карабина — все безуспешно. Поработали осенние пурги и туманы на совесть, а наст был в том состоянии, когда берут его только топором. Пожалуй, можно оставить лыжи: по такому насту легче и налегке.

Неожиданно сын остановился.

— Смотрите, как Пуфик уши вытаращил!

Пес застыл в напряженной позе, подняв переднюю лапу и вытянувшись в сторону горной гряды справа. А его шелковые блокохвостые уши стояли торчком! Только кончики чуть загибались. Это было невиданное зрелище!

— Вон вон! — замахала жена рукой в сторону сопки, на которую нацелился Пуфик. Там, высоко, почти под самой вершиной, по крутому склону бежали звери. Много больше десятка.

— Олени зачем? — подумал я вслух и машинально просчитал: — Восемь... двенадцать... пятнадцать...

— Они же все больше,— возразила жена.— Не олени, не олени!

— Бараны! Снежные бараны!

— Рога прямо закрученные! — оторвавшись от бинокля, подтвердил сын.— В нашу сторону скачут. Людей, что ли, не видели?

Да, по склону бежало стадо снежных баранов. Впереди крупный вожак, за ним плотной вереницей, несколько по звериной тропе, самки с детьми, а далеко вреди них один большущий баран — крупнее вожака, только в свалявшейся бахроме тощей и какой-то раздерганной шерстью. Старик, видно. Да, вдоль по огромным рогам — бывший вожак. Изгнан молодым, более сильным. Одному ему держаться у стада. Знает, что один погибнет сразу. Дикий мир жесток к одиночкам.

— Там кто-то еще,— сказал сын.— Вон у края сопки.

Я перевел взгляд и увидел, что следом за баранами по тропе бегут два светло-серых зверя.

— Волки!

— Ой, что теперь будет? — заволновалась жена.

Левее нитка тропы вновь уходила за склон, и в буквы не ниже сопки. Там они наверняка опустятся в ложбину и тянется по вдоль совку.

— Ничего страшного убдут — усмехнулся я.— Снежного барана на родной тропе никто не догонит. Силенка у серых маловато. Даже заднего, второго не дос...

Я сказал: Впереди, там где тропа сделала петлю, вновь исчезала за ветром, возникли четыре серых тени...

Сколько я наблюдал волков, они никогда не выходят откуда-то из-за чего-то. Они возникают сразу даже на середине гладкого места, далеко от всевозможных укрытий. Провел взглядом — пусто. Тут же возвраще

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

вился — вот он! Как те перемещаются, наподобие фотографии в проявителе, только резче и ярче.

И эти четыре серых нечистых вихрями и стадом двинулся неожиданно: сделали несколько прыжков навстречу и застыли, высоко подняв головы. Впереди один явно крупнее остальных.

— Звезда,— объявил сын.

— Вот в чем они специалисты наверно,— догадалась жена.— Не могу смотреть.

— Уйдут, уйдут,— говорил я, но волнение уже закрадывалось в сердце. Умный маневр, ничего не скажешь. Теперь баранам надо бы только вверх перед мордами волков. Должны же уйти: бараны бегают хорошо.

Я перевел взгляд выше и увидел на одной из террас прямо над стадом еще две серо-белых фигуры. Эти звери явно не торопились, вытянувшись на месте и наблюдали. Видно, сделали это дело сделано, и ждали сигнала к последней атаке. Да, теперь волки обложили по всем правилам. Стаду деться некуда.

Вожак стада увидел врагов, перерезавших тропу наверх, развернулся вверх, в стороны, как я и предполагал. И тогда те двое не теряя подтянулись, как на пружинах, и напряглись, поступило на время. Однако вожак заметил молниеносное движение и обнаружил левую западню. На четвертом прыжке он остановился. Замерло за его спиной стадо. Вожак был почти взят, но в таком передряге, видно, еще не попадал. Стадо оказалось в окружении. Теперь отступить можно было только вниз по склону за тропу, где начинались ведущие на площадку щели. Однако отвесные и узкие ведь они считали те глубокими трещинами и седловина вспоминая трещинах с тупыми широкими зубьями, направленными вверх. Щели были разной ширины, но не менее трех метров. По краям их нависли снежные наддувы. А дальше перед чистым склоном зловещей сопки вообще зияла провалом широкой метров в шесть-семь. Да еще противоположный край чуть ли не на метр выше. Вожак, видно, верно оценил обстановку на нижней седловине и не думал туда соваться.

— Ух ты м! Волков-то какой большой — протянул сын.— Это, наверное, тот Длиннолапый? Главный злодей?

Волк, бежавший справа по следу баранов, действительно был огромен. Сухие длинные лапы, как стальные пружины, легко несли могучее тело. Да, только такому и быть вожаком. Чуть сзади волчица, тоже огромная. Слева по стаду в первой засаде, наверное, их дети из летнего выводка. Вернее, трое из летнего и четвертый побольше — сеголеток. Руководят молодыми ли задачами родителей. Все так происходит мгновенно. Те двое, на террасе вверху, тоже довольно крупные. Скорее всего, молодые самцы, приблудившиеся к этой семье. Может, присмотрятся не сразу, может — не всю зиму.

Длиннолапый увидел, как стадо метнулось вверх и, натолкнувшись на вторую засаду, растерянно сбилось в кучу. Волк остановился оценить обстановку. На тропе остался один крупный, бежавший сзади стада, старый баран. Теперь он тоже остановился. Бока тяжело ходят, голова дергается. Длиннолапый весело задрал губы, обнажив клыки. Э-э-э, да ты, я вижу, видом старый и уже не в состоянии бегать с той скоростью, которая дает право на жизнь в горах Заполярья Глухих. А все пытаешься угнаться за стадом. Ты вовсе вчера гордость от старости и пристаешь к стаду молодых. А может быть, надеешься таким образом получить вторую молодость? Ну так не бывает, старик. Достигнув преклонных лет, надо смириться: гордо уйти в самые дальние и дикие дебри гор и там в одиночестве встретить непобедимых. А ты испугался конца жизни и поэтому сейчас выглядишь жалко и глупо, трясясь вслед за давно ушедшей молодостью. Ты избавляешь себя от позора, не я помогу избежать твоей участи. И потом — победитель должен быть великодушным. Коснусь твоего горла не сам, я сильный, а ты без помощи. Это сделает мой младший сын.

Длиннолапый громко и коротко рыкнул. Сеголеток вздрогнул, мигом пропустил вперед молодых волков, длинными прыжками помчался к старому барану. Теперь пришел час Длиннолапого. Надо расколоть стадо. Они уже в растерянности, уже не ощущают себя единым, сплоченным организмом. В нем почти убиты воля и целеустремленность, каждый видит себя одиноким перед бедой, и из этого рождается чувство беззащитности, обреченности. Осталось повергнуть ужас, и обезумевшие животные вообще забудут, что тоже сильны, хорошо вооружены и могут защищаться. Тогда волки молодежи и его собственной доверенной расправы стада, и торжествующий клич волчиц-то возвестит о великой долгожданной победе и великом господстве в Глухих горах.

Длиннолапый издал торжествующий вопль, призывая сидевшую наверху семью к последнему бою на этом деле, и рванулся вперед.

А Старик действительно устал. Давно уже ему не приходилось бегать так много. Волки вышли по след стада еще ночью, когда на небе ярко горели звезды и рвалась лишь путь уходившая мерцающей зеленой налипкой. Уходя от стаи молодой вожак делал все правильно и только в последний момент допустил ошибку: не надо было дать им эту кошку. Тропа сверху вниз ведет как на кольцо — слишком близко сходятся бока по дуге по ту сторону, и только совсем глупый зверь не догадается в конце концов устроить на ней засаду. А Длиннолапый не глуп. Этой осенью звезды выставил засаду на разветвлениях тропы старательно загнать стадо на этот склон. И все добился успеха. Теперь у стада один путь — на зубья ледников.

За спиной завыл Длиннолапый. Старик увидел, как навстречу ему бросились молодые волки. Дальше времени для раздумья не было.

Старик прыгнул к стаду. Откинув огромные рога на них, будто принял его и даже не оглянулся на преследователей. Старик знал, что произойдет за спиной, и через секунду услышал: по твердому насту застучали копыта. Вначале разрозненно и нерешительно, потом громче, плотней. Наконец удары слились в тугой дробный такт. Стадо шло следом!

Плавной дугой Старик провел соплеменников через тропу и дальше вниз, к верхнему ращелью. Первую он прошел легко, услышал, как сзади весело застучали копыта, и увидел боковым зрением молодого вожака. Несколько мгновений тот бежал рядом, плечо в плечо. Они вместе перемахнули вторую промоину, и тогда, словно вспомнив силу у старого вожака, молодой вновь обрел уверенность и легко ушел вперед. Потом Старика стали обгонять самки и его дети. Они без особого напряжения перемахнули очередную щель, и Старик увидел, что вновь оказался один, и вновь — позади. Но он не чувствовал сожаления или горечи: стадо спасено!

Бараны, словно диковинные птицы, распластываясь, летят через самую широкую и последнюю пропасть. Два молодых барана, втиснувшись в бег вместе с самками, упали на край наддува, но сумели встать, короткими рывками пробиться вперед и умчаться вместе с ожидавшими их матерями. Только искусство обычно свежий было хозяином над пропастью.

Все!

Молодой вожак, наверно, запомнит эта погоня, и больше не приведет стада в западню. Ну а всем случаям таких — выход теперь известен.

Старик бросил взгляд торжествующего взгляда, прибавил скорость и взвился в воздух.

— Ужас, ужас! — Жена оборвала чтение и затрясла головой.— Какое жуткое и вообще... Ой, да нет... Нет там как сама.

— Все вам надо сражаться за своих.

— А разве не сражался? Он переспросил.— Сын внимательно смотрел прямо мне в глаза.

— А ты думаешь, сражаться — значит рубить саблей и стрелять? Ни есть такое понятие — битва умов. Это сказано о военной хитрости. Все великие сражения выигрывались умом.

Мы снова глянули вверх, но Длиннолапый исчез. Волки исчезают вдруг и появляются из ниоткуда в никуда.

С верхней полки открылась далекая вверх и вниз по течение речки Немыш. К Желтой действительно тесно примыкали две вершины.

— Росомаха с шеей! — показал сын на левую, где была ближе к реке.— Правда, похожа на Волково?

— Очень,— сказала жена.

Я вглядился и обрывы добавил нелепую фантазию и тоже увидел высеченное природой лицо дикого зверя. Оно было чуть вздернуто вверх, а над обрывами уже текли струи поземки и казалось, Катавальгын летит над долиной и нестедимы прыжке.

— Вот и памятник,— сказал я.

Третья сопка, самим низких, была увенчана огромным валуном, принесенным наверное древними ледниками.

Жена включила рацию, и среди треска и шума мы услышали далекий голос радистки центральной усадьбы. Он звал нас и неторопливо сообщил отышите лицо свободнее зверя передал районному инспектору [illegible].

— Что и требовалось доказать! — сказал я.

— Теперь этот трактор с декарями отнимают. Правда? — сказал сын.

— Конечно. С вертолета не заметят, более как не цепи доберутся.

Спрятав рацию, мы пошли вниз.

— Какой другом дым! — наказали жена.— И слышите что творится в горах?

С вершин чуть видных за мутной зеленой их серым склоном текли вниз широкие белые олейфы. Они ручьями к видневшимся сред, и там образовались белая непроницаемая стена. Из нее равными выходили пышные струйные смерчи, достигали долину и пихали их каждый продвигался их несколько шагов дальше.

— К ним шествует Ее Величество Пурга,— сказал я.

В горах висел низкий вдавленный звук, его части перекрывали нехожы пронзительные визги стоны.

— Горы стали как живые — встревоженно сказал сын.

Мы пришли к палатке и стали рыть укрытие под обрывистым берегом. По кустам уже шарил ветер. Женя достала пакет и вышла собрать полмертвую рыбу.

И тут мы услышали:

— Пи... Пи... Пи...

— Ой! — испугалась жена.

Я оглянулся. Она смотрела вверх. Над нашими головами мерялы птица. Несколько частых взмахов, крылышки сложены, полет по кривой вниз, снова взмахи и вверх, снова полет вниз.

— Пи... Пи... Пи... — рвалось в кустах за палаткой и тотчас серыми комочками порхнули вверх еще две птахи.

— Солнечные птицы! — хрипло прошептал сын.

Птахи своим волнообратным полетом сделали над нами несколько кругов, нырнули через рощу и растаяли в быстро густеющей мгле. Но пока они кружились и ниже, и когда уже растворились, мы все слышали:

— Пи... Пи... Пи...

Нежные голоса умолкли, и почему-то стало жутко и неуступчивой тишине, и я опустился на снег. Тихо, не говоря ни слова, стояли и смотрели вслед растаявшим крохотным созданиям жена и сын. Мы слушали таинственные рассказы, избирали и путешествие, но в глубине сознания не верили до конца в то, что нам выпадет удел самим найти, увидеть живых Кайнчакалгын. И вот они таким неожиданным появлением убили все сомнения,

присмотрелы и словно нарисовали с багрового и желтых нитях предгрозовой выси неба.

— Для чем живем здесь и нашей Нутэнут! Да, мы очень любим солнце и сегодня тепло и мы вышли повидаться с ним и свои праздничный гимн, потому что скоро нас не станет!

Может, излишки низшие нервный шок открытия? Говорят же в народе — онемел от удивления или от страха. Молча мы укрепили палатку, молча придвинули ближе и накормили тебя, забрались и дом и развели примус.

Пока жена готовила ужин, я лег, слушал шипение примуса, шорохи снега.

— А ты сам испугался? — шепотом спросил сын.

— А ты?

— Ни зна-а-ю.

— Вот и я тоже.

Он помолчал, потом задумчиво, уже громче, протянул:

— Наве-е-рно-о, никто не вив-е-ерит...

Жена услышала и сказала:

— Да-а уж.

И тогда я понял, почему стало жутко: нас потрясла ответственность за увиденное. Время предположений, мифических рассказов, диспутов на тему есть или нет кончилось. Наступило время точного факта: и декабре я одной из долин мы увидели трех птах, о которых годами ходят упорные слухи, что они зимуют, не улетая в дали, и отколчинмов в югу, и большую часть времени проводят в солнце. Значит, надо сообщить орнитологам, надо привести их сюда. В тишине брала на себя ответственность за судьбу открытия. Ну, наверное, слишком громко — открытие? Тогда так — за судьбу необычного явления, не зарегистрированного в научной литературе, которое мы на воздали. За право на жизнь крохотного потомка и безмерной цели живого... Гм... Колечко еще слишком тяжко и нищем кармане, если подумать обрзено. Все еще надо нетлавити в официальную научную цепь, надети так сказать, на пальчики науки. Предстоит суда по многим читаемым иными сюжетам арсктоплике и первые занятие, попытки доказать, что оно вертится и... Но мы ти сейчас недели и все нему для собственной моральной поддержки можем твердо воскликнуть: «И все-таки она вертится!»

По крепкому верху палатки ударил ветер, завизжал растревоженный и пыль снег.

— А прогнот их? — вспомнил я.— Ти-ти Это братцы, не ворожба. Прогноз — наука точная.

— Ни в колдовстве у мамики тоже получиться,— весело сказал сын.— Мы испытали ужасные приключения видели Великую Охоту Мирнуом Стан.

— И Великую Жертву — добавила жена.

— Да. И Владного Красноглазика, и Зимнего Кречета,— продолжал сын. Но тут он остановился и все же негила голос, когда припомнил — И Солнечных Птиц...— Он замолчал, а потом мечтательно добавил — Хорошая страна Тут наверное еще есть всякие тайны.

— Да весь белый свет сделан из сплошных тайн,— кивнула жена.

— Очень хороший этот белый свет,— сказал сын.

ДЖОЗЕФ ДЖАДЖ,
американский писатель

ВЕЛИКАЯ АВСТРАЛИЙСКАЯ ГОНКА

— Комната Берка! — переспросил нас владелец гостиницы. — Пожалуйста, десять долларов.

Вытащив увесистую связку ключей, он открыл дверь с бронзовой десяткой. В номере жил постоялец. Будь это музей, дешевые вещи вполне можно было принять за личные вещи Берка — сапоги, одежда, солдатский походный котелок.

— С 1860 года здесь работал мой прадед, — сказал владелец гостиницы Ричард Миддел. — Здесь и ночевал Берк со своими людьми.

Для Ричарда это был не исторический эпизод, а событие, взволновавшее его, и от силы позавчерашнего дня. Подобная реакция характерна для жителей страны, чья история небогата эпизодами героического масштаба. Повсюду, с оператором следуя за Берком от Мельбурна до залива Карпентария, мы убеждались, что память об этой эпопее живет в самых удаленных уголках материка. Случайные собеседники выкладывали нам подробности экспедиции более чем вековой давности, так словно следили за ней день назад по телевизору. Поход Берка, о котором мало кто слышал за пределами Австралии, был исполнен для них особого смысла.

К середине XIX столетия поселенцы освоили лишь побережье континента. Центральная часть Австралии оставалась неведомой землей для Европы и получившей наименование «Злющее пятно». Смельчаков, отваживавшихся ходить на разведку, возвращались ни с чем: в центр материка пробиться не удавалось. Лежавшая там красная пустыня обманывала миражами [illegible].

Парадоксальным образом именно засуха и отсутствие воды породили в воображении колонистов убеждение в том, что в центре континента лежит «Средиземное море». Но наиболее серьезные географы доказывали бесплодность этой гипотезы — легенда о внутреннем море (как и легенда об Эльдорадо) не отпускала умы.

Проверить легенду решил один из самых крупных исследователей Чарлз Стерт. 10 августа 1844 года его экспедиция в составе 16 человек выступила в путь. Картографом в группе был молодой офицер шотландец Джон Стюарт.

«Центральная область Австралии непреодолима. Бог здесь может вынести с трудом условия, я семь десят [illegible] сантиметров осадков», — писал один из географов. Стерт и его спутники не могли знать, что тот год выдастся особенно засушливым. К концу декабря они добрались до 29-й параллели и не нашли там моря. Земля на сотни миль вокруг [illegible]. Стерт оказался привязан к единственному колодцу на полгода. Особенно тягостна была невозможность вести дневник: графит выпадал из растрескавшихся карандашей.

Наконец 12 июля 1845 года пошел дождь. Стерт отправил всех назад в Аделаиду, а сам со Стюартом двинулся дальше на север. [illegible] 15 недель. Они поехали верхом вдоль реки — так [illegible] в Австралии пересыхающие реки. На берегу его Стерт обнаружил становище аборигенов.

За полвека, прошедшие с начала европейской колонизации, судьба коренных жителей континента фактически была уже решена. Их племена, вытесненные из районов, пригодных для оседлого существования, бродили теперь по «Злющему пятну». Им приходилось преодолевать огромные расстояния в поисках пищи и воды. Доскональное знание пустыни позволяло им выжить в зной и болезни, безжалостно решать свое дело.

Белые поселенцы в подавляющем большинстве относились к аборигенам неприязненно. Ходили слухи, один страшнее другого, об их крайней жадности и жестокости. Барьер непонимания разъединял две общины и чем дальше, тем становился непреодолимей.

Стерт не верил россказням. Положив наземь ружье, он пошел к чернокожим с дружески протянутой рукой. «Этим людям я

такой же мрак, как и там. Свойственны все человеческие чувства», — записал он. Мысли ее тогдашним временем сводил во стрем ожидать, как сосед.

Аборигены указали ему путь к ближайшей воде. Путешественник и его молодой спутник прошли 120 миль в указанном направлении и уткнулись в болото.

Оставив черенок лопаты вечным своею шапкой в дне одного, Стерт двинулся назад. Этот обратный путь был самым тяжким. Подувший горячий ветер. Ртуть на термометре поднялась в тени до высшей отметки, и прибор не выдержал — лопнул.

В январе 1846 года экспедиция возвратилась наконец в Аделаиду. Увидев Стерта на пороге дома, жена упала в обморок: настолько он изменился за время похода.

Продолжавшаяся более полутора года экспедиция Стерта дала обильные плоды. Хотя землепроходцы не обнаружили внутреннего моря, отрицательный результат — тоже результат. Сверх в картограф Стюарт нанесли на карту земли объектов «Зловещей пустыни» десятки, если больше сотни образцов растений и геологических пород. Впоследствии на основе этой коллекции в центре Австралии были открыты рудные месторождения. Перечень ее вёл его записи удивлявшихся точности характеристик и любою далей.

В наследстве главы экспедиции Стерт заслуживает особой похвалы. За все время похода в его группе не возникало разногласий, сварливо бе... лагерь в мелких раздорах, начальные карты впоследствии определили себя. Поскольку соответствие мясо при такой жаре было нельзя, он взял с собой в виде «живого запаса» овец. Вдоль маршрута Стерт оставлял посевы в будущие, зарытые в местах, отмеченных впоследствии ... это тоже было новшеством.

«Терра инкогнита» была отодвинута на 25° южной широты.

50-е годы прошлого столетия ознаменовались для Австралии двумя событиями. Королева Виктория дала согласие на введение новой конституции, которая должна была пастоять имя Столицей Виктория стал провинциальный поселок Мельбурн. Вторым событием — открытие золотых россыпей.

В любом месте земного шара весть о таких находках приводила в лихорадочному помешательству. Но в захолустном Мельбурне люди будто вовсе потеряли голову. Лавочники бросали лавки и лотки, служащие в одночасье бросая работу, ринулись добывать золото. Заходившие в Мельбурн суда мгновенно лишались экипажей — матросы, сойдя на берег, становились старателями. «В поле ничего не соте...

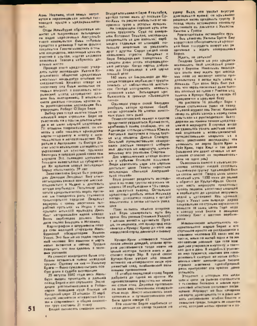
И в наши дни кавалькады верблюдов по маршруту Великой Австралийской гонки.

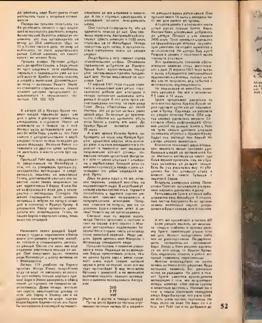
лось ни единого мужчины, в семье девочки оставались женщины — докладывал губернатор. На пристанях умолкала стрекотня, разбойники устраивали засады на дорогах.

За десять лет бума Виктория, будучи самой маленькой колонией на материке, по богатству и влиянию далеко обошла все остальные. Она обеспечивала треть мировой добычи золота, питала часть английского импорта шерсти. Мельбурн стал порта главную роль в жизни Австралии. Здесь были открыты театр, университет, библиотека, музей, выходили несколько газет.

Единственное, что не удавалось сделать, это одолеть землю к северу, по-прежнему живо «Зловещее пятно».

Между тем разведка целей континента доказала настоятельную необходимость. Сообщение из Лондона доходило до австралийского юга с опозданием в два месяца, а телеграф уже дотянулся до Индии и вот-вот должен был достигнуть Ява. Если бы удалось проложить через Австралийский континент проволочную линию, связь с Лондоном заняла бы несколько часов. Кроме этого, отпадала бы возможность наладить через север прямое побережье торговую связь со странами

до конца, надо было уметь точно рассчитать силы и вовремя остановиться.

Перерывы путники позволяли себе устраивать нечасто — при малейшей возможности двигались вперед. Выверенный Уиллсом маршрут показывал, что они продвинулись на север до 22-й параллели. Шли по 12 и более часов в день, по ровному [illegible] мучительного ритма. Сейчас кажется, что такого просто не может быть.

Пройдя вперед, путники добрались до хребта Селуин. Берк решает идти напрямик, хотя верблюды [illegible] и задыхаются уже на малой высоте. Хребет наконец позади, и людей и животных [illegible] по тому — дневник Уиллса. Записи становятся отрывочными, только номера лагерей продолжают отмечать [illegible] четкие: 101, 102, 103.

В лагере 65 у Куперс Крика четверо людей терпеливо ждут все дни в день с растущим отчаянием вглядываясь в горизонт. Никто не появлялся ни с севера, ни с юга. Можно лишь догадываться, как не одобрил бы себе Берк, узнай он, что Райт вместе с продовольствием и верблюдами только теперь покидает далекое Мениндь. [illegible]

Прежде Райт ждал официального уведомления из Мельбурна о том, что он утвержден третьим руководителем экспедиции, [illegible] Гонец, доставивший [illegible] весть [illegible] реке — экспедиция Стюарта. [illegible] к Куперс Крику. В результате Райту пришлось дожидаться его возвращения. Гонец не нашел Берка и вернулся назад, лишь [illegible] лошадей.

Начинался сезон дождей. Верблюды с трудом переносили обилие влаги [illegible] и отказывались двигаться дальше. Однако сто миль еще отделяли участников похода от моря. [illegible] течения реки [illegible] Флиндерсом.

Лагерь 119 разбили на берегу протока. Когда Уиллс попробовал воду на вкус, то оказалось [illegible] только морской прилив! Берк и Уиллс [illegible] непроходимым. Даже теперь, столько лет спустя, испытываешь досаду от того, что Берку и Уиллсу так и не удалось взглянуть на море, омывающее берега Карпентарии, это было бы заслуженной наградой и утешением за все лишения и невзгоды. А так с горечью приходилось в последний момент поворачивать назад.

Они только совершили то, что не удавалось никому до них. Они первыми пересекли Австралийский континент. Шесть месяцев и 1650 миль отделяли их от Мельбурна. Теперь предстоял путь назад, а продовольствия оставалось всего на четыре недели.

[illegible] Отчаянное стремление добраться до Куперс-Крика было единственным стимулом, заставлявшим сделать следующий шаг. Начал ухудшаться по здоровье Грей.

17 апреля 1861 года [illegible] В тот день трое несчастных рыли могилу: на заре умер Грей. [illegible] целый день. За неделю до трагического события им пришлось убить коня Билли и съесть его мясо. До Куперс Крика оставалось всего 70 миль.

А в это время Уильям Брейе, [illegible] над Куперс Криком [illegible] горизонт [illegible] вот-вот должны появиться четыре [illegible] фигуры с юга — [illegible] верблюдами. Каждый день [illegible] Патто.

День за днем одно и то же: никаких перемен, никакой весточки из окружающего мира. В подобных условиях [illegible] способность к здравой оценке реальности, человек погружается в [illegible] апатию. Позднее, отвечая на вопрос [illegible] Брейе ответил: «Нет. А зачем? Никто же не приходил».

Сколько еще [illegible] ждать, когда Паттон [illegible] Макдоно [illegible] подтачивает болезнь? Ноги опухли [illegible] задачей. Надо уходить. Брейе приказал Макдоно и Мохамеду складывать вещи.

Продовольствие [illegible] упаковали в тюки. Надежда на возвращение Берка практически угасла, тем не менее Брейе зарыл запас сушеного мяса, муки, сахара, овсяной крупы и риса [illegible] чудо произойдет. [illegible] бутылку с запиской [illegible] исследования Австралии.

DIG
3 FT
NW

(Рыть в 3 футах к северо-западу)

Позже этого Брейе со своими спутниками покинул лагерь 65 и медленно двинулся вдоль русла ручья. Они прошли всего 14 миль, вечером того же дня [illegible]

А спустя девять с половиной часов после ухода группы Брейе Берк, Уиллс и Кинг [illegible] добрались до лагеря. Позади у них [illegible] 2400 миль. Трое путников надеялись на триумфальную встречу [illegible] Но теперь был пуст! Разрыв в девять с половиной часов оказался роковым.

Эти трагические стечения обстоятельств кажутся столь жестокими, что [illegible] 21 апреля 1861 года [illegible] как-то исправить ход событий и восстановить справедливость.

Но [illegible] не способны изменить прошлое. [illegible] 9.5 часов и 14 миль.

Брейе продолжал двигаться на юго-восток вдоль Куперс Крика [illegible] Однажды на рассвете [illegible] Райта. [illegible] Состоялся обмен информацией. [illegible] Брейе и Райт на трех самых крепких лошадях [illegible] обратно к Куперс-Крику. Вдруг они застанут там Берка! Но лагерь оказался вымершим.

[illegible] помешало двум [illegible] признаки [illegible] людей на оставленной базе. [illegible] место, где [illegible] Если бы они [illegible] то убедились бы [illegible] бутылка с запиской Берка.

Всадники повернули назад. [illegible] домой.

[illegible] Брейе [illegible] весь Мельбурн. В различных местах Австралии были организованы [illegible] с севера, юга и востока.

А что же произошло в лагере 65? Берк [illegible] и прочел записку Брейе, [illegible] утром того же дня. Можно представить себе [illegible] Берк, Уиллс и Кинг решили двигаться на юго-запад от Куперс Крика [illegible]

[illegible] исследователи [illegible] мотивы этого решения. [illegible] было двигаться вслед за ушедшими. Но дело в том, что Брейе [illegible] руководителя экспедиции о том, [illegible] лагерь [illegible] все члены группы [illegible] в каком состоянии находятся [illegible] Берк бы знал, что у его [illegible] Но Берк этого не знал. Не знал он и о том, что Райт так и не добрался до

Аборигенам были затейливы видеть ли в диковинку зверей «Затонувшего китла». Рисунки ботаника экспедиции Беккера, дошедшие до нас своим походом

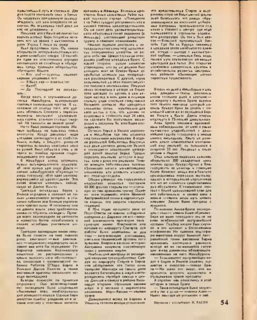
Куперс Крика, а его колонна все еще движется на север. Берк считал, что ему не догнать пешком вьючную группу.

Целый месяц они выбирались из окружающих Куперс-Крик болот. Один верблюд увяз в трясине, и его пришлось пристрелить, второй вскоре обессилел настолько, что и его постигла та же участь. Уложив в рюкзаки остатки провизии, Берк, Уиллс и Кинг решают совершить форсированный бросок и, пройдя 45 миль, отступали назад к Куперс Крику.

Дни становились короче, и трое людей, оказавшиеся в ловушке пустыни, чувствовали, как постепенно иссякают их силы. Встречавшиеся аборигены учили их печь лепешки из папоротникового тростника и время от времени подкармливали рыбой. Но однажды Берк отогнал их от себя выстрелом из ружья — ему показалось, что аборигены растаскивают и без того скудные запасы провизии.

Первым стал сдавать Уиллс. Поняв, что не сможет двигаться дальше, он попросил Берка и Кинга оставить его в заброшенной туземной хижине.

29 июня Берк и Кинг покинули умирающего Уиллса и отправились вверх по берегу крика в поисках аборигенов; они понимали, что это

единственный путь к спасенью. Два дня спустя кончились силы у Берка. Он нацарапал прощальную записку: «Надеюсь, что вам воздастся по заслугам. Мы исполнили свой долг, но вас не дождались...»

Поняв, что у Кинга не хватит сил вырыть могилу, Берк попросил оставить его на земле с пистолетом в руке. Утром 1 июля он умер.

Кинг продолжил путь. Он нашел аборигенов, которые выхаживали его в течение целого месяца. 15 сентября один из спасательных отрядов натолкнулся на стойбище и обнаружил среди туземцев оборванного, обросшего белого.

— Кто вы? — спросил изумленный первым увидевший его.

— Я Кинг, сэр, — ответил тот.

— Кинг?!

— Да. Последний из экспедиции.

Когда весть о случившемся достигла Мельбурна, жителей охватили смешанные чувства. К ликованию по поводу того, что удалось обогнать Стюарта и первыми пересечь континент, примешалась горечь: стоило ли это столь тяжелых жертв? Не слишком ли высока цена?

Но то была реакция горожан. Жители глубинки не разделяли таких восторгов. Когда дилижанс, куда усадили шатающегося от слабости Кинга, въехал в Бендиго, ... из ружей. Кинг забился в угол и ... по ошибке приняли сопровождавшего его врача.

В Мельбурне народ встречал Кинга как национального героя. «В свое время при виде Данте — писала мельбурнская «Геральд» — люди говорили: «Вот идет человек, вернувшийся из преисподней». Эти слова хочется повторить сейчас, глядя на Джона Кинга».

Трагедия экспедиции Берка и Уиллса не просто вошла в историю: в сознании публики все больше укреплялось чувство вины. И поскольку оно не давало покоя, его требовалось каким-то образом загладить. Прежде всего возвеличить отвагу и мужество Кинга, позаботиться о семьях погибших участников похода.

Трагедию экспедиции нельзя было отнести на счет темного рока; виновного — или виновных — надлежало подвергнуть наказанию или хотя бы осуждению. Губернатор назначил Королевскую комиссию по расследованию с целью выяснить все обстоятельства, связанные с мученической гибелью Роберта О'Хара Берка и Уильяма Джона Уиллса, а также истинные причины печального исхода экспедиции.

Выводы комиссии не принесли сюрприза. Они констатировали, что экспедиция была отлично оснащена всем необходимым для успешного похода. Однако Берк допустил ошибку, разделив ее и оставив колонну с основным запасом провизии в Менинди. Большим просчетом было назначение Райта начальником тылового отряда. «Поведение г-на Райта следует расценивать как в высшей степени предосудительное. Он не смог дать удовлетворительного объяснения такой задержки (в Менинди), поставившей передовую группу в тяжелое положение».

Немало упреков досталось и экспедиционному комитету, фактически потерявшему контроль за ходом событий. Целое заседание отводилось разбору поведения Брэга. С одной стороны, члены комиссии утверждали, что он не должен был покидать пост на Куперс-Крик до прибытия подкрепления или возвращения руководителя. С другой, груз возложенной на него ответственности оказался непосильным. Получив приказ оставаться в лагере не более трех месяцев, он прождал там четыре месяца и пять дней и покинул стоянку ради спасения смертельно больного спутника. «Мы прекрасно понимаем, сколь мучительно для него жить с тем, что, прояви он выдержку и стойкость еще 24 часа, он сделал бы успешной экспедицию и заслужил бы всеобщее восхищение».

Останки Берка и Уиллса перевезли в Мельбурн, где они покоятся под гранитным монументом. В отделе рукописей библиотеки Виктории мне дали подержать дневник Уиллса и последнюю, написанную четвертушку дрожащей рукой записку Берка. Трудно передать волнение, которое ощущаешь, взяв в руки эти реликвии. Только увидев собственными глазами «Зловещее сердце», по-настоящему понимаешь, что довелось испытать этим первопроходцам.

Общие расходы на экспедицию, как подсчитала комиссия, составили 60 000 фунтов стерлингов — огромную по тем временам сумму. Однако если оценивать итоги Большой Австралийской гонки в перспективе, то видишь, что затраты окупились сторицей.

В 70-х годах прошлого века от Порт-Огасты на южном побережье материка до Дарвина на его северной оконечности протянули телеграфную линию. Фактически она прошла по маршруту Стюарта. Все работы были завершены за два года — потрясающее достижение, учитывая технический уровень того времени. Впервые за свою историю Австралия получила непрерывную связь с внешним миром.

Наибольший выигрыш от экспедиций получили горнодобытчики. Следуя по маршруту Стюарта и Берка, они обнаружили, что Питон-Хилл неподалеку от Менинди на самом деле является богатейшим в мире месторождением серебра, свинца и цинка. Дальше к северу в районе Клонкарри открыли огромные залежи меди, а у поселка с ... названием Маунт-Кетник — залежи урана.

Двинувшиеся вслед за Берком и Уиллсом геологи вскоре установили, что представления Стюрта о внутреннем море не были пустой фантазией. Выяснилось, что дожди, обрушивающиеся на восточное побережье Австралии, просачиваются под почву и стекают к центру, где вода скапливается в огромном подземном резервуаре. Он так и был назван — Большой артезианский бассейн. Где бы ни бурили скважину в пределах этого необъятного пространства, оттуда — иногда с километровой глубины — начинала бить вода, почти ... пригодная для питья. Это открытие послужило поворотным пунктом в хозяйственном развитии центральных районов. «Зловещее сердце» перестало существовать.

В один из дней в Мельбурне я шел под дождем — таким желанным после стольких дней в пустыне — на встречу с Аланом Брэгом, внуком того самого человека, который покинул Куперс-Крик за девять с половиной часов до возвращения Берка, Уиллса и Кинга. Дверь открыл подтянутый 75-летний джентльмен.

Алан Брэг оказался приятным собеседником, от него я узнал немало подробностей о дальнейшей судьбе оставшихся в живых участников экспедиции. Кингу не довелось долго пользоваться всеобщей любовью: ... ему лет ... он скончался в возрасте 33 лет. Ландельс и Беккер уехали в Ирландию.

Отец королевы ... выделила ... аборигенов 200 квадратных миль земли вдоль Куперс-Крик в благодарность за помощь и спасение Кинга. Конечно, вожди этого племени ... ... в исторической перспективе это мало что изменило у аборигенов. К сожалению, ... стал ... для них губительным, и к концу века ... племени ... Земли были проданы с аукциона.

По мнению Алана Брэга, экспедиция с самого начала была обречена. Берк не имел походного опыта, не знал особенностей австралийской пустыни. Подбор людей был случайным, и это привело к бесконечным конфликтам. Но главное — атмосфера ажиотажа вокруг Большой Австралийской гонки заставила Берка принимать поспешные решения, всегда ... гонки ... над ... обязательства, возложенные на него Мельбурном.

— Большинство австралийцев видит в Берке и Уиллсе символ мужества и упорства, — сказал Брэг. — Но мало кто знает, что им пришлось искупить мужеством и страданиями чужие просчеты.

Я спросил, как относились к этой истории в семье Брэга.

— Тема экспедиции была запретной у нас в доме, — ответил Алан. — Никто никогда не упоминал о ней.

Перевела с английского Н. РАБИН

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Вчитайтесь в краткие слова, предваряющие новую книгу чилийского писателя Эктора Пиночета «Ипподром Альмирантэ и другие фантастические рассказы». «Я посвящаю эту книгу движению солидарности. Солидарности с моим народом. И еще посвящаю ее друзьям»

Слова эти принадлежат перу человека, пожелавшего до последнего вздоха бороться с чилийским фашизмом, и фашизм сумел уже по-своему оценить квартеты совести врага. Имя Эктора Пиночета давно уже внесено в списки имен патриотов, особенно неугодных режиму.

Почти с самого момента переворота он вынужден был покинуть родину. В 1975 году в Педаже публикуется его поэма-воззвание «Останками энергий» — и ее подпольную листовку читают чилийцы. Большой 1980 год — здесь вышел сборник его «Поэм из изгнания», проникнутых болью и ненавистью к предателям родины. В эти же годы Эктор Пиночет начинает писать свою «фантастику». Я намеренно беру это слово в кавычки хотя бы потому, что те, в чей адрес направлены эти рассказы, воспринимают их как самые что ни на есть реалистические произведения. Материальные как оружие против современной диктатуры.

ЭКТОР ПИНОЧЕТ
(Чили)

Крыса

Рассказ

Они долго шли молча, и изъеденные полумертвые от усталости кое-как приметили в каком-то помещении на куче закопченных балок. Тут же полился сухой царапающий шорох: встревоженные крысы в ощерясь спешно зарывались в большую кучу мусора. Путники сидели молча, поглядывая друг на друга из-под свинцовых от бешенства век.

Который потолще оказался и сразу заговорил:

— Это... здесь, лейтенант?.. — выдохнул он застрявшие в горле слова.

Второй с усилием кивнул: «Да, сеньор, здесь...»

Этот содержательный диалог обошелся толстяку в отчаянно... он завалился на спину, жадно втягивая ртом затхлый воздух. Взгляд его мутно плавал по неоштукатуренному потолку, по стенам со следами обвалов, пока наконец не зацепился за край едва заметного в темноте оконца.

— А вы... уверены в этом?

— Так точно... катакомбы внизу...— На последнем слове лейтенант сделал особое ударение.

Они вновь замолчали.

— Время уходит,— мягко обронил лейтенант.

— Ну так пошли! — толстяк делано приободрился, изображая готовность немедленно пуститься в импровизированное дело.

Поднимаясь, ноги тщательно старались не наступать на мундиры мусор.

— Несмотря на то, что мы отыграли у них приличную фору, дела обстоят не совсем так, как хотелось бы...— обронил толстяк.

— Вы правы, сеньор. Ведь, как говорится, на бога надейся, а сам...— тут лейтенант запнулся, вдруг обнаружив не принятую в их отношениях фамильярность, и перешел на привычный официальный тон.— Я хотел сказать, что, зато им и нелегко будет обнаружить нас здесь, ведь единственное место, где мы можем чувствовать себя в безопасности, это — подземелье.— Лейтенант уже не рекомендовал — он настаивал.

Тут до толстяка дошло наконец, что весь этот тщательно спланированный отход, вся эта осмотрительность вызвана не таким животным страхе, что его бросило в дрожь.

Лейтенант двинулся вперед — дорога была ему известна. Да что там известна — он ориентировался здесь как в собственной квартире: ловко огибая в кромешной тьме выступы стен, лавировал среди мокрых островков битого стекла, щебня, мусора. Кругом стояла гулкая холодная тишина.

В щели лезли прошлогодние листья деревьев, сигналы машин и ветками виднелись. Словно покрывающей пространство бесчисленных комнат и анфилад громадного полуразрушенного дома.

— Здесь,— наконец сказал лейтенант и, привстав, сунул руку в самую кучу заплесневелых колонок. Заныло железо — будто оковы спали.— Готово...

Раздался скрежет, и край внезапной стены грозно и неотвратимо ринулся прямо на них. Но через мгновение движение прекратилось, открылся черный зев входа. Толстяк заглянул — и вдруг смутное ощущение страха подступило к самому сердцу, словно бы он уже был там и даже пытался выбраться оттуда.

Лейтенант пошел первым, и галерею тут же залил неяркий мертвенный свет. Дверь за ними бесшумно закрылась.

— Да, трудновато им будет разыскать нас теперь, сеньор! — лейтенант был просто вне себя от восторга, но второго, впрочем, толстяк явно не разделял. Поджав губы, он лишь брезгливо процедил в ответ:

— Было бы лучше, если бы мы поторопились.

Подумать только, этот вот сеньор торжественно многие годы был на кумирне знаменем армии, живым символом возрожденной нации! И нате вам — в четыре дня все пошло прахом. Гора родила обыкновеннейшую мышь, спрятавшееся от страха существо. Люди из его окружения не преминули отметить эту разительную перемену — кто с горечью и тоской, кто с плохо скрытым злорадством. И он вдруг сделался никому не нужным: всеми презираемым, способным поразить разве что воображение еще более мелких жуликов — обывателя.

Погруженный в невеселые мысли, лейтенант и не заметил, как оказался у второй двери. В затылок ему шумно пыхтел спутник. Лейтенант достал из кармана ключ, вставил в незаметную замаскированную в скале щель, нажал на какую-то стрелку. Над дверью загорелась красная лампочка. Затем, дрогнув, плавно разошлись створки.

— Некоторые меры предосторожности были тогда просто необходимы, вам известно, в силу каких обстоятельств...

Толстяк понимающе и даже с некоторым одобрением кивнул.

У ног их разверзся черный провал. Каменные ступени спиральной лестницы вели вниз, в самую преисподнюю. Спускались молча, и неудовольствие всё сильнее вслушивалось в перестук собственных каблуков. Наверху плотно сомкнулись бронированные створки, и сразу сгустившийся мрак подземелья добавил обоим такой тоски и тревоги, что мучительно захотелось ринуться отсюда прочь...

Сойдя с последней ступени, лейтенант вновь включил освещение: они стояли у самого края залы, вырубленной прямо в скале. У дальней стены виднелся письменный стол и огромное кресло, обитое кожей. На столе — целый ворох бумаг, разбросанных впопыхах.

В каждой из стен залы были врезаны двери, обитые массивными железными полосами. Свет шел от ламп, вмонтированных над притолоками. Лучи их фокусировались на стене прямо перед столом. Толстяк внимательно оглядел полированную его поверхность, выковырнул ногтем засохшее пятно жгучего цвета. Обернулся к лейтенанту. Тот уже отворил одну из дверей.

— Процедура вам предстоит не из легких, сеньор, но у нас действительно нет другого выхода,— лейтенант натянуто улыбнулся: неловкий каламбур слишком точно выразил создавшуюся ситуацию.

За дверью открылся длинный узкий коридор, образованный двумя рядами тюремных камер.

Дряблые губы толстяка растянулись в подобие кислой улыбки. Подобную веселость лейтенант наблюдал впервые за четверо суток и теперь, который мог быть полезен. Торопливо приободрившись, офицер заметил уже несколько развязнее:

— Камеры пусты все до единой — хоть любую из них занимай. Всех находившихся здесь ликвидировали, так что свидетелей не будет. Не угодно ли удостовериться?

Он рывком распахнул остальные двери — в тусклый свет затеплился и двух точно таких же коридора, в которых так же убегали вдаль пронумерованные таблички.

Тут толстяк явственно различил тихий то странный тихий шум. Правиться, он бесшумно его и раньше, но как-то не доходит. Периодически любопытство роняет начальственное достоинство, и глазах тревожного невозмутимость подчиненного. Теперь, заметив, как напряглось лицо лейтенанта, можно было поберечь выразить то, которое недоумение: а э-э... что это там такое?

— Черт, как же это мы о собаках забыли! — Лейтенант был явно обескуражен и, чтобы загладить неловкость, преувеличенно деловитым тоном добавил: — У нас есть еще несколько минут в запасе, и вам все объясню. А впрочем, объяснять тут особенно нечего...

Широким жестом он пригласил толстяка занять кресло, и тот с видимым наслаждением уселся на сиденье.

— Все очень просто, сеньор. Когда я уйду, засекайте время. Ровно через час пятнадцать вы пойдете вот по этому коридору. Запомните: вход — здесь.— Он вывел на рандаголом жирный крест по планом из дверного косяка.— Рекомендую идти обычным прогулочным шагом. Тогда минут через двадцать пять — тридцать окажетесь у решетчатой перегородки. Она заперта, но откроется автоматически спустя сорок пять минут после начала рабочего цикла. Значит, ждать там придется с четверть часа, может, чуть больше — смотря сколько времени уйдет на дорогу. Когда проход откроется, не мешкайте! Человека на месте встанет автоматически — независимо от того, успели вы пройти или нет.

Лейтенант приостановился на миг, взглянул на толстяка, который сквозь усердный интерес старчил ручкой, не сводя глаз, но карандаш в записную книжку свои то блокнота.

— Прошу вас, сеньор, только откровенно: до сих пор я достаточно ясно излагал суть предприятия?

— Конечно, да продолжайте. Что еще, излагайте дальше, лейтенант.

Тот ослепительно улыбнулся в ответ — тут ему точно было сконцентрироваться на особенно важных мыслях. Построив их по ранжиру, офицер неторопливо продолжил:

— Миновав решетку, вы значительно приблизитесь к цели. Останется сущие пустяки — какую-нибудь сотню метров вы одолеете за три, от силы четыре минуты, и вот он перед вами — выход! Разумеется, он тоже будет закрыт. Дверь там устроена так же, как люки — из тех, которыми оснащены подводные лодки — массивная такая тяжелая стальная крышка. Как и у решетки, вы переждете какое-то время. И вот люк начнет медленно... Нет, не так. Пишите: очень медленно открываться. Потом раздастся щелчок или от щеколды,— это значит, что люк откроет до предела и у вас в запасе ровно три минуты, чтобы выбраться наружу. Трех минут на это хватит с лихвой, сеньор. Однако поспешите! Впрочем, я не думаю, что в пути вы испытаете какие-либо затруднения, здесь достаточно слепо довериться букве инструкции.

Ну, а об остальном вы тоже позаботились заблаговременно: крышка люка закроется герметически и больше никто и никогда не проникнет в этот лабиринт и стало быть, и не узнает о нашем маленьком секрете... Итак, еще затемно вы окажетесь по ту сторону тюрьмы и дальше пойдете по следу — как и условились, он будет выложен белыми камешками. Я лично позабочусь об охране — из тех гвардейцев, что еще не разбежались. Они и проводят вас прямиком к американскому вертолету. А уж пилот вывезет вас отсюда.

Прервав свои екзронись, толстяк выразительно постучал карандашом по столу.

— Да да,— спохватился лейтенант, уловив настроение шефа.— Вернемся к делу. Пора, я думаю, рассказать, зачем вы должны провести здесь час с четвертью вместо того, чтобы немедленно отправиться... м-м... на свободу. Как вам известно, это, так сказать, учреждение мы основали с вашего ведома, вскоре после столь блистательно осуществленного вами переворота. И за все эти годы здесь ни разу не случалось осечек, поэтому никто и не подозревал о существовании объекта...

При этих словах толстяк невольно поежился.

— Мы пускали его в ход,— невозмутимо продолжал лейтенант,— обычно убедившись, что публики нет дальше охраны. Специалисты отвели на весь, как бы это выразиться, производственный цикл ровно два часа пятнадцать минут — из них час пятнадцать как раз уходили на допросы, и мы опускали их одновременно с нажатием кнопки «пуск» — вон там, на пульте. Да, кстати, об электронные фотоэлементы расположены почти по всей длине коридора — вплоть до решетки. Всего их — пятнадцать пар, действующих по принципу турникета. Поэтому нельзя важно не «вспугнуть» их до добра это еще никого не доводило, вот почему лучше всего идти прогулочным шагом. Как только вы минуете последнюю пару фотоэлементов, свет в коридоре погаснет и тотчас осветится решетка та самая, о которой я уже говорил. Одновременно откроются клетки, в которых мы держим собак — чтоб утерждались же их здесь оставить... В силу известных обстоятельств бедолаги чуть думать, оголодали ужасно, поэтому, сеньор, вы там особенно не задерживайтесь.

Лейтенант снова взглянул на часы. Толстяк угрюмо перечитывал свои записи. Значительно было тягостное молчание. Офицер прервал вежливым: «У нас есть еще две минуты, сеньор, и если вам что-то еще неясно...»

— Сколько у вас там содержится псов? — вопрос был задан с такой скучающей светской небрежностью.

— Да так... Десятка с четыре. Мы их использовали при допросах и потом и на охоте,— и тем ему ответствовал лейтенант, он всегда щадил впечатлительность своего патрона.— Ну, вам пора, сеньор.

Толстяк отодвинул блокнот в сторону и молча стал наблюдать за лейтенантом, направлявшимся ко входу в коридор,— единственному пути, ведущему к спасению бывшего вдасти имущих. Другие уже отрезаны... На мгновение высвеченное лицо лейтенанта показалось бледнее обычного, черты лица — заострившимися.

Лейтенант уверенно манипулировал на пульте, и эта молчаливая работа вдруг пробудила у толстяка приятные воспоминания. Может быть, потому, что похожий пульт находился в кабине его вертолета. Славное было время! Боевые машины взмывали и делились на тур, и одним нажатием тумблера в пыль разносились лесковорные рабочие кварталы. Бывали бомбили и на малой высоте, однажды он даже разглядел лицо какой-то женщины. Запрокинутое, все в слезах.

Толстяк встрепенулся, отгоняя непрошеные видения.

— Ну, так там у вас все готово? Сверим часы?

— Немного терпения, сеньор...

Кнопки на пульте вдруг замигали зелеными и красными огоньками.

— Время пошло, сеньор!

Толстяк взглянул на часы. Ровно три. Лейтенант стоял перед ним, вытянувшись по уставу — как и лучшие времена.

— Задание выполнено, генерал!

— Да, и эти бумаги. На столе их целая куча, и ведь, несколько мне известно, это...

— Сгорели без вести пропавших. Не извольте беспо-

ключится и уже включил взрывное устройство. Они сработает, как только кто-то в ту сторону [illegible] наклонится. И тогда никто и никогда не больше не увидит. Удачи вам

— Благодарю вас — В тоне генерала сквозила скорее освобожденность, чем грусть расставания

Лейтенант круто развернулся на каблуках и парадным шагом прошел к лестнице. Долго еще вслушивался генерал в безостановочный бег по гулким ступеням. Слух его вдруг обострился настолько, что был слышен даже скрип офицерских сапог — там, за стальной дверью... Все. Мертвая тишина сгустилась в нише

Что же теперь делать? Рука сама потянулась к стопке листов на столе. Вот давно [illegible] известные всем имена! Смятая бумажка полетела в корзину. Он вытащил еще один лист за ним — еще, еще... Строка за строкой — ряды исчерканных красными чернилами, пронумерованных имен...

Его замутило, и он тяжело выбрался из кресла. Прошелся, внимательно оглядывая стены — все голо все, пусто. Вернулся к столу, стараясь не смотреть на проклятые бумаги. Так как же получше убить время? Пожалуй, лучше уж поразмыслить над полученной инструкцией. Тем более что она [illegible] его всецело

Толстяк [illegible] записи — [illegible] на столе. Здесь их не было. Не было?! Он кинулся перебирать один за другим разбросанные [illegible] но [illegible] попадались лишь имена, имена, имена... Ничего кроме имен!

Он опустил руки в корзину — на дне [illegible] лишь [illegible] им в гневе листок. Генералу отчаянно захотелось вдруг выть, кататься по полу, рвать на себе [illegible]. Он опять зарылся в бумаги, [illegible] под стол... Имена, проклятые имена, ничего кроме исчерканных красными имен! [illegible] ни подобрался в кресло и [illegible] ноги, стал отдирать край кожаной обивки... Вдруг ужасное подозрение [illegible] его [illegible]

Лейтенант! Записи взял лейтенант! Но [illegible]? Нет, нет, не может быть, ведь он дежурил из того угла, потом. Что было потом? Ах да, щелкнул каблуками [illegible] вышел...

Он почувствовал, что теряет [illegible], руки [illegible] в застегнутый за [illegible] ворот. И вдруг разом [illegible]. Пальцы [illegible] нащупали [illegible] во внутреннем кармане. Фу ты, господи, тоже с памятью! С великой нежностью развернул их, разглаживая каждый листочек блокнота, затем бережно упрятал за пазуху. Все равно читать уже нет [illegible]. Колени вдруг подкосились, и он [illegible] в кресло. Вялость овладела [illegible]. Спать... Спать...

Он был владыкой [illegible], власть его распространялась повсюду и всюду внушала страх. В этом страхе и заключалось все величие и могущество: он распоряжался живыми и мертвыми, и холодные пальцы цепко держали за горло целый народ.

...Но вот владыка бежит. Бежит без оглядки. Восстали все и гонят его отовсюду. Они уже за спиной, ближе, ближе, [illegible] это уже не [illegible] гиганты догоняют лилипута, [illegible] громадные ступни зависли надо мной, господа, и [illegible]! Громовое эхо [illegible], вынесло генерала из кресла. В висках неистово пульсировало «Пропал, пропал, пропал...» Проспал!

Он чуть не до локтя [illegible] рукав кителя. Часы показывали три тридцать. Лай собак вдруг сделался [illegible]. Генерал [illegible] лицо. Нет, нельзя так раскисать, а то таких дров здесь еще наломаешь, особенно в треклятом этом коридоре. Уж там-то игру [illegible] не договоришься. Любой промах — смерть. [illegible] ставки [illegible] и до [illegible] требовал холодок

А что было бы, проснись он после часов? [illegible] уже [illegible] Нет, определенно [illegible] времени

все эти времени? Генерал [illegible] дернул рукав мундира, уставился на циферблат. Протер стекло. Приложил к уху. Вроде бы тикают. [illegible] уж очень тихо. А что, если они отстают или батарейки садятся? Он расстегнул браслет осторожно, словно боясь расплескать чашу с живой водой, снял часы с руки. Большие золотые, инкрустированные алмазами часы эти достались ему в [illegible] даром. Так [illegible] услуги солидной фирмы — [illegible] торговлю в этой нищей стране.

Он не удержался и еще раз посмотрел на часы. Встал. Отсидевшие ноги не слушались. Только этого еще не хватало! Лейтенант, скотина, [illegible] резвым показался, [illegible] по [illegible] по домам... К лицу ли ему, генералу, такие прыжки? Да еще в его весе — тут и не такие ноги откажут. Особенно икры донимают... Он нагнулся, чтобы растереть их. Черт же дернул его за это! Словно резкая [illegible] с маху пронзила его. Как подкошенный он рухнул в кресло. Принялся было массировать сведенную судорогой икру, но боль была такая, что генерал [illegible] стал [illegible] лед.

Чтобы подняться, пришлось перевернуться на живот. Заодно вновь можно взглянуть на часы. Без двадцати четыре. До [illegible] в туннель тридцать пять минут. Или пять? А может, там надо было быть еще час назад? Эх, и часы те не сверить — разве что с собственным [illegible]

Не отрывая [illegible] от [illegible] генерал [illegible] целую вечность двигался к креслу. Потом [illegible] его к двери и [illegible] [illegible]

А что, если за [illegible] пять минут он не успеет [illegible] все эти [illegible]? Или [illegible] вновь [illegible]? Он [illegible] вспомнил лейтенанта, его [illegible] пройтись по коридору «прогулочным шагом»

Осторожно [illegible] отжаться руками — удалось. Теперь он стоял [illegible]. Медленно, медленно поднял левую руку. Зубами [illegible] рукав. Осторожно [illegible]. Пора двигать к выходу.

Вот минутная стрелка замерла на горизонтали — и в то же мгновение от стены [illegible] коридора [illegible] протянулись желтые полоски лучей. [illegible] и грузный [illegible] человек [illegible] желание пулей [illegible]. Разом выбраться из этой мышеловки, полной грудью вдохнуть свежий, привольный воздух. И вышел в коридор

Генерал шел, обливаясь холодным потом. И без того [illegible] путь до луча, перерезавшего коридор как раз на уровне его пояса. Вроде бы до него сейчас метров тридцать. Значит, пройдено уже сто. Или восемьдесят? А может, это двадцать — кто знает... Ти-ак, [illegible] ноги совсем [illegible]. Эх, [illegible] бы [illegible] в стене? [illegible] здесь [illegible]. А сейчас [illegible] первый из пятнадцати этих [illegible] желтых лучей... Отлично!

Послышался тихий зуммер: генерал [illegible]. Луч за спиной погас. Не останавливаясь, он [illegible] глянул на циферблат. На весь маршрут до луча ушло шесть минут. Помножим на пятнадцать. Это что же выходит, а? Полтора часа? Да ведь ему отпущено половина этого срока! Надо прибавить. Выбора нет. Нет его, [illegible] нет. Не-е-т!!

Галерея стала уходить куда-то вбок. Генерал шел уже почти нормальным шагом, понимая, однако, что недостаточно быстро. Поврежденные сухожилия давали знать о себе все настойчивее, [illegible] при всем желании нельзя было ускорить и без того уже рискованный ход. А где-то там, в глубине, скоро сработает механизм [illegible]

Рисунок В. НЕВОЛИНА

решетка, перегораживающая туннель, в последний раз откроет проход и с чавком обрушится зубьями на асфальт?

Он чуть увеличил шаг — и тут же боль прострелила колено: в семнадцати метрах от третьего луча правая нога стала подозрительно шаркать. Третий луч генерал пересек, уже заметно хромая. С нетерпением глянул на часы. Вот это да: за две минуты, личный рекорд! А может, дистанция между лучами сократилась? Тоже неплохо.

На четвертый и пятый этапы ушло в среднем по столько же, что вселяло надежды. Только бы опять не свело ногу. Гилерен уже заметно сворачивал вправо, и дорога, кажется, пошла под уклон. Или почудилось?

— Проходя восьмой участок, он уже умел экономить драгоценное время, сосредоточиваться только на решении одной проблемы — идти, слабея ноги в коленях.

Пересекая девятый луч, он даже не взглянул на часы: что толку, когда впереди — еще шесть и неизвестно, дотянет ли он до десятого?

Решив хоть немного взбодриться, генерал попытался было насвистывать любимый марш, но и тут его ждала неудача: с губ сорвалось лишь омерзительное шипение.

Что ж, тогда он будет думать о будущем и новой жизни — в тиши и спокойствии. Благо денег у него предостаточно, остались и влиятельные друзья. Да, там будет ему вольготно. Там... Если здесь по времени доберется до решетки! Робость, конечно, есть, но только так, слегка. Что ж такого? Говорят, и самые храбрые бывают повержены

дулом, и он, несомненно из самых, это и раньше многие отмечали. Взять тот же переворот. Да разве кто-нибудь провернул бы его с той же отвагой и решимостью?

— Пройден десятый луч. На часах — четыре сорок семь. Он явно запаздывает и силы уже на исходе. Зависит да значит все, на что еще способны ноги. Идти, идти дальше.

Изможденный белым с искусанными в кровь губами он преодолел желтый шлагбаум одиннадцатого луча. И в ту секунду, когда казалось, что сейчас он без сил растянется на асфальте, чтобы никогда уже не подняться больше — и ту самую секунду он все таки прибавил шагу. А если уж честно — просто очень хотелось в это верить. Он обманывал сам себя. Ласкал тешил иллюзиями.

Путь до четырнадцатого луча казался уже бесконечным. Каждый шаг давался с запредельным трудом. И тогда он загадал: дойду — взгляну на часы. Только взгляну — и все. А там можно воспользоваться и услугами пистолета. Вот он, в заднем кармане... генерал с мстительным наслаждением нащупал по нему.

Ни [illegible] в недалеком будущем избавления от всех мук, сейчас движение это стало иным сигналом бедствия. Руки отказывались ему подчиниться. Он шевельнул левой — то же самое. В глазах потемнело от нового приступа боли и страха. Он шел, [illegible] вопросом и [illegible] где-то там, впереди четырнадцатый луч. Шел [illegible] ни [illegible] смертельно раненый бык...

Луч иногда за спиной. Генерал с ненавистью [illegible] циферблат. Без трех минут пять. Три минуты, всего три минуты, чтобы добраться до этой стальной [illegible], которая поднимется на мгновение — и там и рухнет [illegible] Так стоит ли вообще совать под нее голову?

В отражении последнего луча матово блеснула решетки. И вновь в генерале вспыхнуло [illegible] желание бежать. И позабыв обо всем на свете, он было рванулся [illegible] дряблое тело [illegible] и [illegible] качнуло.

Прозрачно желтеющий финиш преодолен и [illegible] полосу [illegible] В это мгновение [illegible] триумфатора [illegible] какой-то [illegible] кубик — и его всем [illegible] в решетке. И тут генерал — [illegible] услышал: слух [illegible] и зрение [illegible] боли — он нутром почуял настигавший его вой. [illegible] длинный отточенный [illegible] метнулся из глубин [illegible] [illegible] на [illegible]. [illegible] не пришлось — [illegible] [illegible] в решетке [illegible] звери обезумевших от голода и [illegible] близости жертвы собак.

В следующую секунду заработал механизм. Горбясь [illegible] руками [illegible] к животу [illegible] генерал [illegible] от жесточайшей боли и животного страха. Решетка медленно медленно освобождала проход. [illegible] замерла [illegible] — и тогда [illegible] Воющий сверкающий [illegible] [illegible] дыру. Железные зубья [illegible] вонзились.

[illegible] была [illegible] ся вперед [illegible] [illegible] преграду [illegible] его [illegible] [illegible] части.

С перекошенным от ужаса лицом генерал наблюдал эту сцену. Он забыл на это время о боли. Убраться отсюда! Как можно быстрее и дальше.

Но подняться сил уже не было. Генерал [illegible] ногтей, цепляясь за каждую щербинку и [illegible] удалось чуть оторваться от [illegible] Тем горше было расплачиваться за нем. И тогда генерал встал на четвереньки. Так он [illegible] несколько метров [illegible] руки — и [illegible] ткнулся в асфальт.

...Когда генерал в третий раз растянулся, единственной мыслью было: «Все. Не подняться. Тело разом обмякло.

Его поглотило глубокое забытье. И длилось оно, кажется недолго раза и жизнь вернула к действительности. Встрепенувшись, он окончательно пришел в себя. Прищурил глаза — [illegible] ничему то теперь было лучше видно. Люк маячил метрах в двадцати не больше. Неужто вода, [illegible] не добраться? Конечно, вниз тут [illegible]! Да вот только [illegible]? Время, черт время! Сколько сейчас, сколько осталось — генерал не знал и знать не хотел, что за смысл бежать от одного убийцы, чтобы тут же повстречаться с другим?

Генерал продвигался вперед. Добраться! Застрелиться никогда не поздно. Надо будет — он пустит пулю в лоб у самого люка. Вот именно, только у самого люка, не раньше.

Он снова ткнулся лбом об асфальт. Голова чуть не раскололась от боли. Ледяные иглы вонзились в живот... И вдруг он почуял свежее дуновение ветра. В [illegible] радости он вскинул вверх руку. Пальцы больше ткнулись в скалистое тело подземелья.

Все. Невозможно больше. Ему ле и чем себя упрекнуть, достигнуты были последние сил перевернуться на спину лицом туда, где должно быть небо. Но и это удалось лишь наполовину, и теперь он неловко лежал на боку.

Совершенно отчетливо прямо над головой громыхнули [illegible]. Он машинально открыл глаза и [illegible] железной [illegible] звуков.

Люк был открыт. Генерал [illegible], демонстрируя [illegible] мерцающую пасть.

Толстяк [illegible] с трепетом ощущая, как они отдают ему свою силу. И тогда он медленно стал подниматься. Асфальт разом вздыбился в небу, и дыра люка заплясала перед глазами, а его самого бросило от стены к стене. Но он всем телом рванулся вверх, к каменному зеву. Ему удалось лишь едва ухватиться за самый край стальной челюсти.

Они сидели на [illegible] балках, молча поглядывая друг на друга из-под [illegible] век. Толстяк на мгновение [illegible] глаза, ущипнул себя за руку. И услышал свой собственный [illegible] смех, а взгляд уже [illegible] [illegible] потолку [illegible] стене со следами обоев.

— Время уходит, — бесстрастно заметил лейтенант.

— Генерал, радость-то [illegible]! — [illegible] [illegible] поднимаясь, толстяк. Его распирало от удовольствия, хотелось смеяться, говорить и, как всегда, был он весел и [illegible].

Отряхивая брюки от налипшего мусора, он счастливо и спокойно подумал, что дорогою мучившие его [illegible] стали для него [illegible] приметы, они всегда сулили удачу даже и самых рискованных предприятиях.

Лейтенант двинулся вперед — дорога была ему известна.

— Здесь, — сказал он, останавливаясь у [illegible] стены.

Толстяк [illegible].

Раздался скрежет и край [illegible] стены [illegible] и [illegible] прямо на них.

Он [illegible].

Открылся черный зев. Они спустились и [illegible] Ступени спиральной лестницы [illegible] вели в саму преисподнюю. Очень низко! Мучительно захотелось, не разбирая дороги... Но колени вдруг подогнулись, он едва успел схватиться за перила [illegible] глазами [illegible]. Дверь за спиной с лязгом захлопнулась.

Будто зарница полыхнула в мозгу. Страшная боль вернула сознание. Пальцы медленно [illegible] и [illegible] люка. Ледяной ужас стиснул и остановил сердце. Дрогнули [illegible] в [illegible] туннели [illegible]. Оторвалось черное время. Чир[illegible] время [illegible]

Перевод с японского
НИКОЛАЙ ЛОПАТЕНКО

МИХАИЛ ЕФИМОВ

СВЕТ СТАРОГО ДОМА

Три дороги, бегущие в разных концах острова Сааремаа, сходятся перед ратушей. Здесь они образуют треугольную площадь, типичную для эстонских городков, выросших из рыбацких деревень. Площадь окружают наиболее богатые и представительные дома, с реставрации которых началась реконструкция Кингисеппа — одного из шести заповедных малых городов Эстонии.

Вхожу в двухэтажное здание ратуши, построенной в XVII веке. Над главным порталом — старинный тесаный из камня герб «жители острова» и латинская надпись: «Звезда не выполняет свой долг на пользу людям и на благо обществу». Девиз и сегодня соответствует назначению здания — в нем размещается Кингисеппский райисполком.

Из просторного вестибюля, выложенного плитами, наверх ведет лестница с крутобокими балясинами. На стенах — гравюры и акварели, которые переносят в далекое прошлое городка.

Площадь перед ратушей забита телегами, толпятся крестьяне, съехавшиеся со всего холмистого острова. Продают хлеб, рыбу, поросят. Тут же расположились местные ремесленники и заморские купцы. Жены сааремаасских рыбаков в длинных серых юбках и белых передниках прицениваются к предлагаемым заграничным товарам.

Таких пестрых, как когда-то, ярмарок в Кингисеппе теперь не увидишь. Изредка пересекут ратушную площадь «Жигули» или пробегут стайкой девчонки-школьницы в клетчатых платьях. Да на углу стоят несколько человек, поджидающих идущий в порт автобус.

Рыцари пересекали во двор стоящего торцом к площади здания с всевозможным, видным издалека узорным фронтоном. Это склады были винные. Как только опустится солнце, усаживаются здесь за длинные лавки под навесами благообразные старушки и суровые старики со шкиперскими бородками и терпеливо ждут покупателя. Коли такой находится, продавец, заворачивая покупку, непременно благодарит его и обе расстаются довольные.

Кажется, здесь все знают друг друга. Потомственные рыбаки, как и в годы давние, выходят в море на своих баркасах. И снова уже вечером женщины встречаются на уютных и чистых улочках городка в магазинах и барах. Современный быт и еще привычный нам комфорт не нарушил целостности неторопливо второго центра, но удивительным образом ужился с низкими черепичными крышами, вычурными фронтонами и дымоходами в ветреной мельницей, стоящей неподалеку от ратуши.

Над тихой площадью несется золотистый взрезанный куранток соборной колокольни. И словно по сигналу из густых туч, проплывающих над островом, начинает моросить дождь. Он заполняет резные праздничные стеклянные витрины магазинов и кафе, наполняющих главную улицу, ведущую к замку Курессааре.

В средневековых хрониках впервые упоминается замок на Сааремаа под 1381 годом, но историки считают, что монастырь с укрепленной башней существовал здесь еще раньше. В период владычества, престольный замок, который при немцах назывался Аренсбургом, служил резиденцией Эзель-Викского епископа, власть которого распространялась на острова Сааремаа и Хийумаа и на западную часть средневековой Эстонии — Ливонии. В этих равнинных местах, усиливаемых ветрами, замки ставились у заливов и рек.

В Кингисеппе я остановился в небольшом деревянном особняке под вывеской «Отель «Лоял». Он стоял в старом парке, рядом с замком. По крутой скрипучей лестнице я поднялся в отведенную мне просторную и светлую комнату. Здесь было хорошо слышно, как по островерхой крыше, шелестя, сбегает дождь и скрипят могучие деревья. На мокрую траву из большого решетчатого окна падали желтые блики электрического света.

По утрам я шел по мокрой аллее к деревянному мостику, перекинутому через глубокий заросший ров, и видел, как на водной глади покачиваются белые лилии.

Из земляных укреплений, некогда окружавших замок, сохранилась лишь одна Орудийная башня. К ней каждый день приходили плотники, реставраторы Арне Вовар и Пауль Саар и стук их топоров нарушал тягучую тишину парка. Плотники тесали балки для новых перекрытий башни, и от них я узнал, что остальные реставраторы работали в замке. Они заканчивали ремонт дома музея Виктора Кингисеппа — эстонского революционера, имя которого с 1952 года носит город.

Низкий сводчатый ход, косо прорезанный крепостной вал, выводит на мощеную площадь. Серая громада курессаарской цитадели будто вытесанная из одного куска камня, неожиданно открывается из темной арки. Стены, кое-где прорезанные щелевидными окошками со стрельчатыми рамами, завершаются прямыми зубцами. Именно такими и представлялись мне в детстве замки крестоносцев — суровыми, мрачными. Внутри цитадели скрыт маленький дворик, куда ведет единственный низкий стрельчатый вход, который в любую минуту может закрыть массивная, на готове решетка-герса.

Теперь в замке этнографический музей Сааремаа. Можно бесконечно бродить по его этажам и галереям, любоваться прохладным внутренним двором, рассматривать тесаный готический декор торжественных залов, слушать гулкое эхо шагов под сводами капеллы...

О многом поведали эти стены архитекторам-реставраторам Калью Алуве и Яану Митту. Они увидели следы многочисленных осад, ремонтов и достроек, которым постоянно подвергался Курессааре. В Ливонскую войну замок захватили войска польского короля Сигизмунда. Позднее владели шведы, сооружавшие вокруг цитадели новые укрепления. В Северную войну армия Петра I штурмом овладела крепостью, взорвав ворота. Чтобы восстановить утраты, разобраться в наслоениях эпох, реставраторам потребовалось пятнадцать лет. Основным для этих кропотливых работ, завершенных только в прошлом году, послужили старинные чертежи, предоставленные Шведским королевским архивом.

Из маленького окошечка, к которому ведут ходы в стене, скрытые в толще стены, можно охватить взглядом расположенные звездой вокруг цитадели бастионы, а за ними — запутанные улочки Кингисеппа. Видны ратуша, мельница, пожарная каланча и современное здание универмага, построенное из окрашенного камня.

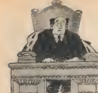
...Вечером ветер принес с Балтики набухшие фиолетовые тучи. Они низко затянули небо, грозя разразиться над Сааремаа. Но упрямый солнечный луч отыскал прореху в небесной хляби и, ударив в землю, расцветил фасады домов. Черепицы башенок Курессааре заметались рябиновыми гроздьями и зеленой листвой вереска.

Когда самолет, на котором я улетал с Сааремаа, стал набирать высоту, открылась мне желтая плоскость острова с серыми лентами дорог, сбегающих к россыпи разноцветных домов возле темной громады замка.

Остров, казалось, плыл по синим волнам, как корабль.

г. Кингисепп
Эстонская ССР
(См. 4-ю стр. обл.)

АМБРОЗ БИРС
(США)

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ПАТРИОТ

Фантастический рассказ

На аудиенции у Короля Изобретательный Патриот вынул из кармана бумаги и сказал:

— Позвольте предложить Вашему Величеству новую броню, которую не может пробить ни один снаряд. Если эту броню использовать на флоте, наши боевые корабли будут неуязвимы и, следовательно, одержат победу. Вот свидетельства министров Вашего Величества, которые удостоверяют ценность изобретения. Я готов расстаться с ним за миллион тумтумов.

Изучив документы, Король отложил их в сторону и велел Государственному Казначею Министерства Вымогательства выдать миллион тумтумов.

— А вот, — сказал Изобретательный Патриот, вытащив бумаги из другого кармана, — рабочие чертежи изобретенного мной орудия, снаряды которого пробивают эту броню. Их мечтает приобрести брат Вашего Величества Император Бацы, но верноподданнические чувства и преданность Вам лично заставляют меня предложить их сперва Вашему Величеству. Всего за один миллион тумтумов.

Получив согласие, он засунул руку в другой карман.

— Цена этого непревзойденного орудия была бы гораздо выше, Ваше Величество, если бы не тот факт, что его снаряды можно отразить путем обработки моей брони новым...

Король дал знак Главному Доверенному Слуге.

— Обыщи этого человека, — велел он, — и доложи, сколько у него карманов.

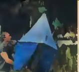
— Сорок три, сир, — сказал Главный Доверенный Слуга, выполнив приказ.

— Да будет известно Вашему Величеству, — в ужасе вскричал Изобретательный Патриот, — что в одном из них табак.

— Переверните-ка его вверх ногами да потрясите хорошенько, — молвил Король. — Потом выпишите ему чек на 42 миллиона тумтумов и предайте казни. И подготовьте указ, объявляющий изобретательность тягчайшим преступлением.

Перевел с английского В. БАКАНОВ

Рисунки М. ФЕДОРОВСКОЙ

КАК БЫК МУХУ ОДОЛЕЛ

Муха цеце — подлинное бедствие для многих районов Африки. Она переносит возбудителей сонной болезни человека и болезней домашнего и дикого рогатого скота. Ученые перепробовали много средств борьбы с ней, но лучше ловушек ничего не придумали. Однако и ловушки должны быть приманкой. Исследования последних лет показали, что наиболее привлекательным на травленной для мухи цеце — это химические компоненты, содержащиеся в воздухе, им дыхаемом быком. Теперь в различных районах Африки можно встретить специальные сети, которые распыляют моделями ловушки, смоченные химикалиями и обладающие приятным для мух «бычьим выдыханием». Эту методику использовал и французский ученый Жанно Ладавьеп, работающий в Конго (на снимке). Благодаря его стараниям почти болезни лишилась деревня Кунгуву. Может быть, вскоре от нее освободятся и другие африканские деревни.

ПЕСНЬ БУРДЮКА

Дуда, средний кобза, гайда, волынка — все это названия этого духового язычкового инструмента у разных народов, устроенного по принципу: меха в виде бурдюка из козьей бараньей или телячьей шкуры и несколько деревянных или тростниковых трубочек. Место и дата рождения инструмента неизвестны, но некоторые исследователи считают, что пришел он из древней Персии. В русских книгах он встречается под именем волынки. Народное название волынки почти повсюду заставляет вспомнить пронзительный неумолчный звук, издаваемый инструментом.

А в английском языке есть название «бэгпайпс» — буквально «мешок с трубками». Особенно популярны они в Шотландии, где считаются национальным инструментом. Здесь действует более десятка мастерских по производству волынок, которые выпускают до двух тысяч инструментов в год. На изготовление одного «бурдюка с трубками» уходит около недели.

Сколько всего волынщиков в одной Шотландии, существует более двух сот оркестров волынщиков в Англии — около сотни. Каждый год проводится в Шотландии всемирный фестиваль, где выступают лучшие исполнители-волынщики.

Один из признанных мастеров считает, что отдавшему себя волынке нужно обучаться играть на ней не менее двух лет. Надо просто уметь заниматься всю жизнь. И тогда каждый мастер поднимется до высот, которые и не снились ему начинающим волынщиком.

Ровно семь поколений волынщиков за плечами Алана Камерона, изображенного на нашем снимке. Своим искусством он ведет многовековую традицию волынщиков у входа в Национальную галерею Шотландии.

ВСТРЕЧА ВЕКОВ

Комета Галлея была своеобразным символом 1986 года. Ее всюду не только было наблюдать не вооруженным глазом, но и вооруженным. Так более печатались снимки, один из которых фотографии Джеймса Бенсона на острове Пасхи. Ясная комета над каменным истуканом. Природное явление, которое удивляло разные страны через с помощью новейших приборов и самых совершенных космических аппаратов и загадочный символ загадки, копия которой уходит в глубь веков. Символ загадки будущего и прошлого. И в то же время символ вечности. Пройдет 76 — нет, уже 75 лет — и снова комета Галлея (вероятно, уже более совершенными космическими аппаратами) появится в небе над безмолвными истуканами острова Пасхи.

КРОКОДИЛ В СВИТАВЕ

Туристам, приезжающим в Брно, непременно покажут две достопримечательности, что находятся в проезде, ведущем в старую ратушу. Первая — висящее над головами чучело большого крокодила. Рассказывают, что в начале XVII века в реке Свитаве, на которой стоит город, поселился крокодил, сбежавший из бродячего цирка. Чудовище наводило ужас на жителей. С большими трудностями крокодил в конце концов был пойман, и его чучело передали ратуше. О второй достопримечательности, висящей здесь же — деревянном колесе — имеется такое предание. Однажды — было это в 1636 году — поспорил как мастер Георг Бирк из Левице небольшой об заклад, что за день срубит дерево, изготовит из него колесо и прокатит в Брно. Между прочим, расстояние между этими городами — 64 километра. Легенда утверждает, что мастер выиграл спор, но счастлив не был — люди судачили, считая, что он знался с нечистой силой.

СЕРВИС В МИРЕ НАСЕКОМЫХ

Корень дерева — надежданных жуков, оно может отпугнуть хвостом. Жуку древоточцу ужа [illegible] нет.

Не все знают, что насекомые очень часто служат нашей домами и транспортными средствами для еще более мелких насекомых. Например, есть десятки видов клещей, перевозящих на жуках подгонаемых созданиях. Одни подобрали заднюю переднюю, попадающую на спину насекомого к жуку. Другие питаются нарастами жуков. Таким образом, клещи рассматривают древоточца как явление: тут тебе и завтрак, и постоянный дом. А для псевдоскорпионов древесный — хорошая вещь. Это своеобразные лапы, средней и бокам жизни во время от времени перебираются на новое место, вцепившись в лапку пробегающего мимо жука-древоточца.

ПЫЛЕСОС НАОБОРОТ

ГОРОД ОДНОФАМИЛЬЦЕВ

ЛЕС ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

СТАРАТЕЛЬСКИЕ СТАРАНИЯ

СПОРТ ДЛЯ БРАНДМЕЙСТЕРОВ

ГАЛСТУК СО СМЫСЛОМ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

На первой странице обложки: **СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ.** *Темные воды, омывающие берега острова Фукуок, богаты рыбой, креветками, черепахами. Черепаха — «ба-ба» — занимает особое почетное место на вьетнамском столе: только супов из нее делают больше сотни. А у народных мастеров фукуокские черепахи ценятся из-за красивого панциря.*

Не зря название «Фукуок» переводится как «богатство страны». Здесь из мелкой рыбки вида ... из рыб (анчоусов) делают в гигантских бочках — таких, как вы видите на нашей третьей странице обложки, — неизменный и пахучий «нуок мам». (Об острове Фукуок читайте на стр. 40.)

Фото А. МИНЕЕВА

Наш адрес:
125015 Москва, А-15
Новодмитровская ул., 5а

Телефоны
для справок — 285-88 83;

отделы:
«Наша Родина»
285 89 83

постраничный
285-89 58

науки —
285 89 38

литературы —
285 87 58

писем —
285 87 88

иллюстраций —
285 89-36

приложения «Искатель»
285-88 18

секретариат
285 88-28

В номере использованы фотографии из журнала «Нэшнл джиографик» (США)

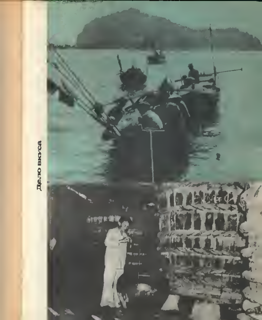
Художественный редактор М. Федоровская
Макет Г. Комарова. Технический редактор О. Бойко

© «Вокруг света» 1987 г.

Сдано в набор 25.02.87. Подп. в печ. 15.04.87. А07079. Формат 84 × 108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,1. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 50. Цена 60 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

«Вокруг света» 1987. 1—64. издательство «Молодая гвардия». 70142

ВОКРУГ СВЕТА

Дело вкуса

Кингисепп — один из шести заповедных малых городов Эстонии. Современный быт с его привычным ныне комфортом не нарушил целостности неповторимого старого центра: он удивительным образом ужился с высокими черепичными крышами, вычурными фронтонами и дымниками, с островерхой мельницей, стоящей неподалеку от ратуши.

Фото М. ЕФИМОВА

(См. «Свет старого дома», стр. 60.)

Далекое-близкое

ISSN 0321—0089
Индекс 70142
[redacted]
Цена 80 коп

С. 57